

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ VII .

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул. с. 2.
МОСКВА.—1914.

АЛЕКСАНДРЪ I.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Столько народу ходило къ Рылѣву, что, наконецъ, въ передней колокольчикъ оборвали. Пока мастеръ починить, расторопный казачокъ Филька кое-какъ связалъ веревочкой.—«Не бѣда, если кто и не дозвонится: за пустанками лѣзуть!» ворчалъ хозяинъ, усталый отъ посѣщеній и больной: простудился, долженъ-быть, на ледоходѣ.

Однажды, въ концѣ апрѣля, просидѣвъ за работой до вечера, въ правленіи Русско-Американской Компаніи, вспомнилъ, что забылъ дома нужныя бумаги. Правленіе помещалось на той же лѣстницѣ, гдѣ онъ жилъ, только спуститься два этажа. Сошелъ внизъ, отперъ, не звоня, входную дверь ключомъ, который всегда имѣлъ при себѣ. Филька спалъ на сундукѣ въ прихожей. Не запирая двери, хозяинъ прошелъ въ кабинетъ, отыскалъ синюю папку съ надписью: «Колонія Россъ въ Калифорніи», и хотѣлъ вернуться въ правленіе. Но, проходя черезъ столовую, услышалъ голоса въ гостиной. Удивился; думалъ, что никого дома нѣтъ: жена давеча вышла; Глафира собиралась съ нею. Кто же это? Подошелъ къ неплотно запертой двери, прислушался: Якубовичъ съ Глафирою.

Давно уже Рылѣвъ замѣчалъ ихъ любовныя шапки. Просилъ жену спровадить гостью отъ грѣха домой, въ Чухломскую усадьбу къ тетенькамъ. Якубовичъ—не женихъ, а осрамить дѣвушку ему нипочемъ. На то и *роковой человекъ*.

Еще недавно была у Рылѣева дуэль изъ-за другой жениной родственницы, тоже обманутой дѣвушки. Неужто ему снова драться изъ-за дурищи Глафирки?

— Я — какъ обломокъ кораблекрушенія, выброшенный бурей на пустынный берегъ, — говорилъ Якубовичъ. — Ахъ, для чего убійственный свинецъ на горахъ кавказскихъ не пресѣкъ моего бытія... Что оно? Павшій листъ между осенними листьями, флагъ тонущаго корабля, который на минуту вѣетъ надъ бездною...

— Любящее сердце спасетъ васъ, — томно ворковала Глашенька.

— Нѣтъ, не спасетъ! — простоналъ Якубовичъ. — Душа моя, какъ океанъ, задавленный тяжелой мглой...

Рылѣевъ удивился: вспомнилось, что эти самыя слова объ океанѣ говорилъ и Бестужевъ. Кто же у кого заимствовалъ?

Слова замерли въ страстномъ шопотѣ; послышался дѣвственный крикъ:

— Ахъ, что вы, что вы, Александръ Ивановичъ! Оставьте, не надо, ради Бога...

Рылѣевъ отворилъ дверь и увидѣлъ Глашеньку въ объятіяхъ Якубовича: по тому, какъ онъ ее цѣловалъ, ясно было что это уже не въ первый разъ.

Глафира взвизгнула, хотѣла упасть въ обморокъ, но такъ какъ не шутя боялась *братца*, — такъ называла она Рылѣева, — предпочла убѣжать въ кухню и тамъ спрятаться въ чуланъ, какъ пойманная съ кадетомъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка.

Рылѣевъ взялъ Якубовича за руку и повелъ въ столовую.

— Ну что жъ, поздравляю. Честнымъ пиркомъ да свадьбу?

Якубовичъ молчалъ.

— Отвѣчайте же, сударь, извольте объяснить ваши намѣренія...

— Я, видишь ли, другъ мой, почелъ бы, разумѣется, за счастье... Но ты знаешь мои обстоятельства: не могу я жениться, не въ правѣ связать жизнь молодого существа...

— А въ правѣ обезчестить?

— Послушай, Рылѣевъ, кажется, Глафира Никитична не маленькая...

— Еще бы маленькая! Старая дѣвка. Но пока она въ моемъ домѣ, я никому не позволю...

— Да что ты горячишься, помилуй? У насъ вѣдь ничего и не было...

Если бы случилось это на Кавказѣ, Якубовичъ принялъ бы вызовъ; у него была храбрость тщеславія, и онъ стрѣлялъ превосходно, а Рылѣевъ плохо; но здѣсь, въ Петербургѣ, на виду государя, поединокъ грозилъ новою ссылкой, окончательнымъ разстройствомъ карьеры, а можетъ-быть, и раскрытіемъ Тайнаго Общества—и тогда неминуемой гибелью.

— Ты знаешь, душа моя, я не трусь и всегда готовъ обмѣняться пулями, — но на тебя рука не подыметъ. Да и не за что, право...

— А, такъ ты вотъ какъ, подлець! — закричалъ Рылѣевъ, и вихорь поднялся на затылкѣ его, угрожающій, какъ, бывало, въ корпусѣ, передъ дракою. — Такъ не будешь, не будешь драться?..

Еще въ началѣ разговора слышался въ прихожей звонокъ; потомъ второй, третій, четвертый, — все время звонили; испорченный колокольчикъ дребезжалъ слабо и, наконецъ, въ послѣдній разъ глухо звякнувъ, совсѣмъ умолкъ: вѣрно, опять оборвался.

«Э, чортъ! Кого еще принесла нелегкая? А Филька, подлець, дрыхнетъ», — думалъ Рылѣевъ полусознательно, и это усиливало бѣшенство его.

— Такъ не будешь? не будешь?... — наступалъ на противника, блѣднѣя и сжимая кулаки.

Росту былъ небольшого и довольно хилъ; Якубовичъ передъ нимъ силачъ и великанъ. — Но въ тонкихъ, сжатыхъ, поблѣднѣвшихъ губахъ Рылѣева, въ горящихъ глазахъ и даже въ мальчишескомъ вихрѣ на затылкѣ что-то было такое неистовое, что Якубовичъ потихоньку пятился; и если бы въ эту минуту Рылѣевъ взглянулъ въ него, то,

можетъ-быть, понялъ бы, что «храбрый кавказецъ» не такъ храбръ, какъ это кажется.

— Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ? — произнесъ чей-то голосъ.

Тотъ обернулся и увидѣлъ незнакомаго молодого чело-вѣка въ армейскомъ, темно-зеленомъ мундирѣ съ высокимъ краснымъ воротникомъ и штабъ-офицерскими погонями.

— Прощу извинить, господа, — проговорилъ вошедшій, поглядывая съ недоумѣніемъ то на Рылѣева, то на Якубовича, — не дозвонился: должно-быть, испорченъ звонокъ, дверь отперта...

— Что вамъ, сударь, угодно? — крикнулъ хозяинъ.

— Позвольте представиться, — продолжалъ гость съ едва замѣтной усмѣшкой: — полковникъ Павелъ Ивановичъ Пестель.

— Пестель! Павелъ Ивановичъ! — бросился къ нему навстрѣчу Рылѣевъ, и лицо его просвѣтлѣло, съ тѣмъ внезапнымъ переходомъ отъ одного чувства къ другому, который былъ ему свойственъ.

— Прощу васъ, господа, не стѣсняйтесь. Я въ другой разъ... — началъ было Пестель.

— Нѣтъ, что вы, что вы, Павелъ Ивановичъ! Милости просимъ, — засуетился Рылѣевъ, пожимая ему руки и отнимая шляпу; о Якубовичѣ забылъ. Тотъ прошмыгнулъ мимо нихъ въ прихожую, торопливо одѣлся и выбѣжалъ.

Хозяинъ повелъ гостя въ кабинетъ, продолжая суетиться съ преувеличенной любезностью.

— Не угодно ли трубочку?

— Спасибо, не курю.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то залучили васъ! — опять засуетился Рылѣевъ, сбиваясь и путаясь. — А я ужъ, признаться, думалъ, что такъ и уѣдете, не повидавшись.

— За мною слѣдять, надо было выждать, — заговорилъ Пестель чистымъ русскимъ говоромъ, но слишкомъ правильно, отчетливо, и въ этомъ виденъ былъ нѣмецъ. — Я пріѣхалъ съ генераломъ Киселевымъ, начальникомъ штаба. Государь обо мнѣ спрашивалъ. Надо быть весьма осторожнымъ... А это кто у васъ?

— Якубовичъ.

— А, знаю... Дверь, кажется, не заперли? Вашъ мальчикъ спитъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, — спохватился Рылѣевъ. Сбѣгалъ, заперъ, растолкалъ Фильку, приказалъ ждать барыню и вернулся въ кабинетъ.

— Ну что, какъ у васъ, въ Южномъ Обществѣ?—видимо, затруднялся онъ, съ чего начать; вглядывался въ Пестеля.

Ему лѣтъ за тридцать. Какъ у людей, ведущихъ сидячую жизнь, нездоровая, блѣдно-желтая одутловатость въ лицѣ; черные, жидкіе, съ начинающейся лысиной, волосы; виски по-военному напередъ зачесаны; тщательно выбритъ; крутой, гладкій, точно изъ слоновой кости точеный, лобъ; взглядъ черныхъ, безъ блеска, широко разставленныхъ и глубоко сидящихъ глазъ такой тяжелый, пристальный, что, кажется, чуть-чуть косить; и во всемъ обликѣ что-то тяжелое, застывшее, недвижимое, какъ будто окаменѣлое. Говорили о сходствѣ его съ Наполеономъ; но если и было сходство, то не въ чертахъ, а въ чемъ-то другомъ.

Росту ниже средняго; мѣшковатъ, сутуль, одно плечо выше другого, какъ у людей много пишущихъ. Одѣтъ небрежно; длиннополый мундиръ сшитъ плохо, должно-быть, какимъ-нибудь уѣзднымъ жидомъ; зеленое сукно на спиикѣ выгорѣло; золото погоновъ потемнѣло. Ордена св. Владимира съ бантомъ, св. Анны, Пурлемеритъ и золотая шпага за храбрость: герой Двѣнадцатаго года.

«А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, Наполеона изъ себя корчитъ!» подумалъ Рылѣевъ, почему-то сразу насторожившись съ безотчетною враждебностью.

Пестель, не затрудняясь, приступилъ къ дѣлу.

— Я приѣхалъ въ Петербургъ, дабы предложить вамъ соединеніе Сѣвернаго Общества съ Южнымъ, — началъ онъ, глядя на Рылѣева въ упоръ своимъ пристальнымъ, какъ будто косящимъ, взглядомъ. — А для сего намъ нужно бы знать съ точностью ваши намѣренія, какъ всей Директоріи здѣшной, такъ и лично ваши, Кондратій Федоровичъ: я

хотѣлъ бы знать, какой именно образъ правленія полагаете вы для Россіи удобнѣйшимъ?

Бесѣда длилась больше двухъ часовъ. Пестель предлагалъ по очереди — Сѣверо-Американскую республику, Наполеоновскую имперію, революціонный терроръ, Англійскую, Французскую, Испанскую конституціи; выхвалялъ достоинства каждаго изъ этихъ правленій, а когда Рылѣевъ указывалъ на недостатки, торопливо соглашался и переходилъ къ слѣдующему. Похоже было не то на судебный допросъ, не то на школьный экзамень.

— У васъ методъ сократовскій, — замѣтилъ Рылѣевъ, давая понять неприличье допроса.

— Да, я люблю древнихъ, — не понялъ или не пожелалъ понять Пестель, и продолжалъ экзамень.

Рылѣевъ злился, и чѣмъ больше злился, тѣмъ больше себя выдавалъ; но въ то же время наслаждался бесѣдою, какъ умною книгою, отъ которой нельзя оторваться. «Умный человекъ въ полномъ смыслѣ этого слова», вспомнился ему отзывъ Пушкина о Пестелѣ. Что бы ни говорилъ онъ, пріятно было слушать: въ самомъ звукѣ голоса была чарующая увѣтливость, и логика плѣняла, какъ женская прелесть.

Время летѣло такъ быстро, что Рылѣевъ удивился, замѣтивъ, что уже темнѣть: казалось, прошло не два, а полчаса. И еще казалось, что, слушая Пестеля, впадаетъ онъ въ какой-то магнетическій сонъ, жуткое и сладкое оцѣпсѣніе, — какъ змѣя подъ музыкой. А можетъ-быть, и лихорадка начиналась къ вечеру; иногда пробѣгалъ по тѣлу легкій ознобъ, какъ бываетъ въ самомъ началѣ жара, похожій на чувство уютной сонности.

— Послушайте, Пестель, — попытался онъ стряхнуть чару, — у васъ все ясно и просто, какъ дважды два четыре, но политика—не математика, люди—не цифры и чувства—не выкладки...

— О, разумѣется! — согласился Пестель: — политика — не умозрѣніе отвлеченное, а плоть и кровь, сама жизнь народовъ, сама исторія. Обратимся же къ исторіи...

«И, начавъ отъ Немрода, — рассказывалъ впослѣдствіи Рылѣевъ, — медленно переходилъ онъ черезъ всѣ измѣненія законодательства; коснулся Греціи, Рима, показывая, сколь мало понята была древними вольность, лишенная представительства народнаго; пронесся быстро мимо Среднихъ вѣковъ, поглотившихъ гражданскую вольность и просвѣщеніе; пріостановился на революціи французской, не упуская изъ виду, что и оной цѣль не достигнута; наконецъ, палъ на Россію и ввелъ меня въ свою республику».

— Должно сознаться, что всѣ предшественники наши въ преобразованіи государствъ были ученики, да и сама наука въ младенчествѣ!—воскликнулъ Рылѣевъ съ восхищеніемъ.

Но Пестель, пропустивъ мимо ушей похвалу, продолжалъ экзаменъ.

— Итакъ, мы съ вами согласны?

— Да, во всемъ!

— Какое же ваше мнѣніе насчетъ мѣры къ приступленію къ дѣйствию? — проговорилъ Пестель медленно, упирая на каждое слово.

Рылѣевъ давно уже предчувствовалъ этотъ вопросъ; видѣлъ его сквозь магическій сонъ, какъ змѣя видитъ чарующій взоръ своего заклинателя. Понялъ, что Пестель — не то, что всѣ они, — романтики, словесники, мечтатели: для него понять—значитъ рѣшить, сказать—значитъ сдѣлать. И впервые показалось Рылѣеву все легкое въ мечтахъ — на дѣлѣ грознымъ, тяжкимъ, отвѣтственнымъ.

— Не знаю, — невольно потупился онъ, но и не видя чувствовалъ на себѣ тяжелый взглядъ: — мы еще не готовы, не рѣшили многого...

— Не рѣшили? не знаете? У васъ тутъ Никита Муравьевъ все пишетъ конституціи. А намъ не перьями дѣйствовать... Да, отъ размышленія до совершенія весьма далече... Такъ какъ же, Кондратій Ѳедоровичъ?

— Что вы меня все спрашиваете, Павелъ Ивановичъ? — поднялъ Рылѣевъ глаза и вдругъ почувствовалъ, что вотъ-вотъ разозлится окончательно, наговорить ему дерзостей. — А вы то сами какъ?

— Какъ мы? — отвѣтилъ Пестель тотчасъ же съ готовностью, тихо и какъ будто задумчиво: — мы полагаемъ, — всѣхъ...

— Что всѣхъ?

— Истребить всѣхъ, начать революцію покушеніемъ на жизнь всѣхъ членовъ царской фамилии. *Les demimesures ne valent rien; nous voulons avoir maison nette...* Вы, по-французски говорите?

— Нѣтъ, но понимаю.

— Полумѣры ничего не стоятъ; мы хотимъ—до тла, до чиста, — на всякій случай перевелъ онъ и прислушался къ шагамъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Кто это?

— Жена моя.

— При ней можно?

— Можно, — невольно усмѣхнулся Рылѣевъ. — Впрочемъ, если вы безпокоитесь...

— Нѣтъ, помилуйте. Я, кажется... извините, Бога ради, я иногда бываю очень разсѣянъ: о другомъ думаю, — улыбнулся Пестель неожиданной, простодушной улыбкой, отъ которой лицо его вдругъ измѣнилось, помолодѣло и похорошѣло.

«Чудакъ!» подумалъ Рылѣевъ, и ему показалось, что какъ ни пристально глядитъ на него Пестель, а не видитъ лица его, смотритъ поверхъ или сквозь него, какъ сквозь стекло.

Шаги затихли.

— О чемъ, бишь, мы? — продолжалъ Пестель. — Да, — всѣхъ или не всѣхъ?.. Такъ вы не рѣшили, не знаете?

— Знаю одно, — опять хотѣлъ возмутиться Рылѣевъ, — ежели — всѣхъ, то вся эта кровь на насъ же падетъ. Убійцы будутъ ненавистны народу и мы съ ними. Подумайте только, какой ужасъ подобныя убійства произвести должны! Мы вооружимъ всю Россію...

— О, конечно, мы объ этомъ подумали и рѣшили принять мѣры. Избранные къ сему должны находиться внѣ Общества; когда сдѣлаютъ они свое дѣло, оно немедленно

казнить ихъ смертью, какъ бы отмщая за жизнь царской фамилии, и тѣмъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ участіи. Намъ надобно быть чистыми отъ крови. Нанеся ударъ, сломаемъ кинжалъ.

Рылѣевъ вспомнилъ, что почти тѣми же словами думалъ онъ о Каховскомъ; но это была его самая тайная, страшная мысль, а Пестель говорилъ такъ просто.

— Сколько у васъ? — спросилъ онъ такъ же просто.

— Сколько чего?

— Людей, готовыхъ къ дѣйствию.

— Двое.

— Кто?

— Якубовичъ и Каховскій.

— Надежные?

— Да... впрочемъ, не знаю, — занялся Рылѣевъ, вспоминая давешній свой разговоръ съ «храбрымъ кавказцемъ». — Якубовичъ, тотъ, пожалуй, не совсѣмъ. Каховскій надежнѣе...

— Значить, одинъ — двое. Мало. У насъ десять. Съ вашими двѣнадцать или одиннадцать. И то мало...

— Сколько же вамъ?

— А вотъ, считайте.

Сжалъ пальцы на лѣвой рукѣ, готовясь отсчитывать правую.

— Ну-съ, по одному на cadaго. Сколько всѣхъ?

Держа руки наготовѣ, ждалъ.

Ночь была свѣтлая, но отъ высокой стѣны передъ самыми окнами темно въ комнатѣ; и въ темнотѣ еще бѣлѣе бѣлая рука съ алмазнымъ кольцомъ, которое слабо поблескивало въ глаза Рылѣеву. Опять чарующій взоръ заклинателя, опять магическій сонъ.

— Ну, что жъ, называйте, — какъ будто приказалъ Пестель.

И Рылѣевъ послушался, сталъ называть:

— Александръ Павловичъ.

— Одинъ, — отогнулся большой палецъ на лѣвой рукѣ.

— Константинъ Павловичъ.

- Два, — отогнулся указательный.
- Михайль Павловичъ.
- Три, — отогнулся средній.
- Николай Павловичъ.
- Четыре, — отогнулся безымянный.
- Александръ Николаевичъ.
- Пять, — отогнулся мизинецъ

Темнѣло ли въ глазахъ у Рылѣева, темнѣло ли въ комнатѣ, но ему казалось, что Пестель куда-то исчезъ, и остались только эти бѣлыя руки, отдѣлившіяся отъ тѣла, висящія въ воздухѣ, призрачныя. И пальцы на нихъ шевелились, проворные, какъ бѣлыя кости на счетахъ. Онъ все называль, называль; пальцы считали, считали, и, казалось, этому конца не будетъ.

— Этакъ и конца не будетъ! — проговорилъ изъ темноты чей-то голосъ, тоже призрачный: — если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ; у всѣхъ великихъ княгинь — дѣти... Не довольно ли объявить ихъ отрѣшенными? Да и кто захочетъ такого окровавленнаго престола. Какъ вы думаете?

Рылѣевъ хотѣлъ что-то сказать, но не было голоса: душная тяжесть навалилась на него, какъ въ бреду.

А знаете, вѣдь это ужасное дѣло, — заговорилъ опять изъ темноты тотъ же призрачный голосъ: — мы тутъ съ вами, какъ лавочники на счетахъ, а вѣдь это кровь...

Мысли у Рылѣева путались; не зналъ, кто это, — онъ ли самъ думаетъ, или тотъ говорить.

— Да вѣдь какъ же быть? Съ филантропіей не только революціи не сдѣлаешь, но и шахматной партіи не выиграешь. Рѣдко основатели республикъ отличаются нѣжною чувствительностью... Не знаю, какъ вы, а я уже давно отрекся отъ всякихъ чувствъ, и у меня остались одни правила. И въ Писаніи сказано: никто же возложь руку свою на рало и зря вспять, не управленъ есть въ царствіе Божіе...

Рылѣеву вспомнилось, какъ эти самыя слова говорилъ онъ Бестужеву. Да кто же это? Пестель? Какой Пестель?

Откуда взялся? Вошелъ прямо съ улицы. Можетъ-быть, совсѣмъ и не Пестель, а чортъ знаетъ кто?

Рылѣевъ съ усиліемъ всталъ и пошелъ къ двери.

— Куда вы?

— За лампою. Темно

Вернулся въ кабинетъ съ лампою. При свѣтѣ Пестель оказался настоящимъ Пестелемъ. Опять заговорилъ о чемъ-то. Но Рылѣевъ уже не отвѣчалъ и почти не слушалъ; думалъ объ одномъ: поскорѣй бы гость ушелъ. Голова кружилась; когда закрывалъ глаза, то мелькали бѣлыя руки по красному полю.

— Нездоровится вамъ? — наконецъ замѣтилъ Пестель.

— Да, немного, голова болитъ... Ничего, пройдетъ. Говорите, пожалуйста, я слушаю.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я васъ и такъ утомилъ. Лучше зайду въ другой разъ, если позволите. Да мы, кажется, переговоры уже обо всемъ.

Вышли въ столовую.

— Не знаете ли, Кондратій Ѳедоровичъ, — сказала Пестель, прощаясь, — гдѣ бы тутъ у васъ въ Петербургѣ шаль купить?

— Какую шаль?

— Обыкновенную, турецкую или персидскую. Для подарка.

— Не знаю. Надо жену спросить. Наталі, поди сюда, — крикнулъ онъ въ гостиную.

Вошла Наталья Михайловна. Рылѣевъ представилъ ей Пестеля.

— Вотъ Павелъ Ивановичъ спрашиваетъ, гдѣ бы турецкую шаль купить.

— А вамъ для кого, для пожилой или молоденькой? — спросила Наталья Михайловна

— Для сестры. Ей семнадцать лѣтъ.

— Ну, тогда не турецкую, а кашемировую, легонькую. Я намедни у Айбулатова, въ Суконной линіи, видѣла прехорошенькія *блѣ-де-нюи*, со звѣздочками. Нынче самыя модныя...

Пестель спросилъ номеръ лавки и записалъ въ книжечку.

— Только смотрите, торговаться надо. Умѣете?

— Умѣю. Въ англійскомъ магазинѣ намедни эшарпъ *тру-тру* купилъ за двадцать пять и блондовыхъ кружевъ по девяти съ полтиной за аршинъ. Не дорого?

— Ну, и не дешево, — засмѣялась Наталья Михайловна: — мужчинамъ дамскихъ вещей покупать не слѣдуетъ.

Помолчала и прибавила съ любезностью:

— Сестрица съ вами живетъ?

— Нѣтъ, въ деревнѣ. У меня ихъ двѣ. Уѣздныя барышни. Петербургскихъ гостинцевъ ждутъ не дождутся. Каждой надо по вкусу, — вотъ по лавкамъ и бѣгаю...

— Избаловали сестрицъ?

— Что подѣлаешь? Онѣ у меня такія красавицы, умницы. Особенно старшая. Мы съ нею друзья съ дѣтства. Меня вотъ все въ полку женить хотятъ. А по мнѣ, добрая сестра лучше жены...

— Ну, влюбитесь — жѣнитесь.

— Да я ужъ влюбленъ.

— Въ кого?

— Да въ нее же, въ сестру.

— Ну, что вы, Богъ съ вами! Развѣ можно?...

— Еще какъ! — улыбнулся Пестель, и опять лицо его помолодѣло, похорошѣло.

Но Рылѣву почудилось въ этой улыбкѣ что-то робкое, жалкое, какъ въ улыбкѣ тяжело-больного или безконечно-усталаго. Понять—значить рѣшить, сказать—значить сдѣлать, — полно, такъ ли? Счетъ убійствъ по пальцамъ и эшарпъ *тру-тру*; чувствъ не имѣеть, а въ сестрицу влюбленъ. Не такой же ли и онъ мечтатель, какъ всѣ они, — только лжетъ искуснѣе? Не говоритъ ли больше, чѣмъ дѣлаетъ? «Наполеонъ безъ удачи...» усмѣхнулся Рылѣвъ и рѣшилъ окончательно: «онъ врагъ; или я, или онъ».

Пестель ушелъ. Подали ужинъ. Рылѣвъ ничего не ѣлъ и легъ спать. Наталья Михайловна провѣрила счетъ по хозяйству, помолилась и тоже легла.

Какъ всегда передъ сномъ, говорила мужу о дѣлахъ: о продажѣ сѣна и овса въ подгородной деревушкѣ Батовѣ, Рождественѣ тожъ, о переводѣ мужиковъ съ оброка на барщину, о недоимкахъ, о мошенникѣ-старостѣ, о взносѣ семисотъ рублей процентовъ въ ломбардъ, о взяткѣ секретарю въ Сенатѣ по тяжebному дѣлу матушки. Наконецъ замѣтила, что онъ ее не слушаетъ.

— Слншь, Атя?

— Нѣтъ, а что?

— Какъ что? Я говорю, а ты не слушаешь... Такъ вотъ всегда! Ни до чего тебѣ дѣла нѣтъ, кромѣ Общества. Но если тебѣ Общество дороже всего, такъ и скажи прямо. Вѣдь ты не одна. «Конституція, революція, республика»,— а мы-то съ Настенькой чѣмъ виноваты?..

Говорила плачущимъ голосомъ; подождала, не отвѣтитъ ли. Но онъ молчалъ.

— Ну, подумай, Атя: вѣдь, если что, не дай Богъ, случится съ тобой, я не вынесу! Такъ и знай, погубишь и меня, и Настеньку...

— Наташа, — сказалъ онъ, сердито переворачиваясь съ боку на бокъ, — сколько разъ просилъ я тебя не говорить пустяковъ. Ну, какое тамъ Общество! Одни разговоры... Можешь быть спокойна: ничего со мной не будетъ... Ну, полно же, полно, дружокъ, не мучай себя, не разстраивай, спи съ Богомъ.

— Ахъ, Атя, Атечка, родненькій!.. Ну, что тебѣ, что тебѣ это Общество? Вѣдь сколько можно и такъ добра сдѣлать. Вѣдь какой ты у меня умница, какіе стихи пишешь, какъ начальство любитъ тебя! Ушелъ бы совсѣмъ отъ нихъ. Зажили бы тихо, смирно, счастливо. Ну, чего еще нужно, Господи!..

Онъ обнялъ ее молча, съ нѣжностью. Затихла, еще нѣсколько разъ тяжело вздохнула, какъ маленькія дѣти, когда засыпаютъ, наплакавшись, и скоро услышалъ онъ знакомый, смѣшной, тоненькій храпъ. Въ первые дни послѣ свадьбы, когда онъ восхвалялъ ее въ стихахъ:

Краса природы, совершенство,
Она моя! она моя!

— удивлялъ и огорчалъ его этотъ храпъ; а теперь сладко баюкалъ, какъ старая дѣтская пѣсенка.

Но сегодня и подъ эту пѣсенку долго не могъ уснуть. Было душно отъ натопленной печки, отъ пуховиковъ двухспальной постели, отъ собственнаго жара и жаркаго тѣла Наташи, отъ этихъ милыхъ, слабыхъ сонныхъ рукъ, которыя обвили его, сковали, какъ тяжкія цѣпи.

Мнѣ нѣтъ преграды, нѣтъ законовъ.
И чтобъ *ее* не уступить,
Готовъ царей низвергнуть съ троновъ
И Бога въ небѣ сокрушить!

— писалъ когда-то. А вотъ теперь наоборотъ: чтобъ *ихъ* низвергнуть, надо *ее* уступить.

Наконецъ задремалъ, но тотчасъ же проснулся; видѣлъ во снѣ что-то страшное, не могъ вспомнить что и только повторялъ про себя, въ ужасѣ: «что это? что это?..»

Часы въ столовой тикали: зеленая лампадка теплилась; слышался тоненькій храпъ. Все, какъ всегда. Но во всемъ—новое, страшное—наяву, какъ во снѣ. Что это? Что это?

Вдругъ понялъ что. На одно мгновение съ ослѣпляющей ясностью, какая бываетъ только у внезапно проснувшихся ночью, въ совершенной тишинѣ, въ совершенномъ одиночествѣ,—понялъ, что не когда-то, гдѣ-то, а тутъ же, сейчасъ—вотъ она, смерть.

Готовъ ли онъ? Не права ли, Наташа? Не уйти ли, пока еще не поздно?

Но мгновенье прошло, смерть отступила, уже пересталъ онъ ее понимать и подумалъ съ обычною ложью, съ обычною легкостью:

«Нѣтъ, поздно... Ну, что жъ, смерть, такъ смерть!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Свадьба Софьи Нарышкиной съ графомъ Шуваловымъ назначена была лѣтомъ. Уже привезли изъ Парижа съ особымъ курьеромъ великолѣпное подвѣчное платье, но невѣста отказалась наотрѣзъ примѣривать его, какъ ни спрашивала мать; а потомъ уже не могла, потому что опять заболѣла. Улучшенье, которому такъ радовался князь Валерьянъ, оказалось обманчивымъ. Во время ледохода болѣзнь усилилась, и началось кровохарканье. Государю врачи объявить не рѣшались, но про себя знали, что дни больной сочтены.

Софья была слишкомъ слаба, чтобы везти ее за границу или на югъ Россіи. Врачи совѣтовали ей переѣхать за городъ.

Весна была ранняя, дружная; дни лучезарные. Въ тѣни тѣсныхъ овраговъ лежалъ еще снѣгъ, а на солнечныхъ дорогахъ уже пахло лѣтнею пылью. Небо цѣлыми днями — безоблачно-синее, какъ синее лампадное стекло съ огнемъ внутри; а если долго смотрѣть въ него, то казалось темнымъ, дневное — ночнымъ, какъ въ глубинѣ колодца. И за всей этой чрезмѣрной ясностью — темнота, пустота зіяющая.

Дача Нарышкиныхъ по петергофской дорогѣ — настоящій маленькій дворецъ, съ бельведеромъ, откуда виденъ Финскій заливъ, Петербургъ и Кронштадтъ; съ плоскимъ зеленымъ куполомъ и бѣлыми столбами римскаго портика. Англійскій стриженный садъ со шпалерами, лабиринтами и усыпанными желтымъ пескомъ дорожками; одна голько высокая аллея старыхъ плакучихъ березъ.

Въ покояхъ — тяжелое великолѣпіе павловскихъ вре-
мень: расписные потолки, штофные обои, золоченая мебели
тускляя зеркала, въ которыхъ лица живыхъ, какъ лицъ
покойниковъ. Но нѣсколько комнатъ отдѣлала Марья Ан-
тоновна въ новомъ, веселенькомъ французскомъ вкусі
особенно комнату больной во второмъ этажѣ, окнами н
море. Обои, нарочно изъ Парижа выписанные, — серебри-
сто-бѣлый атласъ съ блѣдно-алыми гвоздичками; легка-
дачная мебель лакированного свѣтлаго тополя; балконт
установленный цвѣтущими померанцами въ оранжерейных
кадкахъ. «Настоящее гнѣздышко любви — nid d'amour —
для моей бѣдненькой, бѣдненькой дѣвочки», говорил
Марья Антоновна. Но на веселенькой мебели, какъ на тычкѣ
больной ни присѣсть, ни прилечь. «Охъ, болятъ мои стары
косточки!» горестно шутила Софья. Бѣлый атласъ напо-
миналъ ей ненавистное подвѣчное платье, которое тепер
она какъ будто вѣчно примѣривала; алыя гвоздички ут-
мляли глаза, какъ мельканіе бреда.

Софья переносила болѣзнь мужественно; только чт
становилось легче, вставала, бродила по комнатѣ и увѣ-
ряла, что уже почти совсѣмъ здорова. Но Валерьяну Го-
лицыну, который опять проводилъ съ ней цѣлые дни, ка-
залось, что она рада болѣзни и не хочетъ выздоровѣти
Лѣкарствъ не принимала, докторовъ не слушалась.

Однажды утромъ, вскорѣ послѣ переѣзда на дачу, чу-
ствуя или вообразивъ, что чувствуетъ себя бодрѣе, перешл
съ постели на кресло, старое-престарое, съ рваною кожей
и торчавшею кое-гдѣ изъ дыръ волосяной набивкою, —
родное среди этой чуждой мебели; изъ городского дома в
требовала его нарочно, потому что только на немъ
могла сидѣть.

Утро было ясное, какъ всѣ эти дни; небо лампади-
синее; тишина, какая бываетъ только раннею весною и
пустынныхъ дачахъ: щебетъ птицъ, скрежетъ граблей, д
лекій-далекій топорь, — должно-быть, рыбаць чинить ло-
ку на взморьѣ, — тишина отъ этихъ звуковъ еще безпр
дѣльнѣе. Открыта дверь на балконъ; запахъ весення

тра, березовыхъ почекъ смѣшивался съ душистымъ запахомъ гѣкарствъ.

Стоя передъ Софьей на колѣняхъ, Голицынъ кормилъ ее съ ложечки предписанной врачами молочной овсянкой. Софья только изъ его рукъ соглашалась глотать ее, какъ гѣкарство, по ложечкѣ. Старая няня, Василиса Прокофьевна, вдали у двери, пригорюнившись, глядѣла на «кормилце звѣря», какъ называла больная свой утренній завтракъ.

Отдыхая между двумя ложками, Софья наклонилась къ Голицыну и разглядывала лицо его съ внимательною улыбкою.

— А ну-ка, погодите, сдѣлайте лицо серьезное. Нѣтъ, еще, еще серьезнѣе... Да, ну же, ну! Больше не можете?

— Не могу.

— А морщинка осталась.

— Какая морщинка?

— Вотъ здѣсь, около губъ. Какъ будто всегда усмѣхаетесь. Помните мраморнаго дѣдушку Вольтера въ нашей библиотекѣ? Вотъ и у васъ, пожалуй, такая же усмѣшка будетъ съ старости... Надъ чѣмъ вы смѣетесь, ваше сіятельство?

— Не знаю, милая... Надъ собою развѣ?

— А очки вамъ не къ лицу. И не думайте, пожалуйста: я вовсе не карбонарь, а просто нѣмецкій профессоръ въ отставку. Ну, зачѣмъ вы ихъ носите? Изъ упрямства, что ли? Государь правъ, что терпѣть не можетъ очковъ... Ну, будетъ, не хочу больше,—оттолкнула она ложку. — Это которая?

— Восьмая, а вы обѣщали двѣнадцать.

— Нѣтъ, не могу... Няня, голубушка, позволь больше не ѣсть. Нельзя же человекъ какъ каплуна откармливать...

— Что это, право, сударыня, точно маленькая! — заворчала старушка. — Да хоть совсѣмъ не ѣшьте. Оттого и больны, что докторовъ не слушаете.

Прокофьевна отвернулась, чтобы не заплакать, но не ходила, какъ будто ждала чего-то.

— Такъ вотъ и будетъ стоять, пока не выгоню, — шепнула Софья по-французски Голицыну. — Какъ мучаетъ,

если бы вы знали, какъ она меня мучаетъ, Господи! А вѣ оттого, что любить... Злѣйшіе враги—любящіе. Развѣ и такъ?

— Такъ-то такъ, да ужъ очень зло... пожалуй, злѣ усмѣшки Вольтеровой.

— У меня теперъ все такія злыя мысли, острыя. Больн отъ нихъ, какъ если иголку раскалить на огнѣ и воткнуть въ тѣло. Вотъ и въ васъ втыкаю, бѣдненькій, вижу, какъ от боли корчитесь...

— Ничего, только бы вамъ полегче, — проговорил онъ, цѣлуя прозрачно-блѣдную, съ голубыми жилками руку ея, такую мертвую, такую дѣтскую.

— Ну, давайте овсянку кончать, а то ни за что не уйдетъ, — оглянулась Софья на Прокофьевну. — Однимъ духомъ. Девятая, десятая, одиннадцатая, двѣнадцатая... Уф! Уберите скорѣй эту гадость. Ну, няня, видишь, — кончили! Не сердись же, не плачь, глупенькая! Мнѣ лучше. Ну право, совсѣмъ хорошо. Ступай съ Богомъ. Князь почитаетъ а я отдохну..

Голицынъ началъ читать *Свѣтлану Жуковскаго*.

— Нѣтъ, не надо, не надо, лучше другое! — остановилась Софья. — Помнишь, въ Покровскомъ у пруда за тѣ лицами?

Гдѣ невѣста, гдѣ твой милый.

Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?

Домъ твой — гробъ, женихъ—мертвецъ.

Помнишь, какъ я тогда испугалась, а ты меня утѣшалъ:

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ

Ты, моя Свѣтлана!

А вотъ узнала-таки!.. О, какіе страшные, страшные сны Валенька! Какъ давно, Господи! Какіе мы старые, древніе! Кажется, не семнадцать, а семьдесятъ лѣтъ... Душно здѣсь лѣкарствами пахнетъ; пойдѣмъ на балконъ.

Онъ поднялъ ее на руки: каждый разъ, какъ подымалъ, чувствовалъ, что все легче и легче легкая ноша, какъ будто она въ рукахъ его таяла. Перенесъ на балконъ и усадилъ въ кресло. Лучъ солнца скользнулъ по золотистой пряди въ

лось и бесильно повисшей рукѣ; еще блѣднѣе блѣдная рука, еще голубѣе голубыя жилки на солнцѣ.

Софья прижалась лицомъ къ лицу его и болѣзненно шурила глаза отъ свѣта.

— Какъ хорошо! Какое море! Какіе паруса! Куда они плывутъ? Можетъ-быть, далеко-далеко. А когда доплывутъ...

«Когда доплывутъ, меня уже не будетъ», угадалъ онъ, какъ угадывалъ всѣ ея мысли.

— Душа бессмертна, говорятъ... Ты вѣришь?

— Вѣрю.

— А я не знаю... Если только душа, — зачѣмъ?.. Я хочу, чтобы и тамъ все, все, какъ здѣсь... Чтобы такъ же какъ вотъ сейчасъ, разрытою землею отъ цвѣточныхъ грядокъ пахло и березовыми почками. Вонъ комаръ жужжитъ. Пусть и комаръ тоже. Паучокъ, видишь, ползетъ, маленький, красненькій. Пусть и онъ. И бородавку надъ губой у няни тоже хочу. Все, какъ здѣсь...

— И меня въ очкахъ?

— Нѣтъ, очковъ не надо. Вѣдь, я ихъ не люблю. И морщинки, которая смѣется, не надо. Да гдѣ она? Пропала? Нѣтъ, вотъ... Только другая стала, — блѣдная. Ну, такую ничего, пожалуй, — можно. Все, что люблю, пусть и тамъ, какъ здѣсь... А если только душа, то не надо, ничего не надо. Смерть — такъ смерть. Одинъ конецъ... Ну, устала я что-то. Холодно. Пойдемъ.

Онъ перенесъ ее въ комнату и опять усадилъ въ кресло; укуталъ потеплѣе, потому что начинался ознобъ; обложилъ подушками; думалъ — задремлетъ, хотѣлъ отойти, но она подозвала его.

— А что у васъ? Какъ дѣла? Давно не рассказывалъ...

Онъ понялъ, что она спрашиваетъ о Тайномъ Обществѣ.

Знала о немъ; онъ долго не хотѣлъ рассказывать, — боялся, какъ бы не проговорилась государю, не выдала нечаянно; но, наконецъ, рассказалъ, только не называлъ никого по имени. Не могъ скрыть: она все о немъ знала, какъ и онъ о ней, вѣщимъ знаніемъ. И потомъ, здѣсь, въ комнатѣ больной, можетъ-быть, умирающей, Тайное Об-

щество, революція, республика казались ему игрушками, которыми онъ тѣшилъ ее, какъ больное дитя. Но иногда чувствовалъ съ ужасомъ, что она понимаетъ больше, чѣмъ онъ говорить, и что игрушки эти опасныя: не одна ли изъ нихъ — тотъ острый ножъ, которымъ онъ ранилъ ее до смерти?

Такъ и теперь началъ рассказывать что-то, думая только объ одномъ, — какъ бы развлечь и не ранить — подальше спрятать ножъ.

— Зачѣмъ не говоришь всего? — вдругъ остановила она и заглянула ему въ глаза пристально. — У тебя революція точно дѣтская сказочка: Сѣрый Волкъ—тиранъ, а свобода — Красная Шапочка. Но вѣдь это не такъ. Не такъ было — не такъ будетъ. Я же знаю...

О, стыдъ! О, ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары;
Падутъ безславные удары, —
Погибъ увѣнчанный злодѣй!

Вотъ какъ, а не Красная Шапочка... Ты эти стихи знаешь?

— Знаю. А ты откуда? Кто тебѣ далъ?

— Дядя, Дмитрій Львовичъ. Добренъкій онъ. Все, что хочу, съ нимъ дѣлаю. Вотъ и далъ, только велѣлъ никому не показывать, а то ему достанется... Это объ убійствѣ императора Павла Перваго. И няня тоже рассказывала..

Помолчала и вдругъ шепнула ему на ухо:

— А какъ ты думаешь: онъ зналъ?

Опять заглянула ему въ лицо еще пристальнѣй

Голицынъ понялъ: спрашивала, зналъ ли государь-наслѣдникъ Александръ Павловичъ о томъ, что заговорщики хотятъ убить отца его, императора Павла I.

— Что же ты молчишь? Говори...

— Не надо, Софья! Зачѣмъ? Кто можетъ судить, кромѣ Бога?

— Нѣтъ, надо. Я хочу знать все, что ты думаешь. Говори же, только не скрывай, не обманывай. Зналъ ли онъ?

— Я думаю, всего не зналъ, — отвѣтилъ онъ чрезъ силу.

— А если бы зналъ,—продолжала она, — если бы зналъ, то все-таки... Вѣдь нельзя иначе? Вѣдь императоръ Павелъ злодѣемъ былъ, извергомъ?

— Какой извергъ! Просто больной, несчастный...

— Все равно, — сумасшедшій.

Ты — ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Пятьдесятъ милліоновъ людей въ рукахъ сумасшедшаго,— развѣ можно это терпѣть? Надо было убить. Никто не виновать, никто не можетъ судить, кромѣ Бога. Самъ Богъ устроилъ такъ, что убивать надо. Умирать и убивать. Ужъ лучше бы не было Бога!.. И ты, и ты убилъ бы, если бы надо?.. Молчишь? Не хочешь сказать? Ну, все равно, я знаю, что ты думаешь...

И вдругъ опять зашептала ему на ухо:

— Намедни-то что мнѣ приснилось. Будто входимъ съ тобой въ эту самую комнату, а у меня на постели кто-то лежитъ, лица не видать, съ головой покрытъ, какъ мертвецъ саваномъ. А у тебя въ рукахъ будто ножъ, убить хочешь того на постели, крадешься. А я думаю: что, если мертвъ? — живыхъ убивать можно, — но какъ же мертваго? Крикнуть хочу, а голоса нѣтъ; только не пускаю тебя, держу за руку. А ты разсердился, оттолкнулъ меня, бросился, ударилъ ножомъ, саванъ упалъ... Тутъ мы и увидѣли, кто это... Знаешь кто? Знаешь кто?..— повторяла она задыхающимся шопотомъ, и онъ слышалъ, какъ зубы у нея стучать. — Охъ, Валенька, Валенька, знаешь кто?

Онъ зналъ: ся отецъ!

— Не надо, Софья, не надо!—сказалъ онъ, закрывая лицо руками. — Вѣдь это только сонъ, дурной сонъ отъ болѣзни. Пройдетъ болѣзнь — и не будетъ страшныхъ сновъ...

— Опять лжешь? Опять скрываешь? Не говоришь всего? Я хочу знать все, слышишь, все! Я же понимаю, что отъ крови — Шапочка Красная. Знаешь, отъ чьей? Думалъ ты о

крови, когда шель къ нимъ? Можно ли итти на кровь, во имя Господа?.. Что вы всё о крови думаете? Что? Говори...

— Не надо! Не надо! — повторялъ онъ одно только слово, ломая руки въ отчаяньи.

— Убивать надо, а говорить не надо?.. Нѣтъ, говори! Я больше не могу, не хочу! Говори же, не лги! Я знаю все, не обманешь! — проговорила она и отняла руки насильно отъ лица его, посмотрѣла на него въ упоръ, — въ этомъ взглядѣ былъ острый ножъ, раящій до смерти. — Говори: его убить хотите?

— Что ты дѣлаешь, Софья...

— Что дѣлаю? Иглу раскаленную втыкаю въ тебя, — острый ножъ въ живого, а не въ мертваго. Что, больно? Ну, ничего, — потерпи, не мнѣ же одной отъ боли корчиться..

Злоба засверкала въ глазахъ ея, и отъ этой злобы стало ему еще жальче.

— Не со мною, а съ собою, что дѣлаешь, Господи! Ну, зачѣмъ?..

— Нѣтъ, не я, а ты, что ты со мной сдѣлалъ?.. Ничего я не знала, была глупая дѣвочка, ребенокъ; спокойна, счастлива. Ты пришелъ и разрушилъ все, возмутилъ, соблазнилъ... Помнишь, на концертѣ Вьельгорскаго? Отъ этого я и больна, умираю. Вѣдь объ этомъ сказано: *лучше бы мельничный жерновъ на шею...* Я же тебя не спрашивала. Началъ, — такъ и кончай... И чего теперь испугался? Что донесу, что ли? А можетъ, и донесу... Знаю все, не обманешь, знаю, чего вы хотите... И за что? Что онъ вамъ сдѣлалъ? Какъ у васъ рука на него подыметя? И у тебя, Валенька родненькй, любимый мой, единственный! На него, на отца моего! Ужъ лучше бы ты меня!..

Онъ всталъ съ мертвенно-блѣднымъ, но какъ будто спокойнымъ лицомъ.

— Богъ тебѣ судья, Софья! Думай, какъ хочешь: злодѣи, убійцы, изверги... А можетъ-быть, глупыя дѣти, — я вѣдь иногда и самъ думаю: ничего не сдѣлають, никого не спасуть, только тебя погубять. А все-таки правда Божья

у *нихъ*. И пусть недостойнъ я, пусть беру не по силамъ, не вынесу, а уйти отъ *нихъ* не могу, даже если тебя, Софья...

Голосъ его оборвался, лицо исказилось, и, закрывъ его руками, онъ только повторялъ сквозь рыданія:

— Не уйду, не уйду! И если тебя потеряю, отъ *нихъ* не уйду!

— Да кто тебя держитъ? — усмѣхнулась она съ тою же злобою, какъ давеча. — Ступай къ нимъ! Ступай! Ступай!

Упала навзничъ на подушки и вся затрепетала, забилась, какъ раненая птица, сначала въ неистовыхъ рыданіяхъ, потомъ въ раздрающемъ кашлѣ. Ему казалось, что она задохнется, умереть сейчасъ на его рукахъ.

Наконецъ кашель затихъ; но долго еще лежала съ лицомъ бѣлѣе бѣлыхъ подушекъ и съ закрытыми глазами, какъ мертвая. Онъ думалъ, не позвать ли на помощь. Но пошевелилась, открыла глаза.

— Ты здѣсь? Не ушелъ? Ничего, не бойся, прошло. Дай воды... Какъ руки у тебя дрожать! Не бойся же, мнѣ хорошо. Только не уходи, побудь со мною...

Вдругъ наклонилась и стала цѣловать руки его; плакала, но лицо было ясное, тихое; тихая, ясная улыбка

— Прости меня, Валя, голубчикъ! Это въ послѣдній разъ, больше не будетъ. Только прости, не уходи, не покидай меня, я безъ тебя не могу...

Онъ упалъ передъ ней на колѣни; она обняла голову его, гладила и цѣловала ему волосы.

— Ничего, ничего, полно, не плачь, все хорошо будетъ. Я знаю, Господь намъ поможетъ. Мнѣ будетъ полегче. Вотъ уже теперь такъ легко, такъ хорошо съ тобою... Только обѣщай, что возьмешь меня къ себѣ. Я не могу здѣсь больше, не могу, не хочу! Я должна быть съ тобою. Гдѣ ты, тамъ и я. Если надо будетъ, убѣжимъ... Да? Далеко, далеко отъ всѣхъ... А потомъ и онъ будетъ съ нами. Онъ вѣдь мнѣ обѣщаль оставить все и жить со мною. Вотъ и будемъ втроемъ: онъ, ты да я... И тогда все ему скажемъ. Онъ пойметъ, сдѣлаегъ! Вѣдь и онъ того же хочетъ, что вы? Ты самъ говорилъ, что и онъ хочетъ того же... И не будетъ крови. Не надо крови...

А если надо, то онъ самъ отдастъ свою кровь, вмѣстѣ съ вами, за вольность, за счастье Россіи! Такъ будетъ, Валя, будетъ, да? Скажи, что будетъ! — повторяла, какъ безумная.

— Будетъ! Будетъ! — повторялъ и онъ, чувствуя, что въ этомъ безумьи — пророчество: когда-то, гдѣ-то, можетъ-быть, въ мірѣ нездѣшнемъ,—но *такъ будетъ*.

Вдругъ оба прислушались. На мосту у воротъ застучали копыта; песокъ садовой аллеи закрипѣлъ подъ колесами. Голицынъ выбѣжалъ на балконъ.

— Онъ? — спросила Софья, когда Голицынъ вернулся въ комнату.

— Да, прощай...

— Нѣтъ, погоди. Слышишь: къ маменькѣ прошель. Успѣешь... Постой же, я хотѣла еще что-то сказать... Да, можетъ-быть, и лучше, если умру? Помирю васъ, мертвая, скорѣе, чѣмъ живая... Но, живая или мертвая, всегда съ тобою! И гнать будешь, не уйду, — *оттуда* приходитъ буду. Помни же: куда ты, туда и я. И если Богъ тебя осудитъ, то пусть и меня... Но не осудитъ Богъ! Ну, дай, благословлю. Сохрани, помоги, помилуй васъ всѣхъ, Господи! Спаси, Матерь Пречистая!

Перекрестила и поцѣловала его съ тою же тихою, ясною улыбкою.

— Ну, ступай, ступай скорѣе!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Но было поздно: шаги государя слышались на лѣстницѣ; Голицынъ встрѣтился съ нимъ; посторонился съ низкимъ поклономъ. Государь посмотрѣлъ на него, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но молча нахмурился, кивнулъ головой и прошель мимо.

Давно уже просилъ онъ Марью Антоновну не принимать Голицына. Софья, подъ предлогомъ болѣзни, не пускала къ себѣ на глаза жениха своего, графа Шувалова, а Голицынъ проводилъ съ нею цѣлые дни. Это казалось государю неприличнымъ: къ тому же замѣтилъ онъ, что бесѣды эти вредно вліяютъ на ея здоровье, волнуютъ ее, разстраиваютъ. Рѣшилъ ей самой это высказать.

Но когда увидѣлъ ее, забыть о своемъ рѣшеніи: такая переменна произошла въ ней за два дня, что онъ испугался какъ будто теперь только понялъ, что она смертельно больна.

Обрадовалась, ласкалась къ нему, какъ всегда. Но оба чувствовали, что раздѣляетъ ихъ какая-то неодолимая преграда. Обнимая, цѣловала его; но въ лицѣ двухсмысленное противорѣчіе между слишкомъ нѣжною улыбкою губъ и жестокой морщиною лба опять поразило ее, такъ же какъ нѣкогда въ Торвальдсеновомъ мраморѣ; вдругъ вспомнилось ей, какъ въ дѣтствѣ обнимала, цѣловала она этотъ мраморъ, и какъ теплѣлъ онъ подъ ея поцѣлуями, казался живымъ.

И стало страшно, — какъ бы теперь, когда цѣловала живого, не показалось, что цѣлуетъ мертваго.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ первыхъ числахъ мая назначено было у Рылѣва собраніе Тайнаго Общества, чтобы выслушать предложеніе Пестеля.

Въ маленькой квартирѣ все было перевернуто вверхъ дномъ. Ненужную мебель вынесли; открыли двери настежь въ кабинетъ и гостиную; Наташа съ Настенькой уѣхали ночевать къ знакомымъ.

Засѣданіе назначено въ восемь часовъ вечера, а сходиться начали къ семи. Это было рѣдкостью: обыкновенно опаздывали или не приходили вовсе. На лицахъ — тревога и торжественность. Многіе явились въ орденахъ и мундирахъ. Говорили вполголоса; курить выходили на кухню. Ожидали Пестеля; каждый разъ, какъ открывалась дверь, обращивались: не онъ ли?

Никита Михайловичъ Муравьевъ, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, — блѣдно-желтый гемороидальный цвѣтъ лица, блѣдно-желтые рѣдкіе волосы, блѣдно-желтые, точно полинялые, отъ свѣта прищуренные глаза, — настоящій петербургскій чиновникъ, — сидя за столомъ, поодаль отъ всѣхъ, читаль бумаги и дѣлалъ на поляхъ отмѣтки карандашомъ. Только что кончикъ тупился, — чинилъ торопливо и тщательно: могъ писать только самымъ острымъ кончикомъ, подобно Сперанскому, которому поклонялся и подражалъ во всемъ. Напишетъ два-три слова и чинить, каждый разъ привычнымъ движеніемъ, подымая бумагу къ близорукимъ глазамъ и сдувая кучку графитовой пыли съ такимъ озабоченнымъ

видомъ, какъ будто судьба предстоящаго собранія зависѣла отъ этого. Сочинитель Сѣверной конституціи, главный противникъ Пестеля за его республиканскія крайности, — готовился ему возражать; но волновался и не могъ сосредоточиться.

Друзья считали Муравьева единственнымъ въ Обществѣ умомъ государственнымъ: что Сперанскій для нынѣшней Россіи, то Муравьевъ для будущей. Кабинетный ученый, осторожный и умѣренный, онъ составлялъ законы Россійской конституціи такъ же кропотливо, какъ часовщикъ собираетъ подъ лупою пружинки, колесики, винтики. Работалъ въ Тайномъ Обществѣ, какъ въ министерской канцеляріи. Написанное казалось ему сдѣланнымъ. Признавалъ необходимость революціи, но въ тайнѣ боялся ея, какъ всякой чрезмѣрности. Пестель шутилъ, что Муравьевъ похожъ на человѣка, который проситъ ваты заткнуть себѣ уши, чтобы не надуло, когда его ведутъ на смертную казнь. Дѣйствовать въ революціи мѣшала ему эта вѣчная вата въ ушахъ, и геморой, и жена: чуть что, она увозила его въ деревню и тамъ держала подъ замкомъ, пока все успокоится.

Чиня карандаши, невольно прислушивался къ мѣшавшимъ ему разговорамъ.

Въ ожиданіи Пестеля говорили о немъ. Рассказывали объ отцѣ его, бывшемъ сибирскомъ генераль-губернаторѣ, — самодурѣ и взяточникѣ, отрѣшенномъ отъ должности и попавшемъ подъ судъ; рассказывали о самомъ Пестелѣ — яблочко отъ яблони недалеко падаетъ, — какъ угнеталъ онъ въ полку офицеровъ и приказывалъ бить палками солдатъ за малѣйшія оплошности по фронту.

— Бить-то ихъ бьеть, а они его все-таки любятъ: лучшаго, говорятъ, командира не надо.

— «Годится на все: дай ему командовать арміей, или сдѣлай какимъ хочешь министромъ, вездѣ будетъ на мѣстѣ», приводили отзывъ графа Виттгенштейна, главнокомандующаго второю арміей.

— Государь на Тульчинскомъ смотру былъ особенно доволенъ полкомъ Пестеля. «Превосходно, точно гвардія!»—

изволилъ сказать и три тысячи десятинъ земли ему пожаловалъ. А какъ узналъ, что Пестель — въ Тайномъ Обществѣ, испугался, говорить, не на шутку...

— Государь вообще боится насъ, — усмѣхнулся Бестужевъ, самодовольно поглаживая уски.

— «Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова», — напоминали отзывъ Пушкина о Пестелѣ.

— Умень, какъ бѣсъ, а сердце мало, — замѣтилъ Кюхля.

— Просто хитрый властолюбецъ: хочетъ насъ скрутить со всѣхъ сторонъ... Я понялъ эту птицу, — рѣшилъ Бестужевъ.

— Ничего не сдѣлаетъ, а только погубить насъ всѣхъ ни за денежку, — предостерегалъ Одоевскій.

— Онъ меня въ ужасъ привелъ, — сознался Рылѣевъ: — надобно ослабить его, иначе все заберетъ въ руки и будетъ распоряжаться какъ диктаторъ.

— Знаемъ мы этихъ армейскихъ Наполеошекъ! — презрительно усмѣхался Якубовичъ, который успѣлъ въ общей ненависти къ Пестелю примириться съ Рылѣевымъ, послѣ отъѣзда Глафиры въ Чухломскую усадьбу.

— Наполеонъ и Робеспьеръ вмѣстѣ. Погодите-на ужю, доберется до власти — покажетъ намъ Кузькину мать! — заключилъ Батенковъ.

Слушая, какъ сквозь сонъ, князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ смотрѣлъ въ окно на вечернюю звѣзду въ золотисто-зеленомъ небѣ и вспоминалъ глаза умирающей дѣвочки. Ея спасеніе или спасеніе Россіи — что ему дороже? Ну, пусть революція, а вѣдь все-таки — смерть. И почему судьба человѣка меньше, чѣмъ судьба человѣчества? Что пользы человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою? Передъ смертью, передъ вѣчностью не правъ ли тотъ, кто сказалъ: «политика только для черни»? И какъ непохоже то, что говорятъ эти люди, на вечернюю звѣзду въ золотисто-зеленомъ небѣ и на глаза умирающей дѣвочки.

Непохоже, *несоединено*. Въ послѣднее время все чаще повторялъ онъ это слово: «несоединено». Три правды: первая

когда человекъ одинъ; вторая, когда двое; третья, когда трое или много людей. И эти три правды никогда не сойдутся, какъ все вообще въ жизни не сходится. «Несоединено».

— Онъ! Онъ! — пронесся шопотъ, и всѣ взоры обратились на вошедшаго.

Однажды, на Лейпцигской ярмаркѣ, въ музеѣ восковыхъ фигуръ, Голицынъ увидѣлъ куклу Наполеона, которая могла вставать и поворачивать голову. Угловатою рѣзкостью движеній Пестель напомнилъ ему эту куклу, а тяжелымъ, слишкомъ пристальнымъ, какъ будто косящимъ, взглядомъ— одного школьнаго товарища, который впоследствии заболѣлъ падучею.

Усѣлся на кожаныя кресла съ высокими спинками, за длинный столъ, крытый зеленымъ сукномъ, съ малахитовой чернильницей, бронзовымъ предсѣдательскимъ колокольчикомъ и бронзовыми канделабрами — все взято на прокатъ изъ Русско-Американской Компаніи; зажгли свѣчи, безъ надобности, — было еще свѣтло, — а только для пышности. Хозяинъ оглянулъ все и остался доволенъ: настоящій парламентъ.

— Господа, объявляю засѣданіе открытымъ, — произнесъ предсѣдатель, князь Трубецкой, и позвонилъ въ колокольчикъ, тоже безъ надобности, было тихо и такъ. — Слово принадлежитъ директору Южной Управы, полковнику Павлу Ивановичу Пестелю.

— Соединеніе Сѣвернаго Общества съ Южнымъ на условіяхъ таковыхъ предлагается нашею Управою, — началъ Пестель. — Первое: признать одного верховнаго правителя и диктатора обѣихъ управъ; второе: обязать совершеннымъ и непрекословнымъ повиновеніемъ оному; третье: оставя дальній путь просвѣщеній и медленнаго на общее мнѣніе дѣйствія, сдѣлать постановленія болѣе самовластныя, чѣмъ ничтожныя правила, въ нашихъ уставахъ изложенныя, понеже сдѣланы были сіи только для робкихъ душъ, на первый разъ, и, принявъ конституцію Южнаго Общества, подтвердить клятвою, что иной въ Россіи не будетъ...

— Извините, господинъ полковникъ, — остановилъ предсѣдатель изысканно-вѣжливо и мягко, какъ говорилъ всегда:—во избѣжаніе недоумѣній, позвольте узнать, конституція ваша — республика?

— Да.

— А кто же диктаторъ? — тихонько, какъ будто про себя, но такъ, что всѣ услышали, произнесъ Никита Муравьевъ, не глядя на Пестеля. Въ этомъ вопросѣ таился другой: «ужь не вы ли?»

— Отъ господъ членовъ Общества онаго лица избраніе зависѣтъ должно, — отвѣтилъ Пестель Муравьеву, чуть-чуть нахмурившись, видимо, почувствовавъ жало вопроса.

— Не пожелаетъ ли, господа, кто-либо высказаться?— обвелъ предсѣдатель глазами собраніе.

Всѣ молчали.

— Прежде чѣмъ говорить о возможномъ соединеніи, нужно бы знать намѣренія Южнаго Общества, — продолжалъ Трубецкой.

— Единообразіе и порядокъ въ дѣйствиі...— началъ Пестель.

— Извините, Павелъ Ивановичъ, — опять остановилъ его Трубецкой такъ же мягко и вѣжливо:—намъ хотѣлось бы знать точно и опредѣлительно намѣренія ваши ближайшія, первые шаги для приступленія къ дѣйствию.

— Главное и первоначальное дѣйствіе — открытіе революціи посредствомъ возмущенія въ войскахъ и упраздненія престола, —отвѣтилъ Пестель, начиная, какъ всегда въ раздраженіи, выговаривать слова слишкомъ отчетливо: раздражало его то, что перебиваютъ и не даютъ говорить.— Должно заставить Синодъ и Сенатъ объявить временное правленіе съ властью неограниченною...

— Неограниченною, самодержавною? — опять вставилъ тихонько Муравьевъ.

— Да, если угодно, самодержавною..

— А самодержецъ кто?

Пестель не отвѣтилъ, какъ будто не слышалъ.

— Предварительно же надо, чтобы царствующая фамилія не существовала, — кончилъ онъ.

— Вотъ именно, объ этомъ мы и спрашиваемъ, — подхватилъ Трубецкой: — каковы по сему намѣренія Южнаго Общества?

— Отвѣтъ ясенъ, — проговорилъ Пестель и еще больше нахмурился.

— Вы разумѣете?

— Разумѣю, если непременно нужно выговорить, — цареубійство.

— Государя императора?

— Не одного государя

.

.

Говорилъ такъ спокойно, какъ будто доказывалъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ; но въ этомъ спокойствіи, въ безкровныхъ словахъ о крови было что-то противоестественное.

Когда Пестель умолкъ, всѣ невольно потупились и затаили дыханіе. Наступила такая тишина, что слышно было, какъ нагорѣвшія свѣчи потрескиваютъ, и сверчокъ за печкой поетъ уютную пѣсенку. Тихая, душная тяжесть навалилась на всѣхъ.

— Не говоря объ ужасѣ, каковой убійства сіи произвести должны и сколь будутъ убійцы гнусны народу, — началъ Трубецкой, какъ будто съ усиліемъ преодолевая молчаніе, — позволительно спросить, готова ли Россія къ новому вещей порядку?

— Чѣмъ болѣе продолжится порядокъ старый, тѣмъ менѣе готовы будемъ къ новому. Между зломъ и добромъ, рабствомъ и вольностью не можетъ быть середины. А если мы не рѣшили и этого, то о чемъ же говорить? — возразилъ Пестель, пожимая плечами.

Трубецкой хотѣлъ еще что-то сказать.

— Позвольте, господинъ предсѣдатель, изложить мысли мои по порядку, — перебилъ его Пестель.

— Просимъ васъ о томъ, господинъ полковникъ!

Такъ же какъ въ разговорѣ съ Рылѣвымъ, началъ онъ «съ Немврода». Въ рѣчахъ его, всегда заранѣе обдуманыхъ, была геометрія — ходъ мыслей отъ общаго къ частному.

— Происшествія 1812, 13, 14 и 15 годовъ, равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько переворотовъ совершенныхъ, что всѣ сии происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами совершать оныя. Къ тому же, имѣетъ каждый вѣкъ свой признакъ отличительный. Нынешній — ознаменованъ мыслями революціонными: отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая Англии и Турціи, сихъ двухъ противоположностей, духъ преобразованія заставляеть всюду умы клекотать...

Говорилъ книжно, иногда тяжелымъ канцелярскимъ слогомъ, съ неуклюжею замѣною иностранныхъ словъ русскими, собственнаго изобрѣтенія: революція — *превращеніе*, тиранство — *зловластье*, республика — *народоправленіе*. «Я не люблю словъ чужестранныхъ», признавался онъ.

«Планщикомъ» назвалъ Пушкинъ стихотворца Рылѣва; Пестель въ политикѣ былъ тоже планщикъ. Но въ отвлеченныхъ планахъ горѣла воля, какъ въ ледяныхъ кристаллахъ — лунный огонь. Говорилъ, какъ власть имѣющій, и очарованіе логики подобно было очарованію музыки или женской прелести.

Одни плѣнялись, другіе сердились; иные же плѣнялись и сердились вмѣстѣ. Но чувствовали всѣ, такъ же какъ наемни Рылѣвъ, что бывшее далекою мечтою становится близкимъ, тяжкимъ, грознымъ и отвѣтственнымъ.

Перейдя къ разбору муравьевской конституціи, не оставилъ въ ней камня на камень. Съ неотразимою ясностью обнаружилъ сходство ея съ древнею удѣльною системой, отъ которой едва не погибла Россія, — «ужасное вельможество и аристокрацію богатствъ».

— Сія аристокрація, главная препона благоденствія общаго и главное утвержденіе зловластія, однимъ только республиканскимъ образованіемъ правленія устранены быть могутъ.

Муравьевъ хотѣлъ произнести свою рѣчь, когда Пестель выскажетъ все до конца, но сидѣлъ какъ на иголкахъ и, наконецъ, не выдержалъ.

— Какая же аристокрація, помилуйте! Ни въ одномъ государствѣ европейскомъ не бывало, ни въ Англии, ни даже въ Америкѣ, такой демокраціи, каковая черезъ выборы въ нижнюю палату Русскаго Вѣча, по нашей конституціи, имѣеть быть достигнута...

— У меня, сударь, имя не русское, — заговорилъ вдругъ Пестель съ едва замѣтною дрожью въ голосѣ, — но въ предназначеніе Россіи я вѣрю больше вашего. Русскою правдою назвалъ я мою конституцію, понеже уповаю, что правда русская нѣкогда будетъ всесвѣтною, и что примутъ ее всѣ народы европейскіе, доселѣ пребывающіе въ рабствѣ, хотя не столь явномъ какъ наше, но, быть-можетъ, злѣйшемъ, ибо неравенство имуществъ есть рабство злѣйшее. Россія освободится первая. Отъ совершеннаго рабства къ совершенной свободѣ — таковъ нашъ путь. Ничего не имѣя, мы должны пріобрѣсти все, а иначе игра не стоитъ свѣчъ...

— Bravo, bravo, Пестель! Хорошо сказано! Или все, или ничего! Да здравствуетъ Русская Правда! Да здравствуетъ революція всесвѣтная! — слышались рукоплесканія и возгласы.

Если бы онъ остановился во-время, то увлекъ бы всѣхъ, и побѣда была бы за нимъ. Но его самого влекла безпощадная логика, посылка за посылкой, выводъ за выводомъ, — и остановиться онъ уже не могъ. Въ ледяныхъ кристаллахъ разгорался лунный огонь, — совершенное равенство, тождество, единобразіе въ живыхъ громадахъ человѣческихъ.

— Равенство всѣхъ и cadaго, наибольшее благоденствіе наибольшаго числа людей, — такова цѣль устройства гражданскаго. Истина сія столь же ясна, какъ всякая истина математическая, никакого доказательства не требующая

и въ самой теоремѣ всю ясность свою сохраняющая. А поелику изъ онаго явствуеть, что всѣ люди должны быть равны, то всякое постановленіе, равенству противное, есть нестерпимое зловластіе, уничтоженію подлежащее. Да не содержитъ въ себѣ новый порядокъ ниже тѣни стараго..

Математическое равенство, какъ бритва, брило до крови; какъ острый серпъ—колосья—срѣзывало, скашивало головы, чтобъ подвести всѣхъ подѣ общій уровень.

— Всякое различіе состояній и званій прекращается; всѣ титулы и самое имя дворянина истребляется; купеческое и мѣщанское сословіе упраздняются; всѣ народности отъ права отдѣльныхъ племенъ отрекаются, и даже имена оныхъ, кромѣ единаго, великороссійскаго, уничтожаются...

Все рѣзче и рѣзче рѣжушіе взмахи бритвы. «Уничтожается», «упраздняется» — въ словахъ этихъ слышался стукъ топора въ гильотинѣ. Но очарованіе логики, исполинскихъ ледяныхъ кристалловъ съ луннымъ огнемъ, подобно было очарованію музыки. Жутко и сладко, какъ въ волшебномъ снѣ—въ видѣніи міра нездѣшняго, Града грядущаго, изъ драгоценныхъ камней построеннаго Великимъ Планикомъ вѣчности.

— Когда же всѣ различія состояній, имущества и племенъ уничтожатся, то граждане по волостямъ распредѣлятся, дабы существованіе, образованіе и управленіе дать всему единообразное—и всѣ во всемъ равны да будутъ совершеннымъ равенствомъ,—заклучилъ онъ общій планъ и перешелъ къ подробностямъ.

Цензура печати строжайшая; тайная полиція со шпионами изъ людей непорочной добродѣтели; свобода совѣсти сомнительная: православная церковь сбѣявлялась господствующей, а два милліона русскихъ и польскихъ евреевъ изгоняются изъ Россіи, дабы основать іудейское царство на берегахъ Малой Азіи.

Слушатели какъ будто просыпались отъ очарованнаго сна; сначала переглядывались молча; затѣмъ послышались насмѣшливые шопоты, и, наконецъ, негодующіе возгласы.

— Да это хуже Аракчеева!

— Восниыя поселенія, а не республика!

— Мундиръ бы завести для всѣхъ россіянкъ одинаковый, съ двумя параллельными шнурами въ знакъ равенства!

— Не русская правда, а нѣмецкая!

— Самодержавіе злѣйшее!

А Пестель, ничего не видя и не слыша, продолжалъ говорить, какъ будто наединѣ съ собою.

Голицынъ вглядывался въ него, и маленькій человекъ, со спокойнымъ лицомъ, въ треуголкѣ и сѣромъ плащѣ, вспоминался ему, на высотахъ Шевардинскаго редута, въ пороховомъ дыму и въ огнѣ, надъ грудами убитыхъ и раненыхъ, ходившій взадъ и впередъ шагами такими тяжелыми, что, казалось, не отъ пушечныхъ выстрѣловъ, а отъ этихъ шаговъ дрожить и стонетъ земля. Маленькій человекъ похожъ былъ на свою собственную куклу, автомата въ музеѣ восковыхъ фигуръ. Неземная тяжесть, роковая одержимость. Какъ будто не самъ онъ двигается, а кто-то двигаетъ, дергаетъ его, какъ петрушку за ниточку.

Пестель вынулъ изъ портфеля перечерченную военную карту Россійской имперіи, разложилъ ее на столѣ и началъ объяснять раздѣленіе областей будущей Россійской республики, съ новою столицею, соединяющей Европу съ Азіей, Нижнимъ-Новгородомъ, подъ названіемъ Владиміра, въ честь св. Владиміра. Карта приложена была къ Русской Правдѣ.

— Неубитаго медвѣдя шкуру дѣлимъ, — замѣтилъ кто-то.

— А Польша гдѣ?

— Здѣсь, — указалъ Пестель на карту.

— Какъ здѣсь? За рубежомъ?

— Да, отдѣлена отъ Россіи.

— Не знаю, какъ вы, господа, — вдругъ поблѣднѣлъ и вскочилъ Рылѣевъ, — а я никому не позволю разыгрывать въ кости судьбу моей родины!

Повскакали и другіе, закричали въ ярости:

— Не позволимъ! Не позволимъ!

— Вотъ они, Южные, вотъ куда гнуть!

— Кромсать Россію! Да чортъ васъ дери съ вашею республикою!

— Предатели!

— Враги отечества!

Неистовый Кюхля схватилъ карту и разорвалъ ее пополамъ.

Предсѣдатель изо всей силы звонилъ въ колокольчикъ, но долго еще шумъ не унимался.

— Я полагаю, господинъ полковникъ, что отторженіе столь коренныхъ областей, какъ Польша, отъ державы Россійской многимъ не понравится, — началъ было Трубецкой примирительно, когда стало потише.

— А я полагаю, господинъ предсѣдатель, что мы исповѣдуемъ либеральные взгляды не для того, чтобы нравиться людямъ, изъ коихъ большинство глупцы, — усмѣхнулся Пестель такъ высокомерно, что даже кротчайшаго Трубецкого передернуло.

— А главное, хамы всѣ; не отъ огня или потопа, а отъ хамства погибнетъ земля! — выпалилъ вдругъ доселѣ безмолвный Каховскій и опять замолчалъ на весь вечеръ.

— Съ однимъ не могу никакъ согласиться, — заключилъ Рылѣевъ: — въ республикѣ вашей смертная казнь уничтожается, а вамъ безъ нея не обойтись, гильотина понадобится, да еще какъ: намъ же первымъ головы срубите...

— Не гильотина, а пестелина! — крикнулъ Бестужевъ Одоевскій закорчился и закашлялся отъ смѣха такъ, что долженъ былъ выйти въ другую комнату.

Голицину казалось, что всѣ, навалившись кучею, бьютъ спящаго или пьянаго.

Заранѣе предчувствуя побѣду, Муравьевъ попросилъ слова. Заговорилъ — и съ отрадою почувствовали всѣ, какъ вещи, сдвинутыя Пестелемъ, возвращаются на старыя мѣста; опять становится все нетяжкимъ, негрознымъ, неотвѣтственнымъ; рѣжущая бритва окутывалась ватою; ледяные кристаллы таяли и превращались въ теплую воду.

Муравьевъ доказывалъ необходимость медленнаго дѣйствія.

— Въ самой натурѣ постепенное теченіе времени дать жизнь, ростъ и зрѣлость всему; крупныя же и быстрыя событія производятъ вихри, бури, землетрясенія и разрушенія. Точно такъ же народу, пребывшему вѣка безъ сознанія вольности гражданской, дарованіе оной располагаемо должно быть съ постепенностью. Поставлять же внезапно и насильственно, на мѣсто правленія законнаго, самовластіе временныхъ диктаторовъ,—людей, никому невѣдомыхъ, есть дѣло безразсудное. Увѣрены будучи въ томъ,—заклучилъ ораторъ,—что Россія не можетъ быть иначе управляема, какъ монархомъ законнымъ и наслѣдственнымъ, отвергаетъ Сѣверное Общество всякую мысль о республиканскомъ образѣ правленія и единственной цѣлью своей полагаетъ конституцію монархическую.

— Bravo, bravo, Муравьевъ!—закричали и захопали ему тѣ же, кто давеча кричалъ и хлопалъ Пестелю.

— Не бывать республикѣ!

— Да здравствуетъ монархія!

— Да здравствуетъ конституція Сѣверная!

Голицынъ давно уже видѣлъ, какъ лицо Пестеля блѣднѣло, искажалось, и въ тускло-черныхъ глазахъ загорался тяжелый, припадочный блескъ. Вдругъ ударилъ онъ изо всей силы кулакомъ по столу.

— Такъ будетъ же республика!

Всѣ на минуту притихли. Но тотчасъ же опять поднялся неистовый крикъ:

— Долой диктаторовъ!

— Долой Пестеля!

— Второго Бонапарта!

— Второго самодержца!

— Павла Второго!

Пестель, какъ будто просыпаясь, обвелъ всѣхъ медленнымъ взоромъ.

— Господа,—заговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ, съ тихимъ и грустнымъ недоумѣніемъ въ потухшихъ глазахъ,—я ни на какія личности отвѣчать не буду. Я пришелъ сюда не съ тѣмъ. Ежели обидѣлъ кого, прошу извинить...

Но стыдно будетъ тому, кто подозрѣваетъ личные виды. Послѣдствіе покажетъ, что таковыхъ не было. Впрочемъ, если я одинъ мѣшаю всему, я готовъ удалиться изъ Общества.

Остановился, помолчалъ и вяло, разсѣянно, точно о другомъ думая, потеръ лобъ рукою:

— Я хотѣлъ еще что-то... ну, да все равно...

Въ лицѣ и въ голосѣ его что-то было такое простое, правдивое и печальное, что всѣ на мгновеніе опомнились и, такъ же какъ давеча, затаили дыханіе, потупились, не глядя другъ на друга. И тихая душная тяжесть опять навалилась на всѣхъ. Почувствовали, что не надо было говорить того, что говорили, и что не въ немъ, а въ самихъ себѣ они что-то унизили.

Голицынъ всталъ и подошелъ къ Пестелю.

— Я хочу вамъ сказать при всѣхъ, Павелъ Ивановичъ! Со многимъ я несогласенъ, но главное вѣрно у васъ, и я того же мнѣнія до корня: низверженіе династїи, провозглашеніе республики. Что бы ни говорили,—это такъ, и безъ этого ничего не будетъ, ничего не будетъ!

Пестель посмотрѣлъ на Голицына съ удивленіемъ, какъ будто все еще не понимая, но вдругъ улыбнулся простодушною улыбкою, тою же самою, съ которой спрашивалъ наемни Рылѣва о персидской шали для сестры и отъ которой лицо его сразу молодѣло, хорошѣло до неузнаваемости.

— Спасибо вамъ... я не знаю вашего имени.

— Князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ.

— Ну, спасибо, спасибо вамъ, князь!—сказалъ, крѣпко, до боли, пожимая ему руку.

Голицынъ заглянулъ въ глаза Пестелю и тоже улыбнулся,—почувствовалъ, что можетъ полюбить его, какъ брата. Но въ то же мгновеніе увидѣлъ глаза умирающей дѣвочки.

Пестель, собираясь уходить, складывалъ въ портфель бумаги, листки Русской Правды и половинки разорванной карты Россійской республики,—вѣрно, дома склеитъ тщательно. Никто его не удерживалъ.

Зеленое сукно, взятое на прокатъ изъ Русско-Американской Компанїи, сняли со стола, чтобы не запачкать, и покрыли

столь бѣлою скатертью. Потушили свѣчи, зажгли ананасовый пуишъ; сахарная голова запылала въ голубыхъ волнахъ спиртового пламени; захлопали пробки, полилось шампанское. Пиръ вскладчину: съ каждаго гостя по двадцати рублей ассигнаціями.

Отъ грозной и душевой Пестелевой тяжести съ наслажденіемъ возвращались къ обыденной легкости, какъ будто, проснувшись, потягивались, расправляли члены и торопились наверстать упущенное. Говорили о послѣднемъ парадѣ, о чинахъ и производствѣ, о танцовщицѣ Истоминой и закулисныхъ шалостяхъ гвардейцевъ, о Семеновой, которая провадилась наредни въ Лобановской Федрѣ; спорили о цыганкахъ, Ѳешкѣ и Маляркѣ, кто лучше поетъ,—почти съ такимъ же увлеченіемъ, какъ только что о республикѣ и монархіи

Чимбирякъ-чимбирякъ-чимбиряшечки!

Съ голубыми въ глазахъ, мои душечки!—

пѣлъ Бестужевъ, подражая Ѳешкѣ.

Затянули хоромъ:

Отечество наше страдаетъ

Подъ игомъ твоимъ, о злодѣй!

.

Свобода! Свобода!

Ты царствуй надъ нами...

Кюхля пошелъ плясать казачка и растянулся при общемъ хохотѣ. Якубовичъ произнесъ рѣчь:

— Господа, я не хочу принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, чтобы не плясать по чужой дудкѣ. По моему мнѣнію, одинъ человекъ рѣшительный полезнее всѣхъ обществъ. Я жестоко оскорбленъ государемъ. Развѣ вы не знаете, зачѣмъ я проживаю въ Петербургѣ? Развѣ не написана на лбу моемъ кровавая причина?

Сорвалъ повязку съ головы и, вынувъ изъ бокового кармана полунестлѣвшій листокъ, штабный приказъ по гвардіи, съ чиномъ капитана вмѣсто полковника, помахать надъ головой:

— Вотъ пилюля, которую восемь лѣтъ ношу у ретивого; восемь лѣтъ жажду мщенія. Ему не ускользнуть отъ меня... Тогда пользуйтесь случаемъ, дѣлайте, что хотите, созовайте вашъ Великій Соборъ и дурачьтесь досыта!

Выслушали молча и заговорили тотчасъ о другомъ: гдѣ бы провести остатокъ ночи, въ Красный ли кабачокъ закатиться на тройкахъ, или по сосѣдству въ Фонарный, къ «дамочкамъ». Но говорили уже вяло, со скукою; сразу устали, опьянѣли и отяжелѣли. Веселье потухало, какъ блѣдно-голубсе пламя пунша въ блѣдно-зеленой тусклости утра.

Затянули еще разъ на прощанье, но тоже со скукою:

Отечество наше страдаетъ...

.

И опять:

Чимбирякъ-чимбирякъ-чимбиряшечки!

Съ голубыми вы глазами, мои душечки!

Одинъ въ кабинетѣ, забившись въ уголь дивана и закрывъ лицо руками, сидѣлъ Одсевскій. Голицынъ подошелъ къ нему. Тотъ услышалъ и отнялъ руки отъ лица.

— А знаете, князь,—проговорилъ онъ, и Голицыну казалось, что слезы у него на глазахъ,—вѣдь Пестель-то правъ: стыдно, Боже мой, какъ стыдно и гадко все! Ничего не будетъ. Болтуны несчастные: надѣлала синица славы, а моря не зажгла...

Голицынъ молча простился и вышелъ на улицу.

Свѣтло, тихо, пусто. Внизу—опрокинутое въ Мойкѣ бѣлое небо, и вверху—оно же, бѣлое, слѣпое, какъ остеклѣвшій глазъ покойника; сѣрая каланча надъ сѣрою съѣзжею; у полосатой будки сонный будочникъ; грохочущія телѣги со смрадными бочками; ругань двухъ пьяныхъ гулякъ у трактира съ краснымъ фонарикомъ и гулъ барабана вдали,—должно-быть, на гауптвахтѣ бьютъ зорю.

На углу Вознесенской нагналъ его Рылѣевъ. Долго шли молча.

— Ну что, какъ?—началъ было Голицынъ, но тотъ замахалъ на него руками:

— Да ужъ не говорите. Скверно...

И опять молча пошли по свѣтлой, тихой и пустой, точно вымершей, улицѣ съ бѣлымъ небомъ вверху.

Вдругъ оба вздрогнули. Могучій звукъ прокатился одиноко въ мертвой тишинѣ, задрожалъ, какъ задѣтая у самага уха струна, и медленно замеръ. Первый, второй, третій— и весь воздухъ наполнился медленно-мѣрными мѣдными гулами. У Вознесенія благовѣстили къ заутренѣ

Остановились, прислушались.

— Да, ничего не будетъ, ничего не сдѣлаемъ,—заговорилъ Рылѣевъ, какъ будто повторяя то, что говорилъ благовѣсть,—а все-таки надо начать! Раздастся гласъ свободы и разбудить спящихъ...

Говорилъ, какъ всегда, высокопарно, торжественно; но не въ словахъ, а въ лицѣ и голосѣ его что-то было такое же простое, правдивое, какъ давеча у Пестеля.

Голицынъ положилъ ему руки на плечи и заглянулъ въ лицо, блѣдное въ блѣдной тусклости утра, точно мертвое.

— Да, начать надо,—произнесъ и онъ, какъ бы отвѣчая на то, о чемъ спрашивалъ колоколь.—Хотя вы и не вѣрите въ Бога, а помощи намъ Богъ!

Обнялись и поцѣловались молча.

Когда Рылѣевъ ушелъ, Голицынъ долго еще слушалъ благовѣсть, потомъ снялъ шляпу и перекрестился съ молитвою, съ которой благословила его Софья:

«Сохрани, помощи, помилуй насъ всѣхъ, Господи! Спаси, Матерь Пречистая!»

На слѣдующій день у Полицейскаго моста на Невскомъ встрѣтилъ онъ Пестеля; лица не видѣлъ—шелъ сзади,—но узналъ тотчасъ же. У Пестеля подъ мышкою былъ свертокъ, должно-быть, персидская шаль, подарокъ сестрѣ. Нагнавъ его, Голицынъ пошелъ рядомъ; но Пестель не замѣчалъ его и продолжалъ идти, не глядя по сторонамъ. Лицо безжизненное, взоръ невидящій, шагъ размѣренный: кажется, будь на дорогѣ яма,—не остановился бы, какъ пущенный въ ходъ автоматъ.

Солнце пекло уже по-лѣтнему; тощія липки бульвара, едва распускавшіяся, кидали слабую тѣнь. Пестель присѣлъ на скамейку, снялъ фуражку и вытеръ платкомъ потъ со лба; все еще не узнавалъ или не видѣлъ Голицына, присѣвшаго рядомъ.

— Здравствуйте, Павелъ Ивановичъ!

— Ахъ, Валерьянъ...—видимо, съ трудомъ вспомнилъ онъ имя:—Валерьянъ Михайловичъ, извините, я очень разсѣянъ, никого не узнаю...

Голицынъ заговорилъ о вчерашнемъ, но Пестель едва слушалъ и отвѣчалъ неохотно, какъ будто думалъ о другомъ, не радъ былъ встрѣчѣ и о своей вчерашней благодарности забылъ.

— А нехорошо у васъ въ Петербургѣ,—вдругъ, среди разговора, оглянулся онъ и поморщился:—жара, пыль, вонь... Я, впрочемъ, весны не люблю. То ли дѣло осень, особенно въ деревнѣ, самая глухая осень въ самой глухой деревнѣ. Читали вы *Утѣхи меланхоліи*?

— Нѣтъ, что это?

— Книжечка такая, старинная. Мнѣ нравится. Давеча по Невскому шелъ, все вспоминалъ. Погодите, какъ это? «Счастливый уголокъ безмятежности, уединенное сельцо, мирное лоно твое въ шумѣ осеннихъ бурь нѣжитъ скорбный духъ мой; любезная пустынька питаетъ меланхолію...» Не правда ли, чувствительно? Глупо, но чувствительно. Точно переводъ съ нѣмецкаго. Потому, должно-быть, мнѣ и нравится...

— А къ памятнику Петра пройти какъ?—спросилъ онъ, вставая.

— Тутъ недалеко. Я проведу васъ, если позволите.

Пошли вмѣстѣ. По дорогѣ Пестель опять вычитывалъ ему изъ «Утѣхъ меланхоліи»:

— «Среди октябрьскихъ непогодъ въ дико-густѣйшей мглѣ, при порывистыхъ вихряхъ, привѣтствуемый мерцаіемъ дружественной Цинноіи»... Что такое Цинноія? Изъ мифологіи, что ли? А дальше не помню...

— Какъ вы и это-то запомнили?—разсмѣялся Голицынъ.

— Съ матушкой читалъ, давно еще, мальчикомъ, а потомъ съ сестрой. Бывало, въ осеннія сумерки, все ходимъ по березовой аллеѣ надъ озеромъ,—у насъ большое озеро въ паркѣ, оттуда видъ прекрасный,—желтые листья подъ ногами шуршатъ, и читаемъ Ламартина; Шатобриана или вотъ эту самую меланхолію.

— Вы и стихи любите?

— Нѣтъ, стиховъ не люблю... впрочемъ, не знаю, мало читалъ, только вотъ съ сестрою. Одному некогда и скучно.

— А Пушкина?

— И Пушкина мало знаю.

— Вы, кажется, встрѣчались?

— Да, въ Кишиневѣ разъ, давно. Всю ночь проговорили о политикѣ и о безсмертіи души.

— Ну и что же?

— Ничего. Какъ всегда, каждый при своемъ остался. Онъ доказывалъ, что Бога и безсмертія нѣтъ, а я ему, что этого доказать нельзя; тутъ все надвое: по сердцу—Бога нѣтъ, а по разуму—есть. Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y réfue...

— Наоборотъ, казалось бы?—удивился Голицынъ.

— Нѣтъ, у меня такъ,—немного нахмурился Пестель, и въ глазахъ его появилось выраженіе, которое и раньше замѣтилъ Голицынъ, какъ будто передъ носомъ любопытнаго гостя захлопнулась дверь во внутреннія комнаты хозяина; и тотчасъ заговорилъ о другомъ, рассказалъ, какъ Пушкинъ хотѣлъ къ нимъ въ Общество, да его нельзя—ненадеженъ.

По новому Адмиралтейскому бульвару вышли на Сенатскую площадь, къ памятнику Петра.

Пестель обошелъ его, разглядывая съ простодушнымъ любопытствомъ, потомъ остановился, приложилъ лицо къ рѣшеткѣ и, глядя въ лицо изваянія, какъ въ лицо живого человѣка, долго молчалъ, словно забыть о собесѣдникѣ; наконецъ сказалъ, по-французски, шопотомъ:

— А вѣдь тутъ пропасть: если конь опуститъ копыто, Всадникъ полетитъ къ чорту...

— Да, костей не соберетъ.

— И мы съ нимъ?

— Развѣ мы—съ нимъ?

— А гдѣ же?

— Вотъ змѣя подъ копытами лошади,—крамола, революція...

— Вы думаете? А Пушкинъ говоритъ, что съ него-то,—кивнулъ Пестель на памятникъ,—съ него и началась революція въ Россіи...

— И самодержавіе съ него же,—замѣтилъ Голицынъ.

— Да, крайности сходятся... Ну, такъ какъ же: мы-то съ нимъ или противъ него?—опять помолчавъ, спросилъ Пестель?

— Не знаю,—усмѣхнулся Голицынъ,—не знаю, какъ мы, Павелъ Ивановичъ, а вы, навѣрное, съ нимъ.

— Почему я?..—проговорилъ Пестель, но ужъ опять разсѣянно, какъ будто о другомъ думая,—дверь во внутреннія комнаты захлопнулась,—и не дожидаясь отвѣта, внезапно простился, кликнулъ извозчика и уѣхалъ.

Голицынъ, оставшись одинъ, долго еще вглядывался съ тѣмъ же вопросомъ въ лицо Мѣднаго Всадника: противъ него или съ нимъ?

Отвѣта не было, и, наконецъ, рѣшилъ: «а все-таки надо начать—съ нимъ или противъ».

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Фотій въ гробу полеживаль съ пріятностью.

Въ домѣ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской на Дворцовой набережной, гдѣ гостилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, онъ устроилъ себѣ подземную келью. Въ темный подвалъ, освѣщаемый только огнями неугасимыхъ лампадъ, вела узкая лѣстница; полъ мраморный, черными и бѣлыми шашками; иконостасъ, блистающій золотомъ и драгоценными каменьями. Онъ любилъ ихъ: въ дѣтской простотѣ, не зная цѣны деньгамъ, принималъ въ подарокъ отъ Анны блюдо рубиновъ или яхонтовъ, какъ блюдо земляники. По срединѣ кельи—гробъ. Фотій спалъ въ немъ ночью, а иногда и днемъ отдыхаль.

Анна сперва ужасалась, а потомъ привыкла, и гробъ сталъ ей казаться диваномъ, тѣмъ болѣе, что надоѣвшую черную обивку замѣнилъ онъ свѣтлою, серебрянымъ газетомъ снаружи и бѣлымъ атласомъ внутри, «дабы гробъ свѣтель былъ и пріятень». Когда въ одѣяніи подобносхимническомъ, нарочно сшитомъ по его заказу, какъ святые на иконахъ пишутся, лежалъ онъ въ этомъ веселомъ гробу, Анна любовалась на него съ умилениемъ:

— Ахъ, отецъ, отецъ, какъ онъ милъ!

Весь день провелъ Фотій въ хлопотахъ и разъѣздахъ по дѣлу Голицына; усталъ, измучился; вернувшись домой, завалился въ гробъ отдыхать. Выпить бы горячаго укропника,—укропникъ пилъ вмѣсто чая, зелья бѣсовскаго. Но

никто, кромѣ Анны, не умѣлъ варить, а ея дома не было, уѣхала съ визитами.

Фотій сердился, ругался. Держалъ ее въ строгости, помыкалъ, какъ послѣднею дворовою дѣвкой. А все-таки съ пріятностью полеживалъ въ гробу своемъ, благодушествовалъ, вспоминая послѣднее свиданіе митрополита съ Аракчеевымъ

Аракчеевъ исполнилъ обѣщаніе, данное государю: поѣхалъ къ митрополиту и сдѣлалъ попытку помирить его съ княземъ Голицынымъ, но ничего не вышло. Снявъ съ головы бѣлый клобукъ, митрополитъ бросилъ его на столъ:

— Графъ, донеси царю, что видишь и слышишь. Вотъ ему клобукъ мой. Я болѣе митрополитомъ быть не хочу, съ княземъ Голицынымъ не могу служить, какъ явнымъ врагомъ церкви, престола и отечества!

«Аракчеевъ смотрѣлъ на сіе, какъ на вещь рѣдкую», вспоминалъ впослѣдствіи Фотій. Воистину, рѣдная вещь въ Россіи послѣ Петра I,—бѣлый клобукъ, вѣнецъ православія, спорящій съ вѣнцомъ самодержавія.

Митрополита Серафима Фотій называлъ «мокрою курицею». Однажды, готовясь произнести проповѣдь, въ присутствіи императора Павла, преосвященный такъ оробѣлъ, что не могъ произнести ни слова и долженъ былъ удалиться въ алтарь. А намедни, собираясь въ Зимній дворецъ, по дѣлу Голицына, трижды входилъ и трижды выходилъ изъ кареты; наконецъ Фотій захлопнулъ дверцы и крикнулъ кучеру: «ступай!» А Магницкій поѣхалъ сзади на дрожкахъ, и когда замѣчалъ, что кучеръ, по приказанію владыки, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо во дворецъ. Вернулся владыка домой, весь мокрый отъ пота, «какъ бы изъ водопада былъ облитъ,—по слову Фотія:—такой у него былъ потъ отъ страха царева».

Мокрой курицѣ не бывать орломъ, митрополиту Серафиму—Никономъ. «Отъ Фотія потрясется весь градъ св. Петра», было пророчество. Не оно ли исполняется? Не потрясется ли Россія, вселенная отъ *патріарха* Фотія?

Прислушался къ стуку подъѣзжавшей карсты. Не разбываясь, въ салопѣ, шляпкѣ и вуали, запыхавшаяся, испуанная, вбѣжала въ подземную келью графиня Анна.

Лицо плоское, круглое, красное, веснучатое, какъ у еревенской дѣвушки. Росту большого,—гренадеръ въ юбкѣ. Ытъ подь сорокъ, а умомъ ребенокъ. «Мозги птичьи», овариваль Фотій. Но въ глазахъ чистыхъ, какъ вода ключевая, сквозь глупость ума, умъ сердца свѣтился. Готовилась въ тайному постригу; носила власяницу подь шелковымъ рейлинскимъ платьемъ; всю жизнь замаливала грѣхъ тца, графа Алексѣя Орлова, злодѣяніе Ропшинское—бійство Петра III.

Ходили слухи о блудномъ сожительствѣ Фотія съ Анной, о это была клевета.

«Я, въ мірѣ пребывая, ни одинажды не коснулся плоти женской, не позналъ сласти,—говориль Фотій:—чадо мое Господѣ есть дѣвица непорочная во всецѣлости. Самъ Господь мнѣ ее въ невѣсты нескверныя даль».

— Не моя вина, батюшка,—залепетала Анна безтолково растерянно, вбѣгая въ келью:—княгиня Софья Сергѣевна езь чая отпустить не хотѣла, о патерѣ Госнерѣ сказывала. Ахъ, отецъ, отецъ, если бы вы знали, какія новости!..

Княгиня Софья Мещерская, одна изъ духовныхъ дочерей Фотія—большая сплетница, а патеръ Госнеръ—закжій «проповѣдникъ Антихриста, сатана-человѣкъ, — по нѣнію Фотія,—публично изрыгавшій хулу на Богородицу». При помощи Магницкаго и оберъ-полицеймейстера Гладова, заговорщики выкрали изъ-подъ станка листы печавшейся книги Госнера, и Фотій сочиняль по нимъ доносъ, желая приплести это дѣло къ дѣлу Голицына. Въ другое время о новостяхъ разспросиль бы съ жадностью, но теперъ ропустиль мимо ушей: очень сердился.

Долго лежалъ, не открывая глазъ, не двигаясь, точно оконникъ въ гробу; наконецъ посмотрѣль на Анну въ поръ и спросиль:

— Гдѣ пропадала, подоль трепала, чортова дѣвка? Іа гульбищѣ, небось?

— Да,—потупилась Анна, краснѣя; лгать не умѣла. Одинъ только разокъ прошла...

Весеннее гулянье въ Лѣтнемъ саду, куда изрѣдка ѣзжалъ Анна тайкомъ отъ Фотія, называлъ онъ сатанинскимъ гулбищемъ.

— Женишка не подцѣпила ли? Много ихъ нынче там по веснѣ-то, кобелей безстыжихъ, военныхъ да штатскихъ за вашей сестрой, сукою, задравши хвосты, бѣгаетъ.

— Ну что вы, батюшка! У меня и въ мысляхъ нѣтъ сами знаете...

— Знаю, что знаю. А ты бы хоть то разсудила, что уж не молода и красоты не имѣешь плотской; то богатство токмо ради женихи-то подманиваютъ, а денежки вытрясутъ и поминай, какъ звали.

Поднялъ ногу изъ гроба, и съ привычною ловкостью Анна стащила съ нея смазной, подбитый гвоздями, мужич сапогъ.

— Охъ, мозоли, мозолюшки! Нокоть что-то, вѣрни къ дождику,—кряхтѣлъ онъ, подымая другую ногу

На свѣтлыхъ перчаткахъ у Анны—второпяхъ не успѣвшихъ снять—отъ смазныхъ голенищъ остались пятна дегтя

— Думаешь, не знаю, дѣвонька, что у тебя на умѣ? усмѣхнулся вдругъ Фотій язвительно:—знаю, голубушки все вижу насквозь; вотъ, молъ, какая особа, миллионщица Орлова-Чесменскаго дочь, графиня свѣтлѣйшая, ручки и волить марать о сапоги мужичьи поганые! А только мнѣ и графство твое наплевать и на миллионы тоже. Тридцать миллионновъ—тридцать сребрениковъ—цѣна крови. Знаешь, чья кровь? Грѣхъ отца знаешь? Ну, чего молчишь? Говори знаешь?

— Знаю,—прошептала Анна, блѣднѣя и опуская голову.

— А коли знаешь—кайся, отца духовнаго слушаешь отца по плоти влюбила больше, чѣмъ отца духовнаго. Послушаніе паче поста и молитвы. Вотъ скажу тебѣ: «Анна скажу, обругай отца!» Ты и обругать должна...

Она отвернулась и молча горько заплакала. Готова была терпѣть все; но чтобы онъ надъ памятью отца ея ругался—не могла вынести.

— Ну, чего нюни распустила, дура? Любя, говорю.

— Простите, батюшка!—сказала она, припадая къ рукѣ его и уже забывъ обиду.

— Богъ проститъ. Ступай, завари-ка укропничку.

Послышался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Его сіятельство, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ,—доложилъ келейникъ.

Анна заторопилась, хотѣла бѣжать навстрѣчу гостю.

— Стой! Куда?—удержалъ ее Фотій:—ничего, подождетъ, не велика птица. Давай сапоги.

Надѣлъ ихъ опять съ помощью Анны, всталъ изъ гроба, подошелъ къ аналою, зажегъ свѣчу, положилъ Евангеліе, поставилъ чашу съ Дарами, взялъ въ руки крестъ, дѣлая все нарочно медленно; наконецъ велѣлъ позвать Голицына. Анна побѣжала за нимъ.

«Входитъ князь и образомъ, яко звѣрь-рысь, является», рассказывалъ впоследствии Фотій.

— Благословите, отче!

Въ богохульной и нечестивой книжицѣ, *Таинство Крестна* именуемой, подъ твоимъ надзоромъ, княже, опубликовано: «духовенство есть звѣрь». А понеже и азъ, грѣшный, зъ числа онаго есмь, то благословить тебя не хочу, да ебѣ и не надобно.

— Ну, что жъ,—сразу вспыхнулъ Голицынъ,—пожалуй, лучше такъ:—война—такъ война! Довольно хитростей, довольно лжи...

— Какая ложь? Какая война? О чемъ говоришь, князь, не разумѣю.

— Не разумѣете? Ну, такъ я вамъ скажу, извольте! Я знаю все, о. Фотій: знаю, какъ съ негодяемъ Аркачевымъ вступили вы въ союзъ; какъ государю на меня клеещете; одной рукой обнимаете, а другой точите ножъ; редаете лобзаніемъ іудиннымъ; говорите: «Христось посреди

насъ»,—а посреди насъ діаволь, отецъ лжи. Листы печальные изъ-подъ станка выкрали,—да вѣдь это мощенничество! Какъ вамъ не стыдно, отецъ? Погодите, ужю обо всемъ доложу государю. Посмотримъ, кто кого!

Фотій молчалъ. Оба хитрые, хищные, стояли они дружно противъ друга, два маленькихъ звѣрка готовые сцѣпиться въ смертномъ боѣ,—рысь и хорекъ.

— Убойся Бога, князь,—заговорилъ, наконецъ, Фотій:—за что на меня злобствуешь? Отъ личности твоей чисть, зла на тебя не имѣю, Господь съ тобою...

— Не лгите, хоть теперь-то не лгите! Во второй разъ не обманете. Дуракъ я вамъ дался, что ли? Говорите лучше прямо: что вамъ отъ меня нужно?

— Покайся, останови книги богопротивныя, въ коихъ сѣется развратъ и революція,—началъ было Фотій.

— Да сколько же разъ мнѣ вамъ повторять: не могу я ничего остановить! Не меня обвиняйте, а государя.

— Ну, такъ поди къ царю, стань передъ нимъ на колѣна и скажи что самъ дѣлалъ худо и его...

— Какъ вы смѣете,—вдругъ закричалъ Голицынъ затопалъ ногами,—какъ вы смѣете говорить такъ о государь императорѣ? Въ революціи другихъ обвиняете, а самъ же—революціонистъ отъявленный...

— Азъ есмь рабъ Господа моего, исуса Христа, посланъ тебя обличить, да покаешься!—закричалъ и Фотій: горе тебѣ, княже! горе, нечестивче! горе, богохульнич! Предстану съ тобою на Страшномъ судѣ, обличу, сокрушу, осужу въ геенну огненную!

Оба кричали. Анна слушала изъ-за дверей въ ужасѣ: «охъ, подерутся!»

— Ну, съ вами, отецъ, не сговоришь,—попятился Голицынъ къ лѣстницѣ, думая уже только о томъ, какъ бы уйти отъ грѣха.—Нога моя здѣсь больше не будетъ, такъ и доложу государю. Честь имѣю кланяться...

— Стой, погоди! Такъ не уйдешь, не отвертишься! С азъ простираю руку мою...

— Пустите же, пустите!—кричалъ Голицынъ въ испугѣ, стараясь вырвать руку, но Фотій не пускалъ: одной рукой держалъ князя, другою поднялъ крестъ, и такъ страшно было лицо его, что вдругъ показалось Голицыну, что онъ сейчасъ ударить его крестомъ, какъ ножомъ,—убьетъ.

— Се, азъ руку мою простираю къ небу, и судъ Божій изрекаю на тя и на всѣхъ! Много ли васъ? Тьмы ли темъ безчисленныя? Выходите всѣ! Да поразить васъ всѣхъ Господы! Отлучаю! Извергаю! Проклинаю! Анаѳема!

Голицынъ поблѣднѣлъ. «Сумасшедшій!» промелькнуло въ головѣ его, точно такъ же какъ намерни у государя. Последнимъ отчаяннымъ усиленіемъ вырвалъ онъ руку и пустился бѣжать; вверхъ по лѣстницѣ и черезъ всѣ покои дома бѣжалъ такъ быстро, что на груди его орденская звѣзда прыгала и фрачные фалды развѣвались.

Фотій гнался за нимъ: лицо искаженное, глаза горячіе, волосы дыбомъ—хорекъ бѣшенный.

Келейникъ разинулъ ротъ и присѣлъ отъ ужаса. Синодскій чиновникъ Степановъ, похожій на стараго сова (это онъ корректурные листы Госнеровой книги выкралъ), остолбенѣлъ и глаза выпучилъ. А когда бѣжали они черезъ большую парадную залу съ портретами царскихъ особъ, то казалось, что и они всѣ,—отъ Петра I, который началъ, до Павла I, который завершилъ плѣнъ церкви властью мірской,—смотрѣли съ удивленіемъ на невиданное зрѣлище: какъ оберъ-прокуроръ Синода, око царево, отъ церкви отлучается.

— Анаѳема!—гремѣлъ Фотій вслѣдъ убѣгавшему.—Будь ты проклятъ! Бога не узришь, сидешь во адъ! И всѣ съ тобою, всѣ прокляты! Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема всѣмъ!

Анна бѣжала за Фотіемъ и ловила его за полы.

— Отецъ! Отецъ!

Уже Голицынъ добѣжалъ до сѣней. Фотій не отставалъ: казалось, готовъ былъ выскочить на улицу. Но Анна успѣла его догнать, охватила руками, повисла у него на шеѣ.

Въ послѣдній разъ закричалъ, завизжалъ онъ осипшимъ голосомъ: «анаѳема!», и повалился на руки подскочившихъ

слугъ, которые перенесли его въ залу и усадили въ кресло, бьющагося въ припадкѣ, рыдающаго и хохочущаго.

Совершилось пророчество; отъ Фотія потрясся весь градъ св. Петра: анаеема Голицыну, оберъ-прокурору Синода, тридцатилѣтнему другу цареву,—анаеема самому царю.

Всѣ ожидали что-то будетъ? Ходили слухи, что царь гнѣвнень. Аннѣ казалось, что вотъ-вотъ схватятъ Фотія и сошлютъ въ Сибирь. Заболѣла отъ страха.

— Небось, Аннушка! Что мнѣ оберъ-прокуроръ? Блоха, ее же убиваетъ песь трясеніемъ ушей. Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Кто противъ насъ?—храбрился Фотій, но тоже робѣлъ.

Мая 15-го, въ день Вознесенія, сидѣлъ онъ у постели больной Анны и утѣшалъ ее, совѣтовалъ, не прибѣгая къ помощи медиковъ, нѣмцевъ поганыхъ, натереть съ молитвою все тѣло оподельдокомъ:

— Помни, въ зеленыхъ банкахъ худой, а самый лучшій— въ бѣлыхъ. Натрешься — все какъ рукой сниметь.

Говорилъ также, чтобы развлечь ее, о колоколѣ большомъ, въ 2000 пудъ вѣсомъ, во имя Купины Неопалимой, который собирался отлить для Юрьевской обители изъ дешевой, краденой мѣди.

— Сколь пріятень будетъ звонъ и утѣшителень!

Но Анна не слушала, думала все объ одномъ: какъ придуть схватятъ и увезутъ батюшку.

Постучался келейникъ у двери и подаль письмо,

— Отъ кого?—спросила Анна.

— Отъ митрополита,—отвѣтилъ Фотій, распечатывая дрожащими пальцами.

У Анны сердце захолонуло: ужъ не о ссылкѣ ли указъ?

Вдругъ Фотій вскочилъ, захопалъ въ ладоши и запѣлъ по-церковному.

— Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія! Слава Тебѣ, Христе Боже нашъ, слава Тебѣ! Адъ сокрушень, сатана побѣжденъ! Пало мірское владычество надъ церковью! Министръ нашъ единъ—Исусъ Христосъ! Слава Фотію! Слава Господу! Слава Аракшееву!

Анна смотрѣла и не вѣрила глазамъ своимъ: батюшка поднялъ рясу и притопывалъ, какъ будто собираясь плясать.

— Возстань, дочь,—воскликнулъ онъ, схвативъ ее за руку:—ничего, небось, поясница пройдетъ и оподельдока не надобно,—вогъ оподельдокъ нашъ божественный!—махаль письмомъ.—Возстань съ одра, пой, пляши, дѣвонька!

— Что вы, что вы, отецъ! Я же не одѣта...

— Богъ проститъ, не стыдись, пляши во славу Господа!

— Да что, что такое, батюшка миленькій, что съ вами?—говорила, блѣднѣя отъ ужаса, Анна: ей казалось, что онъ сошелъ съ ума.

— А вотъ что,—бросилъ ей Фотій письмо:—читай!

Митрополитъ извѣщалъ его о только что подписанномъ указѣ: оберъ-прокуроръ Св. Синода, князь Голицынъ, оставленъ отъ должности; министерство духовныхъ дѣлъ уничтожено; Синоду быть попрежнему.

И опять все затаило дыханіе, притихло, пришипилося. Отъ государя ни слуху, ни духу, какъ будто забылъ онъ о Фотіи.

Наконецъ 13 іюня, поздно вечеромъ, пришло въ Лавру высочайшее повелѣніе явиться Фотію на слѣдующій день въ Зимній дворецъ.

Не зналъ онъ, что ожидаетъ его—въ архіереи ли посвятятъ, или въ Сибирь сошлютъ; на всякій случай исповѣдался и причастился.

Такъ же, какъ въ первый разъ, взошелъ Фотій съ камердинеромъ Мельниковымъ потайною Зубовской лѣстницей, днемъ съ огнемъ, такъ же, идучи по ней, крестился и крестилъ всѣ углы, переходы, двери и стѣны дворца, помышляя, что «тьмы здѣсь живутъ силъ вражьихъ». А, войдя въ кабинетъ государевъ, сначала медленно, истово перекрестился и потомъ уже взглянулъ на государя. Государь принялъ благословеніе и усадилъ Фотія за свой письменный столъ. Но тутъ уже пошло все по-иному. Взглянувъ на лицо государя, Фотій сразу понялъ, что дѣло плохо, и какъ началъ дрожать мелкою дрожью, такъ уже не переставалъ до конца свиданія.

Разсказываль впослѣдствіи, будто бы на тѣлѣ его, во время этой бесѣды, выступилъ кровавый потъ.

— Я пригласилъ васъ, отецъ, для того, чтобы узнать, правда ли, что вы князя Александра Николаевича Голицына предали анаемѣ?

— Ваше величество, не я, а Самъ Господь съ небесе рече...

— Извольте отвѣчать, о чемъ спрашиваютъ!—прикрикнулъ на него государь, и въ голосѣ его слышались тѣ же визгливые звуки, какъ у императора Павла, когда онъ гнѣвался.—Правда или неправда? Отвѣчайте!

— Правда.

— Какою же властью вы это сдѣлали?

Фотій молчалъ, дрожалъ, смотрѣлъ въ окно и крестился маленькими, частыми крестиками.

Лицо государя было гнѣвно; сперва хотѣлъ онъ только пострашать его, но потомъ увлекся,—какъ актеръ, вошелъ въ свою роль и заговорилъ почти искренно.

— Какою властью вы это сдѣлали?—повторилъ, возвышая голосъ.—Кто васъ поставилъ судить между мной и церковью, между мной и Богомъ? И за что вы всѣ напали на Голицына? Изъ-за чего бунтуете? Чего хотите? Свободы церкви отъ власти мірской? Да не вы ли сами поработились мірскому владычеству? Много мы, государи, всякой низости видимъ, но такой, какъ у васъ, господа духовные, Богомъ свидѣтельствуюсь, я нигдѣ не видываль. Когда главою церкви, вмѣсто Христа, объявили самодержца Россійскаго, человѣка сдѣлали Богомъ,—кощунство изъ кощунствъ, мерзость изъ мерзостей!—гдѣ вы были тогда, гдѣ была свобода ваша? Все предали, всему измѣнили, надругаться дали надъ святынею. Не всѣ ли вы, отъ перваго до послѣдняго, пастыри церкви Россійской, припадали къ ногамъ моимъ, кричали: «Осанна!» какъ Самому Христу Господню? Не я ли долженъ былъ повелѣвать указами, чтобы не было сего, чтобы съ Богомъ меня не равняли, Благословеннымъ, Безсмертнымъ не называли? Вспомнить, выговорить стыдно и страшно, но у васъ, отцы, давно уже ни страха, ни стыда

въ глазахъ... А туда же, бунтовать вздумали! О свободѣ церкви говорить смѣете... Ну, что жъ, не захотѣли Голицына,—будетъ вамъ Аракчевъ. А вы, отецъ Фотій,—я думалъ, что вы лучше другихъ, повѣрили вамъ,—и вотъ чѣмъ отплатили вы! Богъ вамъ судія. Но понимаете ли, понимаете ли, что вы сдѣлали?..

Всталъ и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ. Какъ всегда въ гнѣвѣ, не все лицо его, а только лобъ краснѣлъ; и онъ закрывалъ его платкомъ, какъ будто вытиралъ потъ.

А Фотій попрежнему глядѣлъ въ окно на небо, молчалъ, дрожалъ и крестился.

— Понимаете ли?—повторилъ государь, остановившись передъ нимъ, и, взглянувъ въ лицо его, увидѣлъ, что онъ ничего не понимаетъ и никогда не пойметъ: все—какъ горохъ объ стѣну.

Государь опустился въ кресло и вдругъ почувствовалъ, что весь гнѣвъ его потухъ.

— Ну, что же вы молчите? Говорите, отвѣчайте же.

— Что мнѣ тебѣ сказать, государь?—робко взглянулъ на него Фотій.—Аще бы не токмо князь Голицынъ, но ангель, спешъ съ небесе, глаголалъ ученію церкви противное и о царѣ злое, я сказалъ бы: анаема!

— И мнѣ сказалъ бы?

Фотій молчалъ.

— Ну, ничего, говорите, говорите, я слушаю,—усмѣхнулся государь едва уловимой, брезгливой усмѣшкой.

— Что дѣлать мнѣ дано было свыше, яко послалъ меня Богъ возвѣститъ правду царю моему, то я и сдѣлалъ,—уже смѣлѣе взглянулъ на него Фотій.—Видя, что вся святыня испровергается, едина злоба возвѣщается, ужели я молчать долженъ, повѣривъ, что все сіе зло ты, царь, сотворилъ, чему вѣрять Голицынъ, да и меня хотѣлъ научить вѣровать? Св. Николай Чудотворецъ на вселенскомъ соборѣ зашилъ нечестиваго Арія...

Подаль государю выдранный изъ житія листокъ—разсказъ о томъ, какъ отцы Никейскаго собора за пощечину Арію присудили св. Николая архіерейскаго сана лишитъ.

— Вотъ видите, что со св. Николаемъ сдѣлали,—принесъ государь, не дочитавъ листка:

— Неправильно сдѣлали:

— Какъ неправильно?

— Чти до конца: отцы осудили угодника Божьяго, Господь же, явившись Самъ, подалъ ему св. Евангеліе, а Матерь Божья—омофоръ, во знаменіе, что свыше сила небесная защититъ его имѣть всегда...

Долго еще говорилъ Фотій, постепенно возвышая голосъ, и, наконецъ, такъ же какъ въ первое свиданіе, закричалъ, завопилъ, занеистовствовалъ, началъ вытаскивать безчисленные листки изъ-за рукавовъ, изъ-за голенищъ, изъ-за пазухи—весь былъ обложенъ ими, какъ воинъ доспѣхами.

Государь слушалъ молча, со скукою.

Доставая одинъ изъ листовъ, Фотій распахнулъ рясу; хотѣлъ закрыть, но государь не далъ ему; наклонился, раздвинулъ складки и увидѣлъ подъ желѣзными веригами, на голой груди его; страшную, желѣзомъ натертую, до костей зіяющую рану:

— Что дивишься, царь?—воскликнулъ Фотій:—гляди, когда хочешь, и знай, что, себя не жалѣючи, никого не пожалѣю ради Господа!

Государь отвернулся; лицо его болѣзненно сморщилось. Жалко было Фотія, но и себя жалко; жалко и стыдно. Вспомнилъ, какъ въ первое свиданье поклонился ему въ ноги, готовъ былъ видѣть въ немъ своего избавителя, посланника Божьяго. Не то одержимый не то, помѣшанный,—вотъ за кого ухватился, какъ утопающій. Быть смѣшнымъ боялся больше всего на свѣтѣ, а съ Фотіемъ былъ смѣшонъ; этого никому никогда не прощалъ,—не простилъ и ему.

А тотъ продолжалъ неистовствовать.

Государь всталъ, налилъ стаканъ воды и подалъ ему.

— Успокойтесь, отецъ, выпейте. Я зла противъ васъ не имѣю: что сказалъ, то сказалъ, и больше ничего не будетъ. Я всегда радъ васъ видѣть, а теперь прошу меня извинить,—дѣла неотложныя.

И позвонилъ Мельникова.

То было послѣднее свиданіе государя съ Фотіемъ.

Торжество его, впрочемъ, какъ будто продолжалось. Патеръ Госнеръ, по высочайшему повелѣнію, высланъ былъ за границу, и книга его сожжена въ печахъ кирпичнаго завода Александро-Невской лавры; жгли три часа, въ двадцати печахъ, и при этомъ присутствовалъ Фотій, возглашая анаѹему. Аракчеевъ исходатайствовалъ ему панагію «за торжество православія».

«Порадуйся, старче преподобный,—писалъ Фотій симоновскому архимандриту Герасиму:—нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣль; общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ—Господь Иисусъ Христось, во славу Бога Отца, аминь.—Молись объ Аракчеевѣ: онъ явился, рабъ Божій, за св. церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ».

Но этимъ торжество и кончилось. Внезапно, точно сговорившись, всѣ отшатнулись отъ Фотія. Долго не понималъ онъ, за что; когда же понялъ, что милостямъ царскимъ—конецъ, то палъ духомъ, заболѣлъ, едва не умеръ и, только что оправился, уѣхалъ изъ Петербурга, «бѣжалъ изъ града, яко изъ ада», въ свой новгородскій Юрьевскій монастырь добровольнымъ изгнанникомъ, вмѣстѣ съ Анною..

Министромъ же духовныхъ дѣлъ оказался не Иисусъ Христось, а графъ Аракчеевъ. Всѣ доклады по дѣламъ Св. Синода представлялись государю черезъ него. Сразу ввелъ онъ порядокъ военной въ духовномъ вѣдомствѣ: святые отцы при немъ пикнуть не смѣли, стали тише воды, ниже травы. И пожалѣли о Голицынѣ.

Въ Андреевскомъ соборѣ села Грузина появился въ тѣ дни новый образъ — Спаситель, держащій на десницѣ Евангеліе; образъ покрытъ былъ литою серебряною ризою; ежели открыть стеклянную раму, то можно увидѣть, что одинъ изъ серебряныхъ листовъ Евангелія на едва замѣтномъ шарнирѣ отгибается, и подъ этимъ листомъ—другой образокъ: Аракчеевъ—въ парадномъ генеральскомъ мундирѣ, со всѣми орденами, сидящій на облакахъ, какъ бы грядущій со славою судить живыхъ и мертвыхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Государь похожъ на того спартанскаго мальчика, который, спрятавъ подъ плащомъ лисицу, сидѣлъ въ школѣ и, когда звѣрь грызъ ему внутренности, терпѣлъ и молчалъ, пока не умеръ».

Такъ думалъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, когда въ бесѣдахъ съ нимъ государь бывалъ откровененъ и, казалось, вотъ-вотъ заговорить о главномъ, единственномъ, для чего, можетъ-быть, и начиналъ разговоръ, — о лисицѣ, грызущей ему внутренности — о Тайномъ Обществѣ; но вдругъ умолкалъ, и собесѣдникъ чувствовалъ, что если бы онъ заговорилъ о томъ первый, — это ему никогда не простилось бы, и тридцатилѣтней дружбѣ наступилъ бы конецъ.

— Ты на меня не сердисься, Голицынъ?

— За что же, ваше величество? Сами знать изволите, я ужъ давно собирался въ отставку...

— Правда, не сердисься? Ни капельки, ни чуточки? — допытывался государь съ той милой улыбкой, за которую нѣкогда Сперанскій назвалъ его «сущимъ прельстителемъ».

— Ну, право же, ни чуточки! — невольно улыбнулся и Голицынъ.

Если въ тайнѣ сердца былъ обиженъ, то не отставкой, не анаемой Фотія и даже не тѣмъ, что предали его, тридцатилѣтняго друга, негодяю Аракчеву, а тѣмъ, что лукавятъ съ нимъ и не вѣрятъ ему.

— Богъ лучше нашего знаетъ, что для насъ нужно; предадимся же волѣ Его и будемъ надѣяться, что все къ

лучшему, — произнесъ Голицынъ тѣмъ пустымъ голосомъ, которымъ подобныя изреченія всегда произносятся.

— Да, все къ лучшему, все къ лучшему, — согласился государь съ такою безнадежностью, что Голицынъ, уже забывъ обиду, взглянулъ на него, какъ добрая няня на больного ребенка. — Что ты на меня такъ смотришь? Что думаешь?

— Позвольте быть откровеннымъ, ваше величество?

— Прошу тебя.

— Думаю, какъ многіе, должно-быть, глядя на ваше величество, думаютъ: не стоитъ ли онъ на высотѣ могущества? Спаситель Россіи, освободитель Европы, Агамемнонъ между царями:—

Александръ, о ангель мпра!
Щедрыи даръ благихъ небесъ,
Щитъ царей — твоя порфира
Мечъ — орудіе чудесъ, —

какъ пѣли мы нѣкогда, встрѣчая Благословеннаго. Чего же ему еще надобно? Что съ нимъ? О чемъ онъ груститъ?..

Бесѣда эта происходила въ министерскомъ домѣ, на Фонтанкѣ, противъ Михайловскаго замка, въ маленькой комнаткѣ, рядомъ съ домовою церковью Духа Св. Единственное окно закладено было наглухо, такъ что ни одинъ лучъ дневной не проникалъ сюда и ни одинъ звукъ, кромѣ церковнаго пѣнія; а когда службы не было, — тишина могильная. Надъ плащаницею, передъ большимъ деревяннымъ крестомъ, вмѣсто лампы, висѣло огромное сердце изъ темно-краснаго стекла, съ огнемъ внутри, какъ бы истекающее кровью.

— Я и самъ не знаю, что это, — продолжалъ государь послѣ молчанія. — Когда астрономіи учила насъ Бабушка, то давала смотрѣть на солнце сквозь стекло закопченное. Такъ вотъ и теперь какъ сквозь темное стекло гляжу на все *tout a une teinte lugubre autour de moi*, — точно затменіе. Знаешь молитву: не отверже мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъыми отъ мене. Кажется, молитва моя не исполнилась: Онъ отвергъ меня...

— Не говорите такъ, ваше величество, не искушайте Господа!

Государь взглянулъ на Голицына: угодливая ласковость въ мягкихъ морщинахъ, какъ у доброй няни или старой сводни; не камень, на который можно опереться, а подушка, въ которую можно плакать, кричать отъ боли, — никто не услышитъ.

— Я не ропщу, Голицынъ, сохрани меня Боже! Мнѣ ли забыть о милостяхъ Его неизреченныхъ? «Ангеламъ своимъ заповѣсть о тебѣ», — помнишь, какъ мы загадали и намъ открылся этотъ псаломъ, когда Наполеонъ переступалъ черезъ Нѣманъ? Исполнилось пророчество: ангель понесли меня на рукахъ своихъ, и было мнѣ такъ спокойно среди страховъ и ужасовъ, какъ младенцу на рукахъ матери. Господь шель впереди насъ; Онъ побѣждалъ враговъ а не мы. И какія побѣды, отъ Москвы до Парижа! Кака слава, — не намъ, не намъ, а имени Твоему, Господи! Когда на площади Согласья служили мы молебень, очищая кровавое мѣсто, гдѣ казненъ Людовикъ XVI, и вмѣстѣ съ нами преклонила колѣни вся Европа, — я далъ обѣтъ довершити дѣло Божье: призвать всѣ народы къ повиновенію Евангелію; законъ божественный поставить выше всѣхъ законовъ человѣческихъ; сложить всѣ скипетры и вѣнцы къ ногамъ единого Царя царей и Господа господствующихъ, — вотъ чего я хотѣлъ, вотъ для чего заключилъ Священный Союзъ..

Говорилъ, спѣша и волнуясь; всталъ и ходилъ по комнатѣ. Несмотря на красный свѣтъ лампы, видно было какъ лицо его блѣдно. Потомъ опять сѣлъ и, упершись локтями въ колѣни, опустилъ голову на руки.

— Въ чемъ же вина моя? Ищу, вспоминаю, думаю: что я сдѣлалъ? что я сдѣлалъ? за что меня покинулъ Богъ?..

Голицынъ хотѣлъ что-то сказать, но почувствовалъ, что говорить не надо, нельзя утѣшать; только тихонько, взявъ руку его, поцѣловалъ ее и заплакалъ.

Оба — грѣшники, оба — мытари; но правда Божья была въ томъ, что грѣшникъ надъ грѣшникомъ, мытарь надъ мытаремъ сжалился.

— Спасибо, Голицынь! Я знаю, ты любишь меня, — проговорилъ государь сквозь слезы, цѣлуя склоненную лысую голову.

— Не я, не я одинъ, ваше величество: вся Россія, пятьдесятъ милліоновъ вѣрноподданныхъ вашихъ...

— Ну, вѣрноподданныхъ лучше оставимъ, — поморщился государь съ брезгливостью. — Чего стоитъ ихъ любовь, я знаю. Въ Москвѣ, во время коронаціи, толпа меня стѣснила такъ, что лошади негдѣ было ступить; люди кидались ей подъ ноги, цѣловали платье мое, сапоги, лошадь; крестились на меня, какъ на икону. «Берегитесь, — кричу, — чтобъ лошадь кого не зашибла!» А они: «Государь батюшка, красное солнышко, мы и тебя, и лошадь твою на плечахъ понесемъ, — намъ подъ тобою легко!» А въ двѣнадцатомъ году, въ Петербургѣ, въ день коронаціи, когда пришла вѣсть о пожарѣ Москвы, — съ минуты на минуту ждали бунта. Въ Казанскій соборъ къ обѣднѣ надо было ѣхать; и вотъ, какъ сейчасъ помню: всходили мы съ императрицами по ступенямъ собора между двумя стѣнами толпы, и такая тишина сдѣлалась, что слышенъ былъ только звукъ нашихъ шаговъ. Я не трусь, Голицынь, ты знаешь, — но страшно было тогда. Какіе взоры! Какія лица! Никогда не забуду... А потомъ, при первой же удачѣ, опять: «Государь батюшка, красное солнышко!» Но я уже зналъ, чего любовь ихъ стоитъ. Люди подлы, и народы иногда бываютъ такъ же подлы, какъ люди...

— Не будьте несправедливы, ваше величество: слава ваша — слава Россіи. Не встала ли она, какъ одинъ человекъ, въ годину бѣдствія?

— И медвѣдица на заднія лапы встаетъ, когда выгоняютъ ее изъ берлоги, — сказалъ государь, пожимая плечами опять съ тою же брезгливостью. — Ну, да что объ этомъ? Имъ подо мною легко, да мнѣ-то надъ ними тяжело — тяжело презирать свое отечество. Вѣришь ли, другъ, такія бываютъ минуты, что разбить бы голову объ стѣну!

Что-то промелькнуло въ глазахъ его, отъ чего опять показалось Голицыну, что вотъ-вотъ заговоритъ онъ о звѣрѣ,

грызущимъ ему внутренности; но промелькнуло — пропало и заговорилъ о другомъ.

— Помнишь, что я тебѣ сказалъ, когда подписывалъ актъ о престолонаслѣдїи?

— Помню, ваше величество.

— Ну, такъ понимаешь, къ чему веду?

Манифестъ объ отреченїи Константина Павловича отъ престола и о назначенїи Николая наслѣдникомъ подписанъ былъ осенью въ Царскомъ Селѣ. На запечатанномъ конвертѣ государь сдѣлалъ надпись: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до моего востребованїя, а въ случаѣ моей кончины открыть прежде всякаго другого дѣйствїя». Знали о томъ только три человѣка въ Россїи: писавшїй этотъ манифестъ, Голицынъ, Аракчеевъ и Филаретъ, архїепископъ московскїй. Тогда же произнесъ государь нѣсколько загадочныхъ словъ о своемъ собственномъ возможномъ отреченїи отъ престола. Голицынъ удивился, испугался и понялъ, что слова на конвертѣ: «до моего востребованїя», означаютъ это именно возможное отреченїе самого императора Александра Павловича.

— Понимаешь, къ чему веду? — повторилъ государь.

— Боюсь понять, ваше величество...

— Чего же бояться? Солдату за двадцать пять лѣтъ отставку даютъ. Пора и мнѣ. О душѣ подумать надо...

Голицынъ смотрѣлъ на него съ тѣмъ же испугомъ, какъ тогда, въ Царскомъ Селѣ: отреченїе отъ престола казалось ему сумасшествїемъ.

— Давно уже хотѣлъ я тебѣ сказать объ этомъ, — продолжалъ государь: — ты такъ хорошо написалъ тогда; попробуй, можетъ, и теперь удастся?

— Увольте, — пролепеталъ Голицынъ въ смятенїи. — Могу ли я? Подыметъ ли у меня рука на это? И кто повѣритъ? Кто согласится? Да если только, Боже сохрани, народъ узнаетъ о томъ, подумайте, ваше величество, какїя могутъ быть послѣдствїя...

— А вѣдь и вправду, пожалуй, — усмѣхнулся государь такъ, что морозъ пробѣжалъ по спинѣ у Голицына:

вспомнилась ему усмѣшка императора Павла, когда онъ сходилъ съ ума. — Не повѣрять, не согласятся, не отпустить живого... Какъ же быть, а? Мертвымъ притвориться, что ли? Или нищимъ странникомъ уйти, какъ тѣ, что по большимъ дорогамъ ходять, — сколько разъ я имъ завидовалъ? Или бѣжать, какъ юноша тотъ въ Геосиманскомъ саду, оставивъ покрывало воинамъ, бѣжалъ нагимъ? Такъ, что ли? Такъ, что ли? А?..

Говорилъ тихо, какъ будто про себя, забывъ о Голицынѣ; вдругъ взглянулъ на него и провелъ рукой по лицу.

— Ну, что? Испугался, думаешь, съ ума сошелъ? Полно, небось, пошутилъ; мертвымъ не прикинусь, голымъ не убѣгу... А объ отреченіи подумай. Да не сейчасъ, не сейчасъ, не бойся, можетъ, еще и не скоро. А все же подумай... И спасибо, что выслушалъ. Некому было сказать, а вотъ сказалъ, — и легче. Спасибо, другъ! Я тебѣ никогда не забуду.

Всталъ, обнялъ его и что-то шепнулъ ему на ухо. Голицынъ отперъ потайной шкапикъ въ подножьи креста, вынулъ золотой сосудецъ, наподобіе дароносицы, и платъ изъ алаго шелка, наподобіе антимиаса. Разложилъ его на плащаницѣ и поставилъ на него дароносицу.

Поцѣловались трижды съ тѣми словами, которыя произносятся въ алтарѣ священнослужители, приступая къ совершенію таинства.

— Христось посреди насъ.

— И есть, и будетъ.

Опустились на колѣни, сотворили земные поклоны и стали читать молитвы церковныя, а также иныя, сокровенныя. Читали и пѣли голосами неумѣльными, но привычными:

Ты путь мой, Господи, направишь,
Меня отъ гибели избавишь,
Спасешь созданіе свое, —

любимую молитву государя, стихи масонской пѣсни, начеранные на образкѣ, который носилъ онъ всегда на груди своей; пѣли странно-уныло и жалобно, точно старинный романсъ.

— Не отверже мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене!—воскликнулъ государь дрожащимъ голосомъ, и слезы потекли по лицу его, въ аломъ сіяны лампы, точно кровавыя.— Не отъими, не отъими!— вторялъ, стуча лбомъ объ полъ съ глухимъ рыданіемъ, въ которомъ что-то послышалось, отъ чего вдругъ опять морозъ пробѣжалъ по спинѣ у Голицына.

Голицынъ всталъ и благословилъ чашу со словами которыя возглашалъ іерей во время литургіи, при освященіи Даровъ:

— Пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое, за васъ ломимос.. И причастилъ государя; потомъ у него причастился. Если бы въ эту минуту увидѣлъ ихъ Фотій, то понялъ бы, что не даромъ изрекъ имъ анаемю.

Священникъ изъ города Балты, уроженецъ села Корытнаго, о. Феодосій Левицкій, представилъ государю сочиненіе о близости царствія Божьяго. Государь пожелалъ видѣть о. Феодоса. На фельдъегерской телѣжкѣ привезли его изъ Балты въ Петербургъ, прямо въ Зимній дворецъ. Онъ-то и научилъ государя этому сокровенному таинству внутренней церкви вселенской, обладающему большею силою, нежели евхаристія, во внѣшнихъ помѣстныхъ церквахъ совершаемая. И государь предпочиталъ, особенно теперь, послѣ анаемы Фотія, это сокровенное таинство—явному, церковному.

Причастившись, прочли молитву, которой научилъ ихъ тоже о. Феодосъ, о спасеніи всего рода человѣческаго, о исполненіи царства Божьяго на землѣ, какъ на небѣ, о соединеніи всѣхъ церквей во единой церкви вселенской.

— Спаси, Господи, міръ погибающій! — заключалось каждое изъ этихъ прошеній.

Поцѣловавшись трижды поцѣлуемъ пасхальнымъ: «Христосъ воскрес!»—«Воистину воскрес!»—заперли въ шкапикъ дароносицу съ антиминсомъ и вышли въ кабинетъ.

Холодный свѣтъ дневной ослѣплялъ послѣ алаго теплаго сумрака, какъ будто перешли они изъ того міра в

этотъ. И лица измѣнились: вмѣсто таинственныхъ братьевъ церкви невидимой опять—царь и царедворецъ.

Заговорили о дѣлахъ житейскихъ.

— А кстати, Голицынъ, просилъ я намедни Марью Антонову не принимать князя Валерьяна, племянника твоего. Не знаю, о чемъ они говорятъ съ Софьей, но бесѣды эти волнуютъ ее, а ей покой нуженъ. Скажи ему, извинись какъ-нибудь, чтобъ не обидѣлся.

— Помилуйте, ваше величество! Смѣетъ ли онъ?

— Нѣтъ, отчего же? Кажется, добрый малый и неглупый; а только съ этимъ нынѣшнимъ вольнымъ душкомъ, а?

— Охъ, ужъ не говорите, государь! Наградилъ меня Богъ племянничкомъ. Сущій карбонарь. Волосы дыбомъ встаютъ, какъ этихъ господъ послушаешь. Вы себѣ представить не можете, на что они способны. Въ Сибирь ихъ мало!

— Ну, полно, за что въ Сибирь? Жалѣть надо. Наши же дѣти, и съ насъ, отцовъ, за нихъ взыщется...

Опять промелькнуло что-то въ глазахъ его; опять показалось Голицыну, — вотъ-вотъ заговоритъ онъ о главномъ, единственномъ, для чего, можетъ-быть, и весь разговоръ этотъ началъ.

Но промелькнуло — пропало, и Голицынъ понялъ, что никогда ничего не скажетъ онъ, хотя бы страшный звѣрь загрызъ его до смерти, — будетъ терпѣть и молчать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ передалъ племяннику своему, князю Валерьяну волю государя о томъ, чтобы онъ пересталъ бывать у Нарышкиныхъ. Но Марья Антоновна, узнавъ объ этомъ, объявила, что не хочетъ лишать свою больную, можетъ-быть, умирающую дочь послѣдней радости, и просила князя бывать у нихъ попрежнему, обѣщая взять на себя передъ государемъ всю отвѣтственность. Съ женихомъ Софьи, графомъ Шуваловымъ, поспорилась и говорила, что если бы даже Софья выздоровѣла, то государь какъ себѣ хочетъ, а она ни за что не выдастъ дочь за этого «проходимца»: во враждѣ своей была столь же внезапна и неуправима, какъ въ любви.

Такъ рѣшила Марья Антоновна, такъ и сдѣлалось, князь Валерьянъ продолжалъ посѣщать Софью, стараясь только не встрѣчаться съ государемъ. Избѣгая этихъ встрѣчъ, уѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ проводилъ большую часть времени съ новымъ другомъ своимъ, княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ; изъ членовъ Тайнаго Общества сошелся съ нимъ ближе всѣхъ.

Двадцатилѣтній корнетъ, красавецъ — розы на щекахъ, легкіе пепельные, точно сѣдые, кудри, голубые глаза, всегда немного прищуренные съ улыбкою, — «красная дѣвица», говорили о немъ въ полку. Казалось бы, ему не заговорщикомъ быть, а въ пятнашки играть и бабочекъ ловить съ такими же дѣтьми, какъ онъ.

— Я отъ природы безпеченъ, вѣтренъ и лѣнивъ, — говорилъ самъ о себѣ:—никогда никакого не имѣлъ неудовольствія въ жизни; я слишкомъ счастливъ.

Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвеемъ косы,
И лѣнью — жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы,

— это о такихъ, какъ я, сказано.

Среди пламенныхъ споровъ о судьбахъ Россіи, о вольности, о «будущемъ усовершеніи человѣчества» молчалъ, усмѣхался, потомъ вдругъ вскакивалъ, хваталъ свой киверъ съ бѣлымъ султаномъ. — «Куда ты?» — «На Невскій». И гремѣлъ по тротуару саблею съ такимъ легкомысленнымъ видомъ, какъ будто, кромѣ гуляній да парадовъ, ничего для него не существуетъ. Или сладкими пирожками объѣдался въ кондитерской, какъ убѣжавшій съ урока школьникъ.

Но подъ этой дѣтскостью горѣлъ въ немъ тихій пламень чувства.

Мать любила такъ, что когда она умерла, едва выжилъ. «Матушка была для меня вторымъ Богомъ, — писалъ брату. — Я перенесъ все отъ слабости; я былъ слабъ—слабѣе, нежели самый слабый младенецъ». Она снилась ему часто, какъ будто звала къ себѣ, и онъ этотъ зовъ слышалъ: иногда вдругъ, въ самыя веселыя минуты, загруститъ, и уже иная пѣсня вспоминается:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца...

Послѣ матери больше всего на свѣтѣ любилъ музыку. — Всѣ слова лгутъ, одна только музыка никогда не обманываетъ.

И рѣчи о вольности для него были музыкой. Всякая ложь въ нихъ оскорбляла его, какъ фальшивая нота, оставляла смутный слѣдъ на душѣ, какъ дыханье на зеркалѣ.

— Вы стремитесь къ высокому, я тоже: будемъ друзьями! предложилъ онъ Голицыну чуть ли не на второй день знакомства.

Тотъ усмѣхнулся, но протянулъ ему руку. Съ тѣхъ поръ, когда находили на Голицына сомнѣнья въ себѣ, въ другихъ, въ общемъ дѣлѣ, — стоило вспомнить ему о миломъ Сашѣ, о тихомъ мальчикѣ, — и становилось легче, вѣрилось опять.

Друзья вели бесѣды безконечныя; начинали ихъ дома и продолжали на улицѣ или за городомъ, гдѣ-нибудь на островахъ.

На Крестовскомъ, по аллеѣ, усыпанной желтымъ пескомъ, съ бѣлыми, новою краскою пахнувшими тумбами, прохаживались чинно молоденькіе коллежскіе секретари съ тросточками и старые статскіе совѣтники съ женами и дочками въ соломенныхъ шляпкахъ и блондовыхъ чепчикахъ. Слушали роговую, церковному органу подобную, музыку съ великолѣпной дачи «Монъ-Плезиръ» на Аптекарскомъ островѣ и наслаждались «бальзамическимъ воздухомъ». Тутъ же на травѣ, подъ вечернее кваканье лягушекъ въ болотныхъ канавахъ и уныло-веселые звуки: «эхъ, мейнъ -либеръ Аугустинъ, Аугустинъ», нѣмецкіе мастеровые выплясывали гроссфатера. Пахло свѣжей травой, смолистыми елками изъ лѣсу и жареными сосисками, жженымъ цикоріемъ изъ «Новой Ресторациі», гдѣ пиликали скрипки, визжали цыганки и гвардейскіе офицеры, подвыпивъ, буянили. На Крестовскомъ островѣ царствовала вольность нравовъ, какъ въ золотомъ вѣкѣ Астреевомъ: даже курить можно было вездѣ, тогда какъ на петербургскихъ улицахъ забирала полиція курильщиковъ на съѣзжую. Гостинодворскіе купчики катались по Малой Невкѣ на яликахъ, заѣзжали на тони, варили уху, орали пѣсни и спорили объ игрѣ актера Яковлева въ Дмитріи Донскомъ. А старые купцы со своими купчихами, сидя на прибрежныхъ кочкахъ, поросшихъ мхомъ и брусникою, попивали чай съ блюдечекъ, за самоварами, такими же, какъ сами они, толстопузыми, мѣдно-красными на заходящемъ солнцѣ.

Въ сосновыхъ рощахъ сдавались въ наемъ избы чухонцевъ и строились рѣдкія дачки, карточные домики, гдѣ любители сельской природы могли утѣшаться колокольчиками стада и берестовымъ рожкомъ пастуха на туманныхъ зоряхъ: «совсѣмъ какъ въ Швейцаріи».

Здѣсь, въ «Новой Ресторациі», за шаткимъ столикомъ съ бутылкою пива или сантуринскаго, два друга вели бесѣды о такихъ предметахъ, что если бы кто и подслушалъ, — не

понялъ бы. Голицынъ разсказывалъ Одоевскому о своихъ парижскихъ бесѣдахъ съ Чаадаевымъ и подъ уныло-веселые звуки «Августинъ» шепталъ ему на ухо тѣ слова молитвы Господней, которымъ суждено было, какъ вѣрилъ Чаадаевъ, сдѣлаться осанной грядущей свободной Россіи: *Adveniat regnum tuum*, — такъ не по-русски о русской вольности звучали эти слова для самого учителя.

Больше всего занимала Одоевскаго мысль Чаадаева о томъ, что безъ Бога нѣтъ свободы, безъ церкви вселенской нѣтъ для Россіи спасенія.

— Да, это главное, главное! — повторялъ тихій мальчикъ, весь волнуясь и краснѣя отъ стыдливой радости: — это главнѣе всего! А вѣдь никто не пойметъ...

— А ты понялъ? — вдругъ спросилъ Голицынъ, взглянувъ на него съ тою внезапною усмѣшкою, которой немного побаивался Одоевскій; сходство съ Грибоѣдовымъ, тоже другомъ его, именно въ этой, всегда внезапной и какъ будто недоброй, усмѣшкѣ, давно замѣтилъ онъ въ Голицынѣ, и оно не нравилось ему, но почему-то никогда не говорилъ онъ объ этомъ сходствѣ, только смутно чувствовалъ въ немъ что-то жуткое. — А ты понялъ?

— Не знаю, можетъ-быть, и не понялъ, — покраснѣлъ Одоевскій и застыдилъ еще больше: — я насчетъ философіи плохъ, умомъ не понимаю многого, ну, да вѣдь не все же однимъ умомъ...

— Нѣтъ, Саша, тутъ и умомъ надо, тутъ одинъ волосокъ отдѣляетъ истину отъ лжи, вольность отъ рабства. Двѣ пропасти: сорвешься въ одну — не удержишься, до дна докатишься. Надо выбрать одно изъ двухъ. Ты выбралъ? Понялъ? А можетъ-быть, и понялъ, да не такъ?

— Не такъ, какъ кто?

— Какъ я, какъ мы съ Чаадаевымъ.

— А можетъ-быть, и вы не такъ?

— Ну, значить, мы самихъ себя не поняли...

— А ты что думаешь? Иногда и себя самого не поймешь.

Въ тотъ же день на Елагиномъ островѣ съ государемъ встрѣтились.

Онъ ѣхаль верхомъ одинъ — только дежурный флигель-адъютантъ слѣдовалъ издали — по лѣсной аллеѣ - простѣкѣ отъ новаго Елагинскаго дворца ко взморью. Остановились. Камеръ-юнкеръ снялъ шляпу, офицеръ отдалъ честь. Государь поклонился имъ съ той милостивой улыбкой, съ которой онъ одинъ умѣлъ кланяться, — для всѣхъ одинаковой и для каждаго особенной, единственной.

— Что ты? — спросилъ Голицынъ Одоевскаго, который смотрѣлъ вслѣдъ государю, съ лицомъ сіяющимъ отъ радости.

— Ничего... такъ... — какъ будто опомнился тотъ и опять покраснѣлъ, застыдился. — Самъ не знаю, что со мною дѣлается, когда вижу его... Какъ посмотрѣлъ-то на насъ, улыбнулся!

— Такъ любишь его?

Одоевскій молчалъ, все больше краснѣя

«Зачѣмъ же ты въ Тайномъ Обществѣ?» хотѣлъ было спросить Голицынъ, но тотъ самъ, безъ вопроса, отвѣтилъ.

— Если бы онъ только зналъ, чего мы хотимъ, то первый бы съ нами былъ...

— Какъ же съ нами? Противъ себя самого?

— Ну, да. Не пожалѣлъ бы и себя для блага отечества, отдалъ бы все за счастье, за вольность Россіи. Ежели царь — отецъ, то какъ можетъ онъ желать, чтобъ народъ, дѣти его, были рабами. Помнишь въ Писаніи: сыны суть свободны...

— Да вѣдь это не о царѣ, а о Богѣ.

— Все равно.

— Нѣтъ, не все равно...

Замолчали и посмотрѣли другъ на друга съ тѣмъ удивленіемъ, которое слишкомъ поспѣшной дружбѣ свойственно, какъ будто впервые другъ друга увидѣли.

— За что же мы его убить хотимъ? — вдругъ усмѣхнулся Голицынъ опять давешней жуткой усмѣшкой.

— Убить? — воскликнулъ Одоевскій. — Эхъ, душа моя, мало мы, что ли, вздору мслемъ, сами на себя время? Да если кто и вправду пойдетъ на убійство, то увидитъ лицо его, глаза, улыбку, — вотъ какъ давеча намъ улыбнулся, — и рука не подыметься, сердце откажетъ! Изверга такого нѣтъ,

чтобъ не полюбилъ его и не былъ бы радъ самъ за него умереть. Сказать не умѣю, а только знаешь, какъ простой народъ говорить: «государь батюшка, красное солнышко!» У кого этого нѣтъ, тотъ не русскій. А вѣдь мы русскіе; у насъ у всѣхъ это есть, да забыли, а вспомнимъ когда-нибудь.

— Кто любить арбузъ, а кто свиной хрящикъ; одинъ — царя, другой — вольность, — разсмѣялся Голицынъ: — нельзя же царя и вольность вмѣстѣ любить...

— Отчего нельзя?

— Ну, вотъ видишь, не даромъ я спрашивалъ давеча, такъ ли ты понялъ.

— Не то, не то...

— Нѣтъ, Саша, то самое.

Опять посмотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ и, какъ часто бываетъ въ дружбѣ, почувствовали, что любятъ, но не знаютъ другъ друга. Да ужъ полно, любятъ ли? Не поторопились ли дружбой.

Вернулись на Крестовскій, наняли лодку и выѣхали на взморье.

Была бѣлая ночь, свѣтло какъ днемъ, но краски все полиняли, выцвѣли; осталось только два цвѣта — бѣлый да черный, какъ на рисункѣ углемъ: бѣлая вода, бѣлое небо, пустое — одна лишь послѣдняя, прозрачная, съ востока на западъ тянувшаяся гряда перламутровыхъ тучекъ; и черная полоска земли, какъ будто раздавленная, расплющенная между двумя бѣлизнами — воды и воздуха; черная тоня, избушка на курьихъ ножкахъ; черные тростники на отмеляхъ, а дальше—все плоско-плоско, бѣло-бѣло, не отличить воды отъ воздуха. Тишина мертвая. Рыба всплеснетъ вблизи; вдали на баркѣ топоръ застучитъ; пироскафъ Берда, идущій въ Кронштадтъ, первый и единственный пароходъ въ Россіи, по водѣ, невидимый, зашлепаетъ колесами,—и тишина еще безпредѣльнѣе.

Бросили весла; лодка, какъ люлька, качаясь, баюкала. Разговоръ зашелъ о Грибоѣдовѣ.

— Когда графъ Завадовскій дрался съ Шереметевымъ изъ-за танцовщицы Истоминой, Грибоѣдовъ былъ секундантомъ,—

разсказываль Одоевскій: — безъ него и дуэли бы не было; оба шли на мировую, да Грибоѣдовъ опять ихъ стравиль. «Для чего, — говорить, — и самъ не знаю, чортъ меня дернулъ!» Шереметевъ упаль, раненый на-смерть, и заматался по снѣгу, а другой секундантъ, гусарь Каверинъ, пьяница, но добрый малый, подбѣжалъ къ нему, присѣлъ на корточки, хлопнулъ себя руками по ляжкамъ и закричалъ: «вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!» Когда Грибоѣдовъ объ этомъ разсказываль, то смѣялся, знаешь, какъ всегда онъ смѣется, точно сухія кости изъ мѣшка сыплются, а на самомъ лица нѣтъ. Тоска, говорить, на него нашла ужасная, мѣста себѣ не найдетъ: все передъ нимъ раненый по снѣгу мечется, и кровь на снѣгу...

Одоевскій умолкъ, какъ будто задумался. Потомъ вдругъ спросиль, глядя на Голицына въ упоръ:

— А что, князь, подумаль ты давеча, какъ о царѣ говорили, что подлецомъ могу я сдѣлаться, предателемъ?

— Нѣтъ, Саша, не за тебя я боюсь, а за насъ всѣхъ. Мечтатели мы, романтики...

— «Любители того, чѣмъ отъ самовара пахнетъ», это онъ же, Грибоѣдовъ, сказаль о романтикахъ, — разсмѣялся Одоевскій. — А вѣдь хорошо сказано?

— Да, хорошо. Отъ угара-то этого когда-нибудь насъ всѣхъ стошнить—вотъ чего я боюсь... Правда твоя, что много время лишняго, болтаемъ зря. Ну, вотъ, поболтаемъ помечтаемъ, а какъ до дѣла дойдетъ, — въ лужу и сядемъ. А можетъ, и то правда, что все еще любимъ царя, вѣримъ, что отъ Бога царь. «Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго»... съэтимъ и Крови Господней причащаемся, это и въ крови у насъ у всѣхъ. Куда уйдешь? Сами того не знаемъ, забыли, а какъ вспомнимъ, тутъ-то вотъ подлецами и окажемся, ослабѣемъ, перетрусимъ, какъ малыя дѣти, нюни распустимъ: «государь батюшка, красное солнышко!» — и въ ножки бухъ. Отъ всего отречемся, во всемъ покаемся, все предадимъ. Унизимъ великую мысль. И никогда, никогда это намъ не простится! Будемъ и мы по кровавому снѣгу метаться, прокричить и надъ нами чортъ отходную: «вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!»

— Охъ, страшно, какъ страшно ты это сказала, Валерьянъ! Сохрани, Боже, Матерь Пречистая! — проговорилъ Одоевскій и перекрестился набожно.

И опять замолчалъ, какъ будто задумался. Обоимъ хотѣлось еще что-то сказать, но тишина заглушала слова; только подъ кормою струйки звенѣли, звенѣла въ ушахъ тишина. Лодка качалась, какъ люлька, — баюкала. Одоевскій легъ на дно и, закинувъ руки за голову, смотрѣлъ въ небо.

— А знаешь, какой мнѣ наедни сонъ приснился удивительный, — вдругъ улыбнулся дѣтски-радостно: — сижу, будто зимою, рано, когда еще темно на дворѣ, въ деревнѣ у брата Володи, а онъ у окна, при лампѣ, книгу какую-то нѣмецкую читаетъ, философа Шеллинга, что ли. «Ну, говорю, будетъ глаза слѣпить, а скажи-ка лучше, въ Бога Шеллингъ твой вѣруеть?» — «Вѣруеть». — «И въ Матерь Божью?» — «И въ Нее, говоритъ, вѣруеть». — «А что же, говорю, такое, по-вашему, *Пречистой Матери Покровъ?*» Перелисталъ книгу, отыскалъ страницу, строку и пальцемъ указываетъ: «читай», говоритъ. Я и прочель: «Es herrscht eine allweise Güte über die Welt. Премудрая Благость надъ міромъ царствуетъ». — «Это, говоритъ, по-нѣмецки, а по-русски: *Пречистой Матери Покровъ*. Понялъ?» — «Понялъ». И свѣтло-свѣтло вдругъ сдѣлалось, будто отъ солнца, — отъ чашечекъ зеленыхъ съ ободками золотыми: дѣтми, бывало, молоко изъ нихъ пили, въ деревнѣ, у матушки на антресоляхъ съ полукруглыми окнами прямо въ рощу березовую, всегда я эти чашечки въ счастливыхъ снахъ вижу: золотыя, зеленыя, какъ солнце сквозь листь березовый. И свѣтло-свѣтло отъ нихъ, какъ отъ солнца. И будто уже не Володя, а какая-то музыка или матушкинъ голосъ шепчетъ мнѣ на ухо: «вѣрь, Саша, будетъ все, чего вы хотите, — и правда, и счастье, и вольность, — только вѣрь, что надъ вами, надо всѣми — *Пречистой Матери Покровъ*». Тутъ я и прснулся...

Послѣднія струйки подъ кормой отзвенѣли; послѣднія тучки въ небѣ растаяли — и пусто-пусто въ немъ, бѣло-бѣло, какъ будто и неба вовсе нѣтъ, ни земли, ни воды, ни воздуха, ничего нѣтъ — пустота, бѣлизна безпредѣльная. Только

тамъ, гдѣ Петербургъ, свѣтлѣетъ игла Петропавловской крѣпости, да чернѣютъ какія-то точки, какъ щепочки, что на отмель водой нанесло, водой унесетъ. Пустота, бѣлизна остеклѣвшая, какъ незакрытый глазъ покойника. И тихо-тихо, душно-душно, какъ подь смертнымъ саваномъ. Это ли Пречистой Матери Покровъ?

— Саша, а Саша! — позоваль Голицынъ, только бы услышать чей-нибудь голосъ.

Но тотъ не отвѣтилъ, — уснулъ. Можетъ-быть, опять снились ему золотыя, зеленыя чашечки и мама, и музыка.

А Голицыну страшно стало; хотѣлось крикнуть, какъ давеча, но голоса не было, а если бъ и крикнулъ, то, кажется, не онъ самъ, а изъ него — ночной, пустой, бѣлый чортъ: «вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!»

Вернувшись въ городъ, нашель у себя на квартирѣ посланнаго съ письмомъ отъ Марьи Антоновны: она писала ему, что Софьѣ худо, и просила его пріѣхать немедленно.

Онъ понялъ, что она умираетъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Что Софья умираетъ, государь зналъ; и что съ этою смерью порвется для него послѣдняя связь съ жизнью—тоже зналъ. Но, по обыкновенію, скрывалъ свое горе отъ всѣхъ. Никому не жаловался, не оставлялъ занятій, не измѣнялъ привычекъ. Жилъ, какъ всегда въ лѣтніе мѣсяцы, то на Каменномъ островѣ, то въ Царскомъ и Красномъ, гдѣ гостились большіе маневры, на которыхъ онъ долженъ былъ присутствовать. Но гдѣ бы ни былъ, два-три раза въ день фельдъегери привозили ему извѣстія о больной, и самъ онъ вѣздилъ къ ней почти каждый день.

Большую часть сидѣлъ у ея постели молча или читалъ, все равно что, — она почти не слушала, лежала безъ движенія, закинувъ голову, закрывъ глаза, вся вытянувшись и вытянувъ худыя руки, прозрачно-блѣдныя, съ голубыми жилками. Одѣяло сбрасывала (все казалось ея тяжелымъ, какъ это бываетъ передъ концомъ у чахоточныхъ), и лежала подъ одной простыней, такъ что отъ маленькихъ ножекъ до едва обозначенной дѣтски-дѣвичьей груди видно было все тѣло, облитое бѣлою тканью, какъ будто обнаженное, извашинос, тонкое, острое, стройное, стремительно-недвижное—стрѣла на тетивѣ, слишкомъ натянутой.

Иногда открывала глаза и смотрѣла на него подолгу, все такъ же молча; и тогда казалось ему, что онъ въ чемъ-то виноватъ передъ нею и что надо сказать, сдѣлать что-то, чтобы искупить вину, пока не поздно; казалось также, что она уходитъ отъ него въ недосыгаемую даль, погружается въ глубину бездонную, — и вдругъ исчезала боль, — уже

не страшно, не жалко, только завидно: хотѣлось туда же за нею.

Въ серединѣ іюня дни стояли жаркіе, съ грозowymi бѣлыми тучами, съ темно-яркою, влажною, точно мышьяковою зеленью травъ, съ душною, пахнущею мѣхомъ, болотною сыростью, съ тихимъ, соннымъ ворчаніемъ грома и бессоннымъ трепетаньемъ зарницъ по ночамъ.

Однажды, въ послѣполуденный часъ, когда онъ читалъ ей вслухъ Евангеліе, она открыла глаза, и по лицу ея онъ понялъ, что она хочетъ что-то сказать. Наклонился, поставилъ правое, лучше слышавшее ухо къ самымъ губамъ ея и она прошептала чуть слышнымъ шопотомъ, подобнымъ шелесту сухихъ ночныхъ былинокъ:

— Сѣнокосъ, папа?

— Да, какъ бы только не пропало сѣно — все дожди

— Хорошо теперь въ полѣ, — шептала она: — лечь въ траву, съ головой укрыться, уснуть. Хорошо, свѣжо. А здѣсь жарко, душно, нечѣмъ дышать... а по ночамъ Атька...

— Какая Атька?

— Обезьянка. Развѣ не помнишь?

— Ахъ, да, какъ же, помню...

Говорили, думая о другомъ, только бы сказать что-нибудь прервать молчаніе, слишкомъ тяжелое.

— А маменька тоже больна?

Маменькою называла она императрицу Елизавету Александровну, онъ къ этому привыкъ и самъ при ней называлъ ее такъ.

— Скажи ей, что снилось мнѣ намедни, будто вмѣстѣ живемъ гдѣ-то далеко, у моря, въ Крыму, что ли... — сказала Софья.

Онъ часто говорилъ съ ней о томъ, какъ, отрекшись отъ престола, выйдя *въ отставку*, купить Ореанду, свое любимое мѣстечко на Южномъ берегу, построить маленькій домикъ у самага моря, въ лѣсу, и тамъ будетъ жить съ нею и съ маменькой.

— Въ Крыму? — удивился онъ: — а вѣдь и маменька тоже снилось намедни, будто вмѣстѣ живемъ въ Ореандѣ.

Но Софья не удивилась.

— Да, вмѣстѣ скоро... — проговорила такъ тихо, что онъ не слышалъ.

Продолжалъ читать Евангеліе:

«Кто бо отъ васъ, хотяи столпъ создати, не прежде ли съдѣ разчтетъ имѣніе, аще имать, еже есть на совершеніе, да не когда положитъ основаніе и не возможетъ совершити, вси видящіе начнутъ ругатися ему, глаголюще: сей чловѣкъ начать здати и не може совершити».

Остановился, посмотрѣлъ на нее: лежала, закрывъ глаза, какъ будто спала.

Задумался, вспомнилъ давешній разговоръ свой съ Голицынымъ объ отреченіи отъ престола. Не о такихъ ли, какъ онъ, это сказано? Не началъ ли онъ строить башню, положилъ основаніе и не могъ совершить? Не вся ли жизнь его — развалина недостроеннаго зданія? Мечталъ о великихъ дѣлахъ — о Священномъ Союзѣ, о царствіи Божьемъ на землѣ, какъ на небѣ, а единственное малое, что могъ бы сдѣлать — дать счастье хоть одному чловѣку, вотъ ей, Софьѣ, — не сдѣлалъ. Зачѣмъ ее родилъ? Далъ ненужную муку, непонятную жизнь, непонятную смерть? Чѣмъ искупить? Что сказать, что сдѣлать, пока еще не поздно? Или ужъ поздно?

Софья открыла глаза, посмотрѣла на него молча, пристально, какъ смотрѣла всѣ эти дни, и вдругъ показалось ему, что она о томъ же думаетъ, — все видитъ, все обличаетъ, — судить его, какъ равная равнаго.

— Не надо, папенька, милый, — опять зашептала, когда наклонился онъ къ ней: — не думай, не бойся. Все хорошо будетъ, все къ лучшему, ты же самъ всегда говоришь: все къ лучшему...

Въ недосыгаемо-далекой, чуждой улыбки была ясность и мудрость, какъ будто насмѣшка надъ нимъ: если бы надъ грѣшными людьми смѣялись ангелы, у нихъ была бы такая улыбка.

Что-то еще шептали, шелестѣли сухія губы, сухія ночныя былинки, — но онъ уже не слышалъ, хотя слушалъ съ уси-

ліємъ, нагнувъ свою лысую голову, вытянувъ шею, такъ что жилы вздулись на ней и выпучились блѣдно-голубые близорукіе глаза.

«Смѣшные глазки, совсѣмъ, какъ у теленочка!» вдругъ вспомнилось ей, какъ смѣялась она маленькой дѣвочкой, ласкаясь, шаля и цѣлуя эти блѣдно-голубые глаза съ бѣлокурыми рѣсницами; вспомнилась также подслушанная въ разговорѣ старшихъ давнишняя шутка Сперанскаго, который однажды въ письмѣ къ пріятелю, перехваченномъ тайной полиціей, назвалъ государя «бѣлымъ тленкомъ»: «нашъ Вобанъ — нашъ Вобланъ». Вобанъ — знаменитый французскій инженеръ, строитель крѣпостей (государь въ то время осматривалъ крѣпости); а Вобланъ, по-французски: veau blanc, бѣлый теленокъ. Государь за эту шутку такъ разгнѣвался, что въ первую минуту хотѣлъ разстрѣлять Сперанскаго. Софья не поняла тогда, за что: «ну, да, бѣлобрысенькій, лысенькій, розовенькій весь, прехорошенькій тленочекъ. Что же тутъ обиднаго?» Ей казалось иногда, что отъ него и пахнетъ молочнымъ тленочкомъ. Видѣла разъ въ церкви Покровской, на падугѣ свода, херувима золотого, шестикрылаго, съ ликомъ Тельца; онъ былъ похожъ на папеньку: такое же въ обоихъ — кроткое, тихое, тяжкое, подъяремное.

Все это промелькнуло теперь въ улыbkѣ ея, полной нездѣшной ясностью, нездѣшной мудростью, когда шептала она дѣтскую ласку предсмертнымъ шопотомъ:

— Тленочекъ бѣленькій!

Словъ не разслышалъ онъ, но понялъ, и сердце заняло отъ жалости; чтобъ не заплакать, вышелъ изъ комнаты.

На площадкѣ лѣстницы увидѣлъ Дмитрія Львовича Нарышкина. Часто стоялъ онъ такъ, въ темномъ углу, у двери, не смѣя войти, прислушиваясь, и тихонько плакалъ. Обманутый мужъ, надъ которымъ всѣ смѣялись, любилъ чужое дитя, какъ свое.

Увидѣвъ государя, сдѣлалъ лицо спокойное.

— Ну, что? Какъ?—спросилъ шопотомъ, но не выдержалъ, высунулъ языкъ и всхлипнулъ дѣтски-безпомощно.

Государь обнялъ его, и оба заплакали.

Два дня не прїѣзжалъ онъ къ Софѣ: много было неотложныхъ дѣлъ. 18-го іюня назначены маневры. Наканунѣ весь день провель на дачѣ Нарышкиныхъ. Прїѣхавъ, узналъ, что больная причащалась; испугался, подумалъ, что конецъ. Но нѣтъ, все попрежнему; только очень слаба; почти не говорила, не открывала глазъ, лежала въ забытїи. Когда наклонялся онъ къ ней, спрашивала:

— Ты здѣсь? Не уѣхалъ? Не уѣзжай, не простившись. Если буду спать, разбуди...

Видно было, что ей страшно чего-то; и ему сдѣлалось страшно. Каждый разъ, уходя, думалъ: что, если прїѣдетъ завтра и не застанеть ея въ живыхъ? Сегодня страшнѣе, чѣмъ когда-либо. Ужъ не остаться ли? Не отложить ли маневровъ и всѣхъ прочихъ дѣлъ? Остаться совсѣмъ, подождать конца, — вѣдь ужъ недолго?

Но стыдъ, который столько разъ въ жизни дѣлалъ его, любящаго, страдающаго, наружно безчувственнымъ, — нашетъ на него и теперь: неодолимый стыдъ, отвращеніе, нежеланіе выставлять горе свое на показъ людямъ; чувство почти животное, которое заставляетъ больного звѣря уходить въ берлогу, чтобы никто не видѣлъ, какъ онъ умираетъ. И чѣмъ сильнѣе боль, тѣмъ стыдъ неодолимѣе.

Рѣшилъ уѣхать и вернуться завтра, точасъ потслѣ маневровъ; утѣшалъ себя тѣмъ, что такіе же припадки слабости бывали у нея и раньше, но проходили: дастъ Богъ, и этотъ пройдетъ.

Только что рѣшилъ, больная затревожилась, зашевелилась, проснулась, подозвала его взглядомъ, спросила:

— Какой часъ?

— Девятый.

— Поздно. Поѣзжай скорѣе. Вставать рано, — устанешь. Чѣтъ, погоди. Что я хотѣла? Все забываю... Да, вотъ что.

Онъ приподнялъ голову ея и положилъ къ себѣ на плечо, чтобы ей легче было говорить ему на ухо.

— Вы князя Валерьяна очень не любите? — заговорила ю-французски, какъ всегда о важныхъ дѣлахъ.

— Нѣтъ, отчего же? За что мнѣ его не любить?.. — началъ онъ и не кончилъ; по тому, какъ спрашивала, почувствовалъ, что нельзя лгать.

— Я его мало знаю, — прибавилъ, помолчавъ: — но, кажется, не я его, а онъ меня не любитъ...

— Неправда! Если меня, то и васъ любить, будетъ любить, — проговорила, глядя ему въ глаза тѣмъ взглядомъ, который, казалось ему, видѣлъ въ немъ все и все обличалъ.

— А ты что о немъ вспомнила?

— Хотѣла просить: позовите его, поговорите съ нимъ.

— Сейчасъ?

— Нѣтъ, потомъ...

Онъ понялъ, что «потомъ» значить: «когда умру».

— Сдѣлайте это для меня, общайтесь, что сдѣлаете.

— О чемъ же намъ съ нимъ говорить?

— Спросите, узнайте все, что онъ думаетъ, чего хочетъ... чего *они* хотятъ для блага Россіи... Вѣдь и вы того же хотите?

— Кто они?

— Ты знаешь, — кончила по-русски: — не спрашивай, а если не хочешь, не надо, прости...

Да, онъ зналъ, кто *они*. Какая низость! Возстановлять дочь противъ отца, ребенка больного, умирающаго дѣлать орудіемъ злодѣйскихъ замысловъ. Вотъ каковы они всѣ! Ни стыда, ни совѣсти. Травятъ его, какъ псы добычу, окружаютъ, настигаютъ даже здѣсь, въ послѣдней любви, въ послѣднемъ убѣжищѣ.

А она все еще смотрѣла ему въ глаза тѣмъ же свѣтлымъ, всевидящимъ взоромъ; и вдругъ почувствовалъ онъ, что наступила минута что-то сказать, сдѣлать, чтобъ искупить вину свою, — теперь, сейчасъ или уже никогда — поздно будетъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ, блѣднѣя: — поговорю съ нимъ и все, что могу, сдѣлаю.

Радость блеснула въ глазахъ ея, живая, земная, здѣшняя, какъ будто изъ недосягаемой дали, куда уходила, она вернулась къ нему на одно мгновеніе.

— Обѣщаешь?

— Даю тебѣ слово.

— Спасибо! Ну, теперь все, кажется, все. Ступай...

Въ изнеможеніи опустилась на подушки, вздохнула чуть слышнымъ вздохомъ:

— Перекрести.

— Господь съ тобою, дружокъ, спи съ Богомъ! — поцѣловаль онъ ее въ закрытые глаза и почувствовалъ, какъ подъ губами его рѣсницы ея слабо шевелятся — два крыла засыпающей бабочки.

Подождалъ, посмотрѣлъ, — дышитъ ровно, спитъ, — пошелъ къ двери, остановился на порогѣ, оглянулся: почувдилось, что она зоветъ. Но не звала, а только смотрѣла ему вслѣдъ молча, широко раскрытыми глазами, полными ужаса; и ужасомъ дрогнуло сердце его. Не остаться ли?

Вернулся.

— Еще разъ... обними... вотъ такъ! — прильнула губами къ губамъ его, какъ будто хотѣла въ этомъ поцѣлуѣ отдать ему душу свою.

— Ну, ступай, ступай! — оторвалась, оттолкнула его. — Не надо, полно, не бойся... скоро вмѣстѣ, скоро...

Не договорила или не разслышаль онъ, только часто потомъ вспоминалъ эти слова и угадываль ихъ недосказанный смыслъ.

Выйдя изъ комнаты, велѣлъ Дмитрію Львовичу, если что случится ночью, послать за нимъ фельдъегеря. Сѣлъ въ коляску, давно у крыльца ожидавшую, и уѣхаль въ Красное.

На слѣдующее утро прснулся поздно. Посмотрѣлъ на часы: половина восьмого, а маневры въ девять. Позвонилъ камердинера, спросилъ, не было ли за ночь фельдъегеря. Не было. Успокоился. Напился чаю въ постели. Торопливо умылся, одѣлся, вышелъ въ уборную, гдѣ ожидали бывший начальникъ главнаго штаба, многолѣтній другъ и спутникъ его во всѣхъ путешествіяхъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, старшій лейбъ-медикъ, баронетъ Яковъ Васильевичъ Вилліе, родомъ шотландецъ, и лейбъ-хирургъ Дмитрій Клементьевичъ Тарасовъ, который приступилъ къ обычной перевязкѣ больной ноги государевой.

Вглядываясь украдкою въ лица, государь тотчасъ догадался, что отъ него скрываютъ что-то.

— Quomodo valet? — заговорилъ онъ съ Тарасовымъ полатыни, шутливо, какъ всегда это дѣлалъ во время перевязки.

— Bene valeo, autogrator, — отвѣтилъ тотъ.

— А на дворѣ, кажется, вѣтрено? — продолжалъ государь съ тою же притворною безпечною, переводя взоръ съ лица на лицо, все тревожище, все торопливище.

— Къ дождику, ваше величество!

— Дай Богъ. Посвѣжѣетъ—людямъ легче будетъ.

И, быстро обернувшись къ Волконскому, который стоялъ у двери, опустивъ голову, потушивъ глаза, спросилъ его тѣмъ же спокойнымъ голосомъ:

— Какія новости, Петръ Михайловичъ?

Тотъ ничего не отвѣтилъ и еще ниже опустилъ голову.

Вилліе странно-внезапно и неуклюже засуетился, подошелъ къ государю, осмотрѣлъ ногу его и сказалъ по-англійски:

— Прекрасно, прекрасно! Скоро совсѣмъ здоровы будете, ваше величество!

— До свадьбы заживетъ? — усмѣхнулся государь, вдругъ поблѣднѣлъ и, все больше блѣднѣя, посмотрѣлъ на Вилліе въ упоръ.

— Что такое? Что такое? Да говорите же...

Но и Вилліе также не отвѣтилъ, какъ Волконскій. Въ это время Тарасовъ надѣвалъ осторожно ботфортъ на большую забинтованную ногу государя. Государь оттолкнулъ его, самъ натянулъ сапогъ, вскочилъ, схватилъ Вилліе за руку и тихо вскрикнулъ:

— Фельдъегерь?

— Точно такъ, ваше величество, только что прибылъ...

И съ рѣшительнымъ видомъ, съ какимъ во время операціи вонзалъ ножъ, подтвердилъ то, что уже прозвучало въ безмолвіи:

— Все кончено: ея не существуетъ.

Государь закрылъ лицо руками. Тарасовъ перекрестился. Волконскій, отвернувшись въ уголь, всхлипываль.

— Ступайте,—проговорилъ государь, не открывая лица.

Всѣ вышли. Думали, маневры отмѣнять. Но черезъ четверть часа послышался звонокъ изъ уборной. Туда и назадъ и опять туда пробѣжалъ камердинеръ Мельниковъ, неся государеву шпагу, перчатки и высокую треугольную шляпу съ бѣлымъ султаномъ.

Минуту спустя, государь вышелъ въ пріемную, гдѣ ожидали всѣ штабные генералы, начальники дивизій, баталіонные командиры, чтобы сопровождать его на военное поле. Вступивъ съ ними въ бесѣду, онъ предлагаль вопросы и поясняль отвѣты съ обычною любезностью.

«Я наблюдалъ лицо его внимательно,—вспоминаль впоследствии Тарасовъ,—и, къ моему удивленію, не увидѣль въ немъ не единой черты, обличающей внутреннее положеніе растерзанной души его: онъ до того сохраняль присутствіе духа, что, кромѣ насъ троихъ, бывшихъ въ уборной, никто ничего не замѣтилъ».

Въ двѣнадцатомъ году въ Вильнѣ, когда государь танцеваль на балу, уже зная, что Наполеонъ переступилъ черезъ Нѣманъ, было у него такое же лицо; совершенно спокойное, неподвижное, непроницаемое, напоминавшее маску или Торвальдсеновъ мраморъ, ту холодную бѣлую куклу, которую маленькая Софья когда-то согрѣвала поцѣлуями.

На часахъ било девять, когда онъ сошелъ съ крыльца и сѣлъ на лошадь.

Начались маневры. Обычнымъ бравымъ голосомъ, отъ котораго солдатамъ становилось весело, выкрикиваль команду: «товсь!» («къ стрѣльбѣ изготовься!»); съ обычнымъ вниманіемъ замѣчалъ всѣ фронтова оплошности: качку въ тѣлѣ, шевеленіе подъ ружьемъ, неравенство въ плечахъ, и версты за двѣ, въ подзорную трубку,—султаны не довольно прямые; у одного штабъ-офицера — уздечку недостающую, у другого — оголовіе на лошади неформенное. Но вообще осталъ доволенъ и милостиво всѣхъ благодариль.

Когда маневры кончились, вернулся во дворецъ, отказался отъ полдника, переодѣлся наскоро, сѣлъ въ коляску, запряженную четверней по-загородному, и поскакалъ на дачу Нарышкиныхъ.

Кучеръ Илья, все время понукаемый, гналъ такъ, что одна лошадь пала на серединѣ дороги, и въ концѣ, при выѣздѣ на Петергофское шоссе, — другая.

Что произошло на дачѣ Нарышкиныхъ, государь не могъ потомъ вспомнить съ ясностью.

Темный свѣтъ, какъ во снѣ, и незнакомо-знакомыя лица, какъ призраки. Онъ узнавалъ среди нихъ то Марью Антонову, которая бросалась къ нему на шею съ театральнo-неестественнымъ воплемъ: «Alexandre!» и съ давнишнимъ запахомъ духовъ противно-приторныхъ; то Дмитрія Львовича, который хотѣлъ плакать и не могъ, только высовывалъ языкъ неистово; то старую няню Василису Прокофьевну, которая твердила все одинъ и тотъ же коротенькій рассказъ о кончинѣ Софьи: умерла такъ тихо, что никто не видѣлъ, не слышалъ; рано утромъ, чуть свѣтъ, подошла къ ней Прокофьевна, видитъ, — спитъ, и отойти хотѣла, да что-то жутко стало; наклонилась, позвала: «Софенька!» — за руку взяла, а рука какъ ледъ; побѣжала, закричала: «доктора!» Докторъ пришелъ, поглядѣлъ, пощупалъ: часа два, говорить, какъ скончалась.

Въ комнатѣ, обитой бѣлымъ атласомъ съ алыми гвоздичками, открыта дверь на балконъ. Пахнетъ послѣ дождя грозowymi цвѣтами, земляною сыростью и скошенными травами. Вдали, освѣщенные солнцемъ бѣлые, на черносиней тучѣ, паруса. Отъ вѣтра колеблется красное пламя дневныхъ свѣчей, и легкая прядь волосъ, изъ-подъ вѣнчика вьющихся, на лбу покойницы шевелится. Въ подвѣчномъ платьѣ, томъ самомъ, котораго не хотѣла примѣривать, лежала она въ гробу, вся тонкая, острая, стройная, стремительная, какъ стрѣла летящая.

Онъ прикоснулся губами къ холоднымъ губамъ, увидѣлъ на груди ея маленькій портретъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, изъ золотого медальона вынутый, — нельзя

ласть золота въ гробъ, — и глаза его встрѣтились съ глазами князя Валерьяна Михайловича Голицына, стоявшаго гроба съ другой стороны: Софья была между ними, какъ удто соединяла ихъ — любимаго съ возлюбленнымъ.

Но темный свѣтъ еще потемнѣлъ, дневные огни закружились зелено-красными пятнами, и захрапѣла, какъ на орогѣ давеча, уткнувшаяся въ пыль лошадиная морда въ кровавою пѣною на удмлахъ и съ глазами такими же роткими, какъ у императрицы Елизаветы Алексѣевны.

— Ничего, ничего, маленькій отливъ крови, сейчасъ ройдетъ, — услышала государь голосъ лейбъ-медика Ригана, одного изъ двухъ докторовъ, лѣчившихъ Софью; другой — лейбъ-медикъ Миллеръ — подавалъ ему рюмку въ водю, мутною отъ капель.

Зубы стучали о стекло, и съ виноватою улыбкою стался онъ поймать губами воду.

И опять ѣдетъ. Туда или оттуда? Впередъ или назадъ? Все, что было, не было ли сномъ? Опять равнина безконечная, ни холмика, ни кустика, только однообразныя кочки торяныхъ болотъ, да на самомъ краю неба, гдѣ тучи ровно, какъ ожницами, срѣзаны, — заря мѣдно-желтая. И, кажется, онъ идетъ такъ уже давно-давно и никогда никуда не пріѣдетъ.

— Тпру, тпру! — кричалъ Илья, натягивая вожжи. Кояска накренилась, едва не опрокинулась. Одна изъ двухъ ошадей, загнанныхъ давеча, лежала на дорогѣ. Живыя спугались мертвой, взвились на дыбы, шарахались, паялись. Каркая, поднялась стая вороновъ съ падали и потѣла, черная, къ желтой зарѣ.

Илья, соскочивъ съ козелъ, налаживалъ сбрую и выаскивалъ колесо изъ рытвины. Заглянулъ въ коляску: о государя не видно, не слышно. Спать?

Нѣтъ, не спать: откинулся въ темный уголь; лицо полѣднѣло, исказилось отъ ужаса, и широко раскрытыми глазами смотреть на дорогу, гдѣ нѣтъ никого.

Вернулся не въ Красное, а въ Царское. Не велѣлъ о своемъ пріѣздѣ докладывать, хотя зналъ, что государыня идетъ и тревожится, потому что онъ обѣщалъ пріѣхать.

Прошелъ къ себѣ въ спальню; вспомнивъ, что не ѣлъ съ утра, почувствовалъ тошноту отъ голода; велѣлъ подать чаю. Спать хотѣлось такъ, что едва стоялъ на ногахъ, и легъ не сразу, а написалъ два письма. Одно — къ императрицѣ (часто переписывался съ нею изъ комнаты въ комнату). Записочка въ одну строку, по-французски:

«Elle est morte. Je reçois le châtiment de tous mes égarements.—Она умерла. Я наказанъ за всѣ мои грѣхи».

Другое письмо къ Аракчееву:

«Не беспокойся обо мнѣ, любезный другъ, Алексѣй Андреевичъ. Воля Божья, — и я умѣю покоряться ей съ терпѣніемъ переношу мое сокрушеніе и прошу Бога чтобы Онъ подкрѣпилъ силы мои душевныя. Ожидаю удовольствія съ тобою видѣться завтра и надѣюсь, что поѣздки моя и предметы, коими въ оной заниматься буду, разсѣят нѣсколько печальныя мои мысли.

«Навѣкъ тебя искренно любящій Александръ».

Легъ. Уже засыпалъ — вдругъ, какъ отъ внезапнаго толчка, проснулся. Вспомнилъ о томъ, что видѣлъ на дорогѣ давеча, когда стоя вороновъ, наркая, летѣла, черная, и желтой зарѣ.

Старичокъ, похожій на тѣхъ нищихъ странниковъ, что ходятъ по большимъ дорогамъ, собираютъ на построениі церквей. Лысенькій, сѣденькій, съ голубыми глазками, — «бѣдненькіе глазки, совсѣмъ какъ у теленочка», — какъ него самого въ зеркалѣ. Онъ уже видѣлъ его разъ, вскорѣ послѣ смерти отца, когда казалось, что сходить съ ума не узналъ тогда, теперь знаетъ: это онъ самъ, государь отъ престола отречшійся и сдѣлавшійся нищимъ-странникомъ.

Видѣть себя — къ смерти. «Ну, что жъ, — подумалъ, — вѣдь смерть тоже отреченіе, и, можетъ-быть, лучшее. Все къ лучшему!» — усмѣхнулся съ неожиданной легкостью повернулся на привычный лѣвый бокъ, положилъ щеку на руку и тотчасъ же заснулъ.

На слѣдующій день отправился осматривать военныя поселенія вмѣстѣ съ Аракчеевымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Россійское воинство подвигами своими не токмо отечество, но и всю Европу спасло и удивило: да вкуситъ же сладкую награду», — сказано было въ манифестѣ объ окончаніи войны двѣнадцатаго года; этою сладкою наградою были военныя поселенія.

Мечты о грядущемъ Іерусалимѣ, о бюократическомъ правленіи, о царствѣ Божіемъ на землѣ, какъ на небѣ, привели къ Священному Союзу въ Европѣ и къ военнымъ поселеніямъ въ Россіи.

«Государь иногда дѣлаеть зло, но всегда желаетъ добра», казалъ о немъ кто-то. И, учреждая поселенія, желалъ онъ добра. Если ошибался, то не онъ одинъ. Сперанскій сочинилъ книгу: «О выгодахъ и пользахъ военныхъ поселеній»; Камазинъ полагалъ, что «оныя суть одно изъ важнѣйшихъ учрежденій нынѣшняго славнаго для Россіи царствованія»; генераль Чернышевъ писалъ Аракчееву: «всѣ торжественно говорятъ, что совершенства поселеній превосходятъ всякое изображение. Иностранцы не опомнятся отъ зрѣлища для нихъ столь невиданнаго».

И государь этому вѣрилъ. Когда же доносился до него плачь народа: «защити, государь, крещеный народъ отъ Аракчеева!» — недоумѣвалъ и рѣшалъ дѣлать до конца добро людямъ, не ожидая отъ нихъ благодарности. «Мы, государи, знаемъ, — говорилъ, — что такъ же рѣдка на вѣтѣ благодарность, какъ бѣлый воронъ».

Выѣхавъ изъ Царскаго, провелъ девять дней въ осмотрѣ поселеній, расположенныхъ по берегамъ Волхова.

Но въ первые дни путешествія поглощенъ былъ горем и старался только оглушить себя быстрымъ движеніемъ что оно успокаиваетъ, зналъ по давнему опыту.

Отраднa была ему также близость къ Аракчееву. Какъ всегда въ горѣ, искалъ у него помощи, жался къ нему точно испуганное дитя къ матери.

Бдучи съ нимъ въ одной коляскѣ, управлялъ на нем шинель: только что повѣтъ холодкомъ или сыростык укутывалъ его, застегивалъ; отъ комаровъ и мошекъ обмахивалъ вѣткою.

На девятый день утромъ переѣхали на поромѣ через Волховъ. Отсюда начиналась Грузинская вотчина. Мужики крѣпостные Аракчеева, поднесли государю хлѣбъ-соль.

— Здравствуйте, мужички!

— Здравія желаемъ, ваше величество! — крикнули т по-военному, становясь во фронтъ.

— Нигдѣ я не видывалъ такихъ здоровыхъ лицъ и тако военной выправки, — замѣтилъ государь по-французск спутникамъ. «Чудесныя красоты поселеній» начинали н него оказывать свое обычное дѣйствіе.

— По всему видно, что поселяне блаженствуютъ, — согласился генераль Дибичъ, новый начальникъ главнаг штаба.

Дорога шла высокою дамбою, обсаженною березами слѣва — плоская равнина, справа — мутный Волховъ. Ден пасмурный, тихій и теплый. Небо съ тѣсными рядами сѣ ренькихъ тучъ, какъ будто деревянное, изъ ветхихъ бревен сколоченное, подобно стѣнамъ новгородскихъ избъ. Вдали — бѣлыя башни Грузина. Шоссе великолѣпное: колеса по песк едва шуршали.

— А что, братъ, какова дорожка?

— Не дорога, а масло, ваше величество! Вездѣ бы такі дороги — и умирать не надо! — проговорилъ кучеръ Илья оборачиваясь къ государю и лукаво усмѣхаясь въ бороду зналъ, чѣмъ угодить; зналъ также, что по этой чудесно дорогѣ никто не смѣлъ ѣздить: чугунными воротами запи ралась она, отъ которыхъ ключи хранились у сторожа в

Грузинѣ; а рядомъ — боковая, общая, съ ухабами и грязью невылазной.

Продолжали осмотръ поселеній Грузинской вотчины второй и третьей дивизіи гренадерскаго корпуса. Тутъ порядокъ еще совершеннѣе; такая правильность, тождественность, «единообразіе» во всемъ, что трудно отличить одно селеніе отъ другого.

Одинаковые розовые домики вытянулись ровно, какъ солдаты въ строю, на двѣ, на три версты, такъ что улица казалась безконечною; одинаковыя аллеи тощихъ березокъ, но мѣркѣ стриженныхъ; одинаковыя крылечки красныя, скамейки зеленые, тумбочки бѣлыя. Все чисто, гладко, глянцевиито, точно лакировано.

Правила точнѣйшія на все: о метелкахъ, коними подметаются улицы; о стеклахъ оконныхъ—«битыхъ отнюдь бы не было, понеже безобразіе дѣлають, а съ трещинкой дозволяется»; о свиньяхъ: «свиней не держать, потому что животныя сіи роютъ землю и, слѣдовательно, безпорядокъ дѣлають; если же кто просить будетъ позволенія держать свиней съ тѣмъ правиломъ, что оныя никогда не будутъ ходить по улицѣ, а будутъ всегда содержаться во дворѣ, таковыя выдавать билеты; а если у такого крестьянина свинья выйдетъ на улицу, то брать оную въ госпиталь и записать виновнаго въ штрафную книгу».

Всѣ работы земледѣльческія — тоже по правиламъ: мужики по ротамъ расписаны, острижены, обрты, одѣты въ мундиры; и въ мундирахъ, подъ звукъ барабана, выходятъ пахать; подъ команду капрала идутъ за сохою, вытянувшись, какъ будто маршируютъ; маршируютъ и на гумнахъ, гдѣ происходятъ каждый день военныя ученія.

«Обмундированіе дѣтей съ шестилѣтняго возраста, — доносилъ Аракчеевъ государю, — по распоряженію моему, началось въ одинъ день, въ шесть часовъ утра, при ротныхъ командирахъ, въ четырехъ мѣстахъ вдругъ; и продолжалось, такимъ образомъ, къ центру, изъ одной деревни въ другую, при чемъ ни малѣйшихъ непріятностей не было, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ, которыя плакали. Касательно же

обмундированныхъ дѣтей, то я на нихъ любовался: они стараются поскорѣе окончить работы, а, возвратясь домой, умывшись, вычистивъ и подтянувъ мундиры, немедленно гуляютъ кучами, изъ одной деревни въ другую, а когда съ кѣмъ повстрѣчаются, то становятся сами во фронтъ».

Такъ и теперь, завидѣвъ государя, маленькіе солдатки вытягивались во фронтъ и тоненькими голосками выкрикивали:

— Здравія желаемъ, ваше величество!

— Ангелочки! — умилялся Дибичъ.

На улицахъ тишина мертвая: кабаки закрыты, пѣсни запрещены; дозволялось пѣть лишь канты духовныя.

Внутри домовъ — такое же единообразіе во всемъ: одинаковое расположеніе комнатъ, одинаковая мебель, крашеная въ дикую краску; на окошкѣ за номеромъ четвертымъ — занавѣска бѣлая коленкоровая, задерживаемая на то время, пока дѣти женскаго пола одѣваются.

Здѣсь тоже правила на все: въ какіе часы открывать и закрывать форточки, мести комнаты, топить печки и готовить кушанье; какъ растить, кормить и обмывать младенца — 36 параграфовъ. Параграфъ 25-й: «когда мать разсердится, то отнюдь не должна давать грудей младенцу»; 36-й: «старшина во время хожденія по избамъ осматриваетъ колыбельки и рожки. Правила сіи должны быть хранимы у образной кюты, дабы всегда ихъ можно было видѣть».

Для совершенія браковъ выстраивались двѣ шеренги, одна — жениховъ, другая — невѣсть; опускались въ одну шапку билетки съ именами жениховъ, въ другую — невѣсть и вынимались по жребію, пара за парю. А если кто заупрямится, то резолюція: «согласить».

— У меня всякая баба должна каждый годъ рожать, — говорилъ Аракчеевъ: — если родится дочь, а не сынъ, — штрафъ, и если баба выкинетъ, тоже штрафъ, а въ какой годъ не родить, представъ 10 аршинъ холста.

Государь и спутники его восхищались всѣмъ.

— Ахъ, ваше сіятельство, избалуете вы мужичковъ! — всплеснулъ руками Дибичъ, увидѣвъ на печныхъ заслонкахъ

лугунныхъ амуровъ, вѣнчавшихъ себя розами и пускавшихъ пыльные пузыри.

Къ обѣду во всѣхъ домахъ подали такія жирныя щи и кашу такую румяную, что генераль-майоръ Угрюмовъ, вѣдавъ, объявилъ торжественно:

— Нектаръ и амброзія!

Когда же появился поросенокъ жареный, то всѣ убѣдились окончательно, что поселяне блаженствуютъ.

— Чего имъ еще надобно?

— Не житье, а масленица!

— Вѣкъ золотой!

— Царствіе Божіе!

Слезы навернулись на глазахъ у генерала Шкурина, а деревянное лицо Клейнмихеля такъ преобразилось, какъ будто созерцалъ онъ не деревню Собачьи-Горбы, а Іерусалимъ Небесный.

Осмотрѣли военный госпиталь. Здѣсь прекраснѣйшаго устройства ватеръ-клозеты изумили лейбъ-хирурга Таранова.

— Отхожія мѣста истинно царскія! — доложилъ онъ государю не совсѣмъ ловко.

— Иначе здѣсь и быть не можетъ, — замѣтилъ тотъ же безъ гордости и объяснилъ, что англійское изобрѣтеніе сіе введено въ Россіи впервые именно здѣсь, въ поселеніяхъ.

Аракчеевъ на минуту вышелъ. Въ это время одинъ изъ больныхъ потихоньку всталъ съ койки, подошелъ къ государю и упалъ ему въ ноги.

Это былъ молодой человѣкъ съ полоумными глазами и застывшимъ испугомъ въ лицѣ, какъ у маленькихъ дѣтей въ родимчикѣ; опущенныя вѣки и раздвоенный подбородокъ съ ямочкой придавали ему сходство съ Аракчеевымъ.

— Встань, — приказалъ государь, не терпѣвшій, чтобъ кланялись ему въ ноги. — Кто ты? О чемъ просишь?

— Капитонъ Алилуевъ, графа Аракчеева дворовый человѣкъ, живописецъ. Защити, спаси, помилуй, государь батюшка! — завопилъ онъ отчаяннымъ голосомъ; потомъ встать, боязливо оглянулся на дверь, въ которую вышелъ

Аракчеевъ, и залепеталъ что-то непонятное, подобное бреду, объ иконѣ Божіей Матери, въ подобіи великой блудницы, прескверной дѣвки, Настьки Минкиной, и о другой иконѣ самого графа Аракчеева; о бѣсахъ, которые ходять за нимъ, Капитономъ, мучаютъ его и не далѣе, какъ въ эту ночь, задеруть его до смерти; о тайныхъ злодѣйствахъ Аракчеева. «сатаны въ образѣ человѣческомъ», котораго, однако, называлъ онъ почему-то «папашенькой».

Государь замѣтилъ, что отъ него пахнетъ водкою; какъ достаютъ водку въ больницахъ, не полюбопытствовалъ. только поморщился. И всё немного сконфузились, какъ будто пробѣжала тѣнь по золотому вѣку Сабачьихъ-Горбовъ.

Вошелъ Аракчеевъ и, увидѣвъ Капитона Алилуева тоже какъ будто сконфузился, но сдѣлалъ знакъ, и больного схватили, потащили въ другую палату. Отбиваясь, кричалъ онъ дикимъ голосомъ:

— Черти! Черти! Черти васъ всёхъ задеруть! И тебя папашенька!

Государю объяснили, что это пьяница въ бѣлой горячкѣ. Онъ велѣлъ Тарасову осмотрѣть больного и оказать ему врачебную помощь.

Самъ изъ простаго званія, сынъ бѣднаго сельскаго священника, Дмитрій Клементьичъ Тарасовъ зналъ и любилъ простыхъ людей. Они тоже вѣрили ему, чувствовали, что онъ свой человѣкъ, и охотно отвѣчали на его вопросы.

Оставшись въ больницѣ, по отъѣздѣ государя, узнали онъ вещи удивительныя.

Капитонъ Алилуевъ, пріемышь и воспитанникъ грузинскаго протоіерея, о. Федора Малиновскаго, по слухамъ незаконный сынъ Аракчеева, взятъ былъ въ графскую дворню, обучался мастерству живописному, а также снимкѣ плановъ и черченію картъ у военнаго инженера Батенкова. Писалъ одновременно, по заказу Аракчеева, святыя иконы въ соборѣ и испростойныя картины въ одномъ изъ павильоновъ грузинскаго парка. Былъ набоженъ, съ дѣтства собирался въ монахи. Кощунственные образа считалъ грѣхомъ

смертнымъ. Совѣсть его замучила; началъ пить и допился до бѣлой горячки. Хотѣлъ утопиться; вытащили, высѣкли. Пуще запилъ и однажды въ изступленіи бросился на икону Божіей Матери, написанную имъ, Капитономъ, съ лицомъ Настасьи Минкиной, чтобы изрѣзать ее ножомъ; а когда схватили его, объявилъ, что и живую Настьку зарѣжетъ. «Высѣчь хорошенько и показать», велѣлъ Аракчеевъ. Это значило: показать спину, хорошо ли высѣченъ. Палачи сжалились, облили ему спину кровью зарѣзанной курицы, какъ это иногда дѣлали въ подобныхъ случаяхъ, и этимъ спасли его отъ смерти. Но все же полумертваго послѣ экзекуціи, отправили въ госпиталь.

Узналъ Тарасовъ кое-что и о военныхъ поселеніяхъ.

Больницы прекрасныя, а всюду въ деревняхъ — горячки повальные, цыга, кровавый поносъ, и люди мрутъ, какъ мухи; полы паркетныя, но больные не смѣютъ по нимъ ходить, чтобъ не запачкать, и прыгаютъ съ постели прямо въ окна; ученныя бабки, родильныя ванны, а беременную женщину высѣкли такъ, что она выкинула и скончалась подъ розгами; тридцать шесть правилъ для воспитанія дѣтей, а мать убила дитя свое: если, говорила, отнимаютъ дитя у матери, то пусть лучше вовсе не будетъ его на свѣтѣ.

Чистота въ домахъ изумительная, но чтобы приучить къ ней, истребляются воза шпицрутеновъ. Мужики метутъ аллеи, а въ полѣ рожь сыплется; стригутъ деревца по мѣркѣ, а сѣно гниетъ. Печныя заслонки съ амурами, а топить нечѣмъ. Къ обѣду поросенокъ жареный, а ѣсть нечего; одинъ шалунъ изъ флигель-адъютантовъ государевыхъ отрѣзалъ однажды поросенку ухо въ первой избѣ и приставилъ на то же мѣсто въ пятой: пока государь переходилъ изъ дома въ домъ по улицѣ, жаркое переносилось по задворкамъ. Кабаки закрыты, а посуду съ виномъ провозятъ въ хвостахъ лошадиныхъ. Всѣ пьютъ мертвую, а кто не пьетъ, — мѣшастся въ умѣ или руки на себя накладываетъ. Цѣлыя семейства уходятъ въ болота, *во мхи*, чтобы тамъ заморить себя голодомъ.

«Спаси, государь, крещеный народъ отъ Аракчеева!» готовъ былъ воскликнуть Тарасовъ, слушая эти рассказы. Любилъ царя, зналъ доброе сердце его и не понималъ, какъ можетъ онъ обманываться такъ. Или правъ Капитонъ, что тутъ наважденіе бѣсовское?

А государь въѣхалъ въ Грузино съ тѣмъ чувствомъ, которое всегда испытывалъ въ этихъ мѣстахъ: какъ будто усталый путникъ возвращался на родину; вотъ гдѣ все позабыть, отъ всего отдохнуть, успокоиться. «Я у тебя, какъ у Христа за пазухой!» говаривалъ хозяину.

Было и другое чувство еще болѣе сладостное: вспоминая, «рай земной» военныхъ поселеній, вкушалъ отраду единственную, которая оставалась ему въ жизни, — будучи самому несчастнымъ, дѣлать другихъ счастливыми.

Съ этой отрадой въ душѣ уснулъ такъ спокойно въ ту ночь, какъ уже давно не спалъ.

У Аракчеева бывали безсонницы: ляжетъ, потушитъ свѣчу, закроетъ глаза, но вмѣсто того, чтобы заснуть, начнетъ думать о смерти и почувствуетъ тоску, сердцебіеніе, расстройство нервовъ и совершенную безсонницу.

Такой припадокъ случился съ нимъ и въ эту ночь. Долго съ боку на бокъ ворочался; принялъ миндально-анисовыхъ капель съ пырейнымъ экстрактомъ, — не помогло. Всталъ, надѣлъ сѣрый длиннополый сюртукъ, въ родѣ шлафрока, который всегда носилъ въ Грузинѣ — щегольства не любилъ, и пошелъ бродить по комнатамъ.

Искалъ, чѣмъ бы заняться, чтобъ разсѣять скуку. Провѣрялъ висѣвшіе на стѣнахъ инвентари вещей въ каждой комнатѣ, съ предостерегающей надписью: «глазами гляди, а рукамъ воли не давай». Осматривалъ, все ли въ порядкѣ, разставлены ли вещи, какъ слѣдуетъ, не пропало ли что, нѣтъ ли гдѣ изьяна — паутины, грязи, пыли; мочилъ слюною платокъ, ложился на полъ, подлѣзалъ подъ мебель и пробовалъ, чисто ли выметенъ полъ, не потемнѣетъ ли платокъ отъ пыли. Но пыли не было. Кряхтя и охая, подымался опять на ноги и начиналъ бродить.

Уставаль, присаживался, перебираль лежавшіе на столахъ презенты и сувениры; нашель стихи поэта Олина къ портрету графа Аракчеева:

Какъ русскій Цинциннатъ, въ душѣ своей спокоешь,
Вѣнокъ гражданскій свой повѣсилъ онъ на плугъ.

Другъ Александра, правды другъ, .

Нелестный патріотъ, онъ вѣчныхъ бронзъ достоень.

Стихи не утѣшили. Просматриваль счетныя книги, въ которыя мельчайшимъ почеркомъ заносились домашніе расходы: когда сахарная голова куплена и на куски изрублена; сколько вышло бутылокъ вина, ложекъ постнаго масла въ тертую рѣдку людямъ на ужинъ, миткалю дворовымъ дѣвкамъ на косынки, пестряди кучерамъ на рубахи. Расходы непомѣрные: этакъ и разориться не долго! Лучше не думать, а то еще больше разстроишься.

Принялся читать *винныя книжки*, въ которыхъ вины и штрафы записаны: кому за какую вину сколько розогъ. Вспомнилъ у дежурнаго мальчика незавитые волосы; записаль и началъ воображаемый выговоръ воображаемому дворецкому: «предписываю тебѣ строгое за онымъ смотрѣніе имѣть, а то спина твоя долго заживать не будетъ...»

Начавъ говорить, не могъ остановиться: ровнымъ, гнусавымъ и тягучимъ голосомъ выматываль душу незримому слушателю:

— Люди должны дѣлать все, что нужно, а если дурно будутъ дѣлать, то на оное розги есть. Миѣ очень мудрено кажется, будто людей нельзя содержать такъ, чтобы все аккуратно дѣлали...

То хныкаль жалобно:

— Огорчилъ ты меня, старика, а всякое огорченіе меня убиваетъ и приближаетъ къ концу дней моихъ, къ чему и готовлюсь. Знаешь мой мнительный характеръ, что со мною нужно обходиться ласково...

То гнѣвно покрикиваль:

— Въ Сибирь не сошлю, а лучше самъ забью!

И повторяль много разъ тихимъ, замирающимъ, какъ будто ласковымъ, шопотомъ:

— Высѣчь хорошенечко! Высѣчь хорошенечко!

Опомнился, оглянулся, увидѣлъ, что никого нѣтъ, махнулъ рукою безнадежно и опять пошелъ бродить; не находилъ себѣ мѣста: такая скука, что хоть плачь; стоналъ и охалъ отъ скуки, какъ отъ боли. Не зайти ли къ Настенькѣ? Нѣтъ, не хочется. Кваску бы — въ горлѣ что-то смякло? Нѣтъ, и кваску не хочется. Ничего не хочется. Скука смертная, пустота зѣющая, которой ничѣмъ не наполнить. Съ ума сойти можно. Испугался, опять принялъ капель, опять не помогло.

Самъ не помнилъ, какъ очутился внизу, въ библиотекѣ; тутъ же арсеналь и застѣнокъ; кадки съ рассоломъ, въ которомъ мочнуть свѣжія розги. Попробовалъ на языкѣ одну, солоня ли, какъ слѣдуетъ.

Взглянулъ на корешки любимыхъ книгъ, на особую полку отставленныхъ, единственныхъ, которыя читалъ: «Молодой дикій или опасное стремленіе первыхъ страстей». — «Дикій человѣкъ, смѣющійся учености и нравамъ нынѣшняго свѣта». — «Нѣжныя обѣты въ бракѣ и потѣхи съ любовницами». — «Великопостный конфетъ». — «Путь къ безсмертному сожитію ангеловъ». — «Египетскій оракуль, или полный и новѣйшій гадательный способъ». — «Опытъ употребленія времени и самого себя».

Попробовалъ читать «Опытъ». Нѣтъ, скучно, да и темно. Заглянулъ въ рисунки шлагбаумовъ и будокъ; на минуту заняло; но сдѣлалось душно, запахло отъ книгъ мышами и сыростью, отъ моченыхъ розогъ—баннымъ вѣникомъ. Захотѣлось на свѣжій воздухъ: не полегчаетъ ли хоть тамъ?

Надѣлъ вязаный шарфъ и кожаняя калоши; носилъ ихъ даже въ сухую погоду: неровень часъ, дождикъ пойдетъ, ноги промочишь, простудишься, горячку схватишь, — много ли человѣку надо?

Проходя въ передней мимо зеркала, увидѣлъ нечаянно лицо свое, — испугался еще больше: худъ, блѣденъ, зелень — «шкелеть шкелетомъ». Отвернулся и плюнулъ съ досадою.

Вышелъ въ садъ. Бѣлая, жаркая, душная ночь. Тишина — только комары жужжать да лягушки квакаютъ.

Сѣрая, въ сѣромъ свѣтѣ, зелень, какъ пепель. Туманъ, какъ банный парь. Березовымъ вѣшикомъ пахнетъ и здѣсь, какъ моченою розгою. Дышать нечѣмъ. И нельзя понять, есть ли тучи на небѣ, — такое оно ровное, бѣлое, пустое: кажется, и тамъ, въ небѣ, какъ въ немъ, пустота зіяющая, скука бездонная.

Осматриваль дорожки, чисто ли выметены. Чистоты въ саду требоваль такой же, какъ въ комнатахъ: кто бы ни прошелъ по аллеѣ, — дежурный садовникъ заметаль слѣдъ метлою.

Множество памятниковъ, надгробныхъ плитъ: «Милой Діанкѣ», «Вѣрному Жучку», «Сынъ въ память родителямъ». Похоже на кладбище, и самъ онъ, какъ могильный выходецъ: можетъ-быть умеръ давно, встаетъ изъ гроба, ходитъ по кладбищу и будетъ ходить такъ до скончанія вѣка.

Вернулся къ дому. На крыльцѣ у бокового флигеля кто-то сидѣль. Мѣсто глухое; тутъ и днемъ рѣдко ходять: слѣва — дремучіе кусты акаціи, справа — стѣна нежилого флигеля. Кто это? Сѣрый, страшный, похожій на призракъ. Капитонъ Алилуевъ, сумасшедшій. Въ сѣромъ больничномъ халатѣ и бѣломъ колпакѣ, сидитъ на завалинкѣ, высматриваетъ, какъ будто ждетъ кого-то. Ужъ не его ли? «Зарѣжетъ», подумаль Аракчеевъ и хотѣль шмыгнуть въ кусты, но было поздно: тотъ увидѣль его и закиваль головою, поманиль пальцемъ. Безъ голоса, только по движенію губъ, видно было, шепчетъ:

— Папашенька! Папашенька!

И тихо смѣется.

За угломъ флигеля парадное крыльцо; тамъ часовые подъ окнами спальни государевой. Закричать бы, да голоса нѣтъ; побѣжать бы, да ноги не слушаютъ. А тотъ все манитъ да манитъ, какъ будто знаетъ, что онъ отъ него не уйдетъ. И вдругъ потянуло къ нему Аракчеева. Подошелъ, опустился рядомъ на завалинку. Капитонъ молча глядѣль на него, смѣялся, киваль головою, — и на бѣломъ колпакѣ качалась кисточка.

— Что ты, что ты здѣсь, Капитоша, дѣлаешь, а? — произнесъ Аракчеевъ осторожно, хитро и ласково.

— Государя жду, — подмигнулъ ему сумасшедшій съ такимъ лукавствомъ, что видно было, перехитрить его не такъ-то легко.

— А зачѣмъ тебѣ государь?

— Доносъ имѣю.

— На кого?

— На васъ, папашенька!

— А какъ ты сюда изъ больницы пришелъ?

— Черти принесли; все черти носятъ, а скоро и совсѣмъ унесутъ, задержутъ до смерти.

— Охъ, Капитоша, миленькій, не говори лучше о нихъ на ночь, не накликай!

— Чего накликать? И такъ всегда съ вами. Вишь, ихъ сколько! Бѣсъ Колотунъ на плечѣ, бѣсъ Щенотунъ на пупѣ, бѣсъ Болтунъ на языкѣ, — три большихъ, а десять маленькихъ, Свербѣй Свербѣичей, на каждомъ пальчикѣ...

Аракчеевъ хотѣлъ перекреститься, но рука не поднялась.

— А за что же они тебя задержутъ, Капитошенька?

— За иконы бѣсовскія: дѣвки поганой Настьки во образѣ Владычицы да Аракчеева изверга во образѣ Спасителя. Только вы не думайте, папашенька: не меня одного—и васъ. Вмѣстѣ на судъ предстанемъ!

Опять помолчали, глядя другъ на друга такъ, что казалось, уже не одинъ, а два сумасшедшихъ.

— За что же ты на меня государю жаловаться хочешь?

— Будто не знаете? За кровь неповинную! За утопленныхъ, удавленныхъ, разстрѣлянныхъ, запоротыхъ, за дѣтей, за женъ, за стариковъ, за весь народъ православный, за всю Россію! И за самого государя! И за мою, за мою кровь!..

Послышался стукъ барабана, бившаго зорю вдали, на гауптвахтѣ, и вблизи, по дорогѣ, шаги часовыхъ.

— Караулъ! — хотѣлъ крикнуть Аракчеевъ, но крикъ его былъ слабымъ шопотомъ.

Въ послѣдній разъ погрозилъ ему сумасшедшій кулакомъ и вдругъ пустился бѣжать, — замелькали только полы сѣраго халата въ сѣромъ сумракѣ.

— Караулы! — закричалъ Аракчеевъ уже во весь голосъ. — Лови! Лови! Лови!

Прибѣжали часовые; долго не могли понять, что случилось. Наконецъ растолковалъ онъ кое-какъ. Начали искать; обыскали, обшарили все и никого не нашли. Алилуевъ исчезъ; какъ будто сквозь землю провалился или, въ самомъ дѣлѣ, черти его унесли.

Вернувшись домой, Аракчеевъ вошелъ въ спальню, легъ не раздѣваясь и погрузился не то въ сонъ, не то въ обморокъ.

Всталъ поутру больной, разбитый; но никому не говорилъ о томъ, что было ночью, — должно-быть, стыдился.

Послѣ утренняго чая повелъ государя въ садъ показывать новыя затѣи — цвѣтники, дорожки, бесѣдки.

Увидѣвъ кошку, подозвалъ дежурнаго мальчика-садовника: велѣно кошекъ въ саду ловить и вѣшать, чтобъ соловьевъ не пугали; Аракчеевъ былъ такъ чувствителенъ къ соловьиному пѣнію, что иногда, слушая, плакалъ. Въ другое время высѣкъ бы мальчика, но при гостяхъ совѣстно; только взялъ его за ухо, ущипнулъ и спросилъ:

— Кошечка?

— Виновать, ваше сіятельство!

— А знаешь, какая разница между трутомъ и мальчикомъ?

— Не знаю.

— Ну, такъ я тебѣ скажу, дусенька: трутъ прежде высѣкутъ, а потомъ положить, а мальчика сперва положить, а потомъ высѣкутъ. Помни!

Спустились къ пруду, сѣли въ лодку и переправились на островокъ съ бесѣдкою-храмомъ, посвященнымъ памяти генераль-отъ-артиллеріи Мелессино, у котораго графъ началъ свою карьеру. Въ бесѣдкѣ находились непристойныя картины, писанныя Капитономъ Алилуевымъ, скрыты подъ зеркалами, которыя открывались на потайныхъ пружинахъ.

Хозяинъ, первый, вошелъ посмотреть, все ли въ порядкѣ.

— Онъ! Онъ! Онъ! Не входите! Зарѣжетъ! — закричалъ онъ, выбѣгая, въ ужасѣ и повалился на руки государю, почти безъ памяти.

Гости бросились въ бесѣдку. Въ ней было темно отъ высокихъ деревьевъ, заслонявшихъ окна. Въ самомъ темномъ углу, между двухъ зеркалъ, стоялъ кто-то; не видно было, что онъ тамъ дѣлаетъ.

Дибичъ подошелъ, увидѣлъ посинѣвшее лицо, выпученные глаза и высунутый языкъ; протянулъ руку, дотронулся и тотчасъ отдернулъ ее; стоявшій качнулся, какъ будто хотѣлъ на него упасть.

— Удавился кто-то, — сказала Дибичъ.

— Выньте же изъ петли скорѣе! — велѣлъ государь входя въ бесѣдку. — Осмотри-ка, Тарасовъ, нельзя ли въ чувство привести.

Самоубійцу сняли съ петли, — онъ висѣлъ такъ низко что согнутыя ноги почти касались пола, — и положили на полъ. Государь наклонился и узналъ Капитона Алилуева

— Умеръ?

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣтилъ Тарасовъ должно-быть, еще въ ночь повѣсился.

— Что это?—указалъ государь на бумагу, которую сжималъ мертвецъ въ оконченѣвшей рукѣ такъ крѣпко, что Тарасовъ едва могъ вынуть ее, не разорвавъ. Запечатанный конвертъ съ надписью: «его императорскому величеству, секретно»

Тарасовъ подалъ письмо государю. Тотъ хотѣлъ передать Клейнмихелю, но подумалъ и сунулъ за обшлагъ рукава

Аракчеевъ не входилъ въ бесѣдку; сидя на крыльцѣ стоналъ, охалъ и пилъ воду изъ ковшика, который подавали ему солдаты-гребцы. Почти на рукахъ снесли его въ лодку и отвели домой подъ руки. Отъ испуга сдѣлалось у него сильнѣйшее разстройство желудка. Государь встревожился но Тарасовъ успокаивалъ его, что болѣзнь пустячная, велѣлъ пить ромашку и поставить промывательное. Государь весь день не отходилъ отъ больного, ухаживалъ за нимъ, заваривалъ ромашку и собственными руками готовъ былъ ставить клистиръ.

Ночью, оставшись одинъ, распечаталъ письмо Алилуева но, увидѣвъ доносъ на Аракчеева, не сталъ читать, только заглянулъ въ начало и конецъ.

«Ваше императорское величество, государь всемиловѣйшій! Единая мысль о военныхъ поселеніяхъ наполняетъ всякую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ»...

А въ концѣ:

«Военныя поселенія суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластье выдумать могло»...

«Нѣтъ, это не онъ писалъ, куда ему, пьяницѣ, — подумай государь: — кто-нибудь сочинилъ для него. Ужъ не изъ нихъ ли кто?»

Они всегда и вездѣ были члены Тайнаго Общества.

Взялъ свѣчу, зажегъ бумагу и бросилъ въ каминъ.

Спалъ такъ же спокойно, какъ въ прошлую ночь.

На слѣдующій день назначенъ былъ отъѣздъ государя. Аракчееву сразу полегчало, когда должны были ему, что мертвое тѣло Алилуева, зашитое въ мѣшокъ съ камнемъ, брошено въ Волховъ. Перекрестился и началъ играть съ Клейнмихелемъ въ бостонъ по грошу: значитъ, выздоровѣлъ.

Въ центрѣ Грузинской вотчины, въ деревнѣ Любуни, на пригоркѣ, стояла башня, наподобіе каланчи пожарной. Отсюда видно было все, какъ на ладони. На верхушкѣ башни — золотое яблоко, сверкавшее, какъ огонь маяка, и Золова арфа съ натянутыми струнами, издававшими подъ вѣтромъ жалобный звукъ. Поселяне, проходя мимо подъ вечеръ, шептали въ страхѣ:

— Съ нами сила крестная!

На башню эту пригласилъ хозяинъ гостей своихъ въ день отъѣзда, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться Грузинымъ.

Поднялись на вышку, оставили подзорную трубку и начали обозрѣвать съ высоты птичьяго полета селенья: Хотитово, Модню, Мотылье, Катовицу, Выю, Графскую слободку. Не сельскій видъ, а геометрическій чертежъ: правильно, какъ по линейкѣ и циркулю, расположенные поля, луга, сѣнокосы, пашни, — каждый участокъ за номеромъ; прямыя шоссе, прямыя каналы, прямыя просѣки и уходящія въ даль безконечными прямыми линіями сажени

дровъ — каждая сажень тоже за номеромъ. Тамъ, гдѣ росли когда-то сосны мачтовые, теперь и трава не растеть, все вырублено, выравнено, вычищено, какъ будто надо всѣмъ пронесся вихрь опустошающій. На лицѣ земли — неземная скука, такая же какъ на лицѣ Аракчеева.

Вспомнился Тарасову слышанный въ больницѣ рассказъ о томъ, какъ производится военная нивелировка мѣстности: солдаты сносятъ цѣлыя селенья, разрушаютъ церкви, срываютъ кладбища и воющихъ старухъ стаскиваютъ съ могилъ замертво, а старики шепчутъ другу другу на ухо: «свѣтопреставленіе, антихристъ пришелъ!»

Но, кромѣ Тарасова, всѣ восхищались, а государь больше всѣхъ. Онъ готовъ былъ вѣрить въ давнюю мечту свою — распространить на всю Россію военныя поселенія: одинаковыя повсюду деревни-казармы, одинаковыя розовыя домики, бѣлыя тумбочки, зеленые мостики; прямыя аллеи, прямыя канавы, прямыя просѣки; и вездѣ мужики въ мундирахъ, за сохой марширующіе; вездѣ къ обѣду поросенокъ жареный; на заслонкахъ амуры чугунныя, ватеръ-клозеты «истинно-царскіе». Никакихъ революцій, никакихъ Тайныхъ Обществъ. Рай земной, Царствіе Божіе, Грядущій Сіонъ. По Писанію: всякій доль да наполнится, всякая гора и холмъ да понизятся; кривизны выпрямятся и неровныя пути сдѣлаются гладкими.

— Любезный другъ, Алексѣй Андреевичъ, — сказалъ государь, обнимая Аракчеева, — благодарю тебя за всѣ твои труды.

— Радъ стараться, ваше величество! Все для васъ, все для васъ, батюшка, — всхлипнулъ Аракчеевъ и упалъ на грудь государя. — Повелѣть извольте — и всю Россію военнымъ поселеніемъ сдѣлаемъ...

А на Эоловой арфѣ струны гудѣли жалобно и, казалось, плачеть въ нихъ душа Капитона Алилуева вмѣстѣ съ душами всѣхъ замученныхъ:

— Антихристъ пришелъ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Записки князя Валерьяна Михайловича Голицына.

1824 года, января 1. «Государи Россійскіе суть главою церкви». Изреченіе сіе находится въ актѣ о престолонаслѣдїи, читанномъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, при восшествїи на престоль императора Павла Перваго. Разговоръ о томъ съ Чаадаевымъ весьма примѣчательный. Поставленіе царя земного главою церкви на мѣсто Христа, Царя Небеснаго, не только есть кощунство крайнее, но и совершенное отъ Христа отпаденіе, приобщеніе же къ иному, о коемъ сказано: «иной приидеть во имя свое: его примет».

1824 года, іюля 2. Болѣе года, какъ записки сіи въ Парижѣ начаты и оставлены. Тотъ разговоръ съ Чаадаевымъ послѣдній. Приѣхавши въ Россію, не до записокъ было.

Теперь опять пишу на досугѣ; болѣзнь досужимъ дѣлаетъ. Боленъ, а чѣмъ — не знаю. Полковой штабъ-лѣкаръ Косовичъ, старичокъ добренькій, суцая божья коровка, который пользуется меня, говоритъ надвое: то ли меланхолія отъ разстройства печени, то ли скрытая горячка нервическая.

— Вамъ, — говоритъ, — надобно пьавки поставить.

— Ну что жъ, — говорю, — ставьте, будутъ пьавки на пьавку...

Испугался онъ, думаетъ, брежу.

— Какъ это, — говоритъ, — пьавки на пьавку?

— Да вы же, докторъ, сами говорили давеча, что люди, одно худое во всемъ видящіе, цырюльничьимъ пьавкамъ

подобны, сосущимъ кровь негодную. Въ этомъ и болѣзнь моя. Помогите, если можете..

— Нѣтъ, — говорить, — лѣкарства наши отъ этого не пользуются: тутъ иное потребно лѣченіе, духовное.

— Философія, что ли?

— Зачѣмъ философія? Свѣтильникъ оной въ бурѣ бѣдствій человѣческихъ озаряетъ менѣе, чѣмъ одна малая лампада передъ образомъ Дѣвы Святой...

— Благодарю покорно, съ меня и дядюшкиныхъ лампадокъ довольно: нынче постное масло дешево. Лучше ужъ пьавки!

Разсмѣялся я; преглупый и прегадкій смѣхъ, а не могу удержаться: иной разъ плакать хочу, а смѣюсь.

А старичокъ мой разсердился и сдѣлался похожъ на сердитую божью коровку. Тоже вѣдь мистикъ, тоже членъ Тайнаго Общества (не мы одни на свѣтѣ), Филадельфійской церкви госпожи статской совѣтницы Татариновой.

Июля 3. Третья недѣля съ кончины Софьи. Если бы я плакать могъ, — и пьявокъ не надо бы, да вотъ не могу.

Софьиная няня, Василиса Прокофьевна, на панихидахъ все чашку съ водою на подоконникъ ставила: «чтобъ душенькѣ омыться было въ чемъ», — говорила съ такою увѣренностью, какъ бы живой умыться давала. А для насъ, дряхлаго дѣдушки Вольтера дряхлыхъ внучковъ, «мнѣнія о безсмертіи души — не безъ нѣкотораго мрака», какъ родной мой дѣдушка, вольтерьянинъ, сказывалъ. «Увидимся, если не шалимъ», — онъ же говаривалъ: шалить, значить умереть. А мы, дѣдушкины внучки, и шалить не умѣемъ какъ слѣдуетъ.

Не даромъ, видно, Софья остерегала, что оный поганый смѣшокъ и уменя къ старости будетъ. А, чай, и теперь уже есть?

Не въ Премудрую Благость, которая надъ міромъ царствуетъ, по Шеллингу, а въ *Обезьяну*, по Гольбаховой системѣ, вѣруемъ. «Представь себѣ судьбу въ видѣ огромной обезьяны. Кто ее посадилъ на цѣпь? Ни ты, ни я. Значить, дѣлать нечего и говорить нечего», писалъ Пушкинъ Вяземскому, когда у того ребенокъ умеръ. Дѣлать нечего и плакать нечего. А

смѣяться можно; видѣть во всемъ дурное, смѣшное и наливаться, какъ пьявка, черною кровью.

Сумасшедшіе сами съ собою разговариваютъ: кажется, ваписки сін — такой разговоръ сумасшедшаго.

Юля 4. Письмо отъ тетушки; въ деревню зоветъ. Нѣтъ, не юбду. Мнѣ и здѣсь хорошо, въ пустой квартирѣ, въ старомъ Зауеровомъ домѣ, у Прачешнаго моста. Окна мѣломъ замазаны; зеркала и мѣбли въ чехлахъ; пустыя комнаты, по которымъ ходить можно взадъ, и впередъ, а когда устанешь — о Кульмской битвѣ реляціи читать на пожелтѣвшемъ листкѣ Сенатскихъ Вѣдомостей, — ваза въ нихъ, на столикѣ въ углу, завернута; или, на диванѣ лежа, уткнуться носомъ въ заплатку стараго чехла: столько, глядячи на нее, передумано, что заплатка сія будетъ мнѣ памятна. А если жарко, — окно открыть; тогда изъ Фонтанки тухлою рыбою пахнетъ, дегтемъ съ торцовой мостовой, которую чинятъ, и сосновыми дровами, что барочники возятъ въ тачкахъ по узенькимъ доскамъ на набережной. А иногда вдругъ изъ Лѣтняго сада повѣетъ медовою свѣжестью липъ, и старыя липы покровскія вспомнятся, у пруда, за теплицами, гдѣ читали мы съ Софьей *Людмилу Жуковскаго*.

Кончень, кончень путь, Людмила!
Намъ постель — темна могила,
Завѣсь — саванъ гробовой.
Сладко спать въ землѣ сырой...

Сладко спать — если бы только не страшные сны. Все Атька мартышка снится, въ видѣ той Обезьяны, о которой писалъ Пушкинъ Вяземскому; на лицо мнѣ мохнатою шерстью навалится, душитъ; а тутъ же гдѣ-то, точно комарикъ, жужжитъ мнѣ на ухо мой милый Саша, мой тихій мальчикъ: «Премудрая Благость надъ міромъ царствуетъ».

И я смѣюсь, я и во снѣ смѣюсь; кажется, и умирать буду съ этимъ поганымъ смѣхомъ.

Юля 8. Сочинитель Грибоѣдовъ живетъ у Одоевскаго. Они — друзья. А я не люблю Грибоѣдова. Иные — но-

жомъ, иные — пулей, иные — петлей, а онъ смѣхомъ себя убиваетъ.

Я, говорить, на него похожъ. Не дай Богъ! Неужели и у меня такой же смѣхъ, — точно мертвыя кости изъ мѣшка сыплются?

Намедни читалъ онъ *Горе отъ ума* въ большомъ обществѣ. Сѣлъ за столъ, положилъ рукопись. А Василій Михайловичъ Ѳедоровъ, старичокъ простенькій, плохой сочинитель плохой драмы *Лиза или сладствіе обольщенія и гордости*, подошелъ, взялъ рукопись и взвѣсилъ ее на рукѣ.

— Ого, — говорить, — тяжеленька: стоитъ моей *Лизы*!

Грибоѣдовъ поглядѣлъ на него изъ-подъ очковъ и процѣдилъ сквозь зубы.

— Я не пишу пошлостей.

Ѳедоровъ сконфузился.

— Никто въ этомъ не сомнѣвается, Александръ Сергѣевичъ. Я не только не хотѣлъ васъ обидѣть сравненіемъ со мной, но, право, готовъ первый смѣяться...

— Вы надъ собой смѣяться можете, а я никому не позволю.

— Ну, право же, я вовсе не думалъ...

— О, я увѣренъ, что вы сказали не подумавши!

Хозяинъ видѣлъ, что дѣло плохо; подошелъ къ Ѳедорову и взялъ его за плечи.

— А вотъ мы въ наказаніе Василія Михайловича въ задній рядъ креселъ посадимъ.

— Сажайте, куда угодно, но я при немъ читать не буду, — объявилъ Грибоѣдовъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ, курия сигарку.

Ѳедоровъ краснѣ блѣднѣлъ, чуть не плакалъ, бѣдненькій; наконецъ взялъ шляпу.

— Очень жалѣю, Александръ Сергѣевичъ, что невинная шутка моя была причиной такой неприятности, но чтобы не лишать хозяина и гостей удовольствія слышать вашу комедію, я ухожу.

Одоевскій говорить: «узнать Грибоѣдова, значитъ полюбить». Можетъ-быть, я не люблю его, потому что себя не люблю, боюсь его какъ двойника своего.

Юля 9. У Одоевскаго завтракаль. Голова разболѣлась. Хозяинъ уложилъ меня въ своей кабинетъ, опустилъ шторы и обвязалъ мнѣ голову полотенцемъ съ уксусомъ. Задремалъ я. Проснулся отъ разговора въ сосѣдной комнатѣ.

— Сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно, веселый человѣкъ. Тѣфу, злодѣйство! Да мнѣ вовсе не весело, скучно, несносно, отвратительно. Завиваюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ. А время летитъ; въ душѣ горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли. Отчего же я нѣмъ, нѣмъ какъ гробъ? Гожусь ли я на что-нибудь, умѣю ли писать,—право, для меня все еще загадка. Душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается; впереди темно, тоска неизвѣстная... Воля твоя, если это еще долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ, — пусть оно останется добродѣтелью тяглаго скота... Саша, Саша, голубчикъ, ну, помоги, ради Христа, скажи, что мнѣ дѣлать, чѣмъ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди...

«Вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!» вспомнилось мнѣ словцо секунданта Каверина надъ убитымъ Шереметевымъ.

Жутко стало, какъ будто подслушалъ я двойника своего, который мнѣ же обо мнѣ рассказывалъ.

Одоевскій утѣшалъ Грибоѣдова, но тотъ, уже не слушая, сѣлъ за клавишныя и началъ играть. Игралъ долго. Такъ цѣлыми часами можетъ импровизировать забывъ обо всемъ. Кажется иногда, что настоящее призваніе его не литература, а музыка.

Я опять задремалъ и не слышалъ, какъ собрались наши. Говорили, должно-быть, о дѣлахъ Тайнаго Общества. Проснулся отъ того, что музыка умолкла, и мертвыя кости изъ мѣшка посыпались: Грибоѣдовъ смѣялся.

— Ну, полно, господа, вздоръ молоты!

— Почему вздоръ?

— Сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ въ Россіи сдѣлать революцію!

— Не сто человѣкъ, а весь народъ...

— Ну, народъ лучше оставьте.

Я вошелъ въ комнату. Грибоѣдовъ сжалъ свои тонкія губы, посмотрѣлъ изъ-подъ очковъ и прибавилъ уже безъ смѣха, съ неизъяснимою горечью:

— Народу до насъ дѣла нѣтъ. Онъ разрозненъ съ нами навѣки. Господа и крестьяне въ Россіи — двухъ разныхъ племень. И какимъ чернымъ волшебствомъ это сдѣлалось, что мы чужіе между своими? Изверги, шуты гороховые, хуже, чѣмъ нѣмцы. Петрушкины дѣти...

— Какой Петрушка?

— Да онъ же, любимчикъ вашъ, Петръ Великій, чтобъ ему...

Выругался, засмѣялся опять и забренчалъ однимъ пальцемъ по клавишамъ рылѣвскую пѣсенку:

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
Братцы?

— Ну, право же, господа, поѣдьте-ка лучше въ Шустеръ-клубъ. Сколько тамъ портеру и какъ дешево! Зададимъ тринкену и къ чорту политику!

Идучи домой съ Иваномъ Ивановичемъ Пуцинымъ, напомнилъ я ему, какъ намедни Грибоѣдовъ звалъ насъ въ церковь: «въ храмахъ Божьихъ,—говорить,—собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Мы — русскіе только въ церкви».

Пуцинъ задумался.

— Что жъ, — говоритъ, — а вѣдь это, пожалуй, и правда?

— Какая правда? Вы-то сами, — говорю, — въ церковь ходите?

— Хожу.

— И за царя молитесь?

— Нѣтъ; да вѣдь это не главное.

— Какъ же не главное, когда царь — глава церкви?

— Не царь, а Христось.

— У кого Христось, а у насъ царь.

— Почему у насъ?

— А потому, что *государя* *россійскіе* *суть* *главою* *церкви*.

— Вы это откуда?

Я сказалъ, откуда. Удивился онъ.

— Чудно. Какъ же этого никто не знаетъ?

— Да, — говорю, — самодержавіе свергаемъ, а на чемъ оно стоитъ, не знаемъ.

Помолчали.

— Такъ-то, — говорю, — Иванъ Ивановичъ. Ужъ лучше въ Шустеръ-клубъ, чѣмъ въ церковь. А то вѣдь—кощунство: что для народа — святыня, то для насъ — трывъ-трава, по рылѣвской пѣсенкѣ...

— Или *сухая курица*, — усмѣхнулся Пущинъ.

— Какъ это, — говорю, — сухая курица?

— А въ Москвѣ, — объясняетъ, — такой человѣкъ былъ: нарочно ѣздилъ въ Кіевъ, чтобы отвѣдать мощи, и на вопросъ, какого онѣ вкуса, отвѣчалъ: «точно сухая курица. — ни сока, ни вкуса»...

Я не понялъ было, а потомъ разсмѣялся такъ, что задохся, а Пущинъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Вотъ именно, святыя мощи, какъ сухую курицу, жуемъ!

Юля 11. Булгаринъ и Гречъ — издатели подлѣйшихъ «Литературныхъ Листковъ». Объ этой парочкѣ въ «Сумасшедшемъ домѣ» Воейкова:

Туть кто? Гречева собака
Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ:
То Булгаринъ забіяка
Съ рыломъ мосичьимъ своимъ.

Собаки — оба, Гречъ и Булгаринъ: гадаютъ при всѣхъ и глядятъ на всѣхъ невинными глазами.

— Правда, что Гречъ служить въ тайной полиціи? — спросилъ наемни Рылѣвъ.

— Вздоръ! Онъ предлагалъ себя, да его не взяли, — отвѣтилъ Булгаринъ.

А подвыпивъ, началъ обнимать и цѣловать Греча.

— Гречикъ мой, Гречишечка моя, я вѣдь понимаю, что ты, какъ вѣрнопопданный, обязанъ доносить обо всемъ; но

мнѣ, старому другу, признайся, чтобы я могъ принять свои мѣры...

— Когда будетъ революція, мы тебѣ, Булгаринъ, на твоихъ «Литературныхъ Листкахъ» отрубимъ голову! — пугаетъ его Рылѣевъ.

— Помилуйте, господа, за что же? «Вѣдь я либераль, не хуже васъ. Отецъ мой — республиканецъ, по прозванію, Шальной, сосланъ въ Сибирь за польское возстаніе, а я Ѳаддеемъ названъ въ честь Костюшки...

— И все-то ты врешь, Ѳаддей!

— Клянусь же сѣдинами матери!

— А вчера говорилъ, что мать твоя умерла?

— Ну, все равно, тѣнюю матери!

Грибоѣдовъ называетъ Булгарина своимъ Калибаномъ и ласкаетъ его съ нѣжностью.

— Я вѣдь знаю, душа моя, что ты каналья, но люблю тебя за то, что ты умница.

Помираетъ со смѣху, когда «великій сочинитель» рассказываетъ, какъ онъ спасъ Наполеона при переправѣ черезъ Березину.

Намедни у Булгарина за ужиномъ, нагрузившись Кликко подъ звѣдочкой, пѣли мы сначала похабныя, а потомъ революціонныя пѣсни. Квартира въ нижнемъ этажѣ, на Офицерской, недалеко отъ сѣзжей. Булгаринъ то и дѣло выбѣгалъ въ сосѣднюю комнату посмотрѣть, не взобрался ли на балконъ квартальный подслушивать.

— Я не трусь, коханые, я доказалъ это подъ Лейпцигомъ, гдѣ раненъ былъ...

— Куда?

— Въ грудь.

— А не въ задъ?

— Нѣтъ, въ грудь, клянусь сѣдинами матери! Я не трусь, а только двухъ вещей на свѣтѣ боюсь: синей куртки жандармской да тантиной красной юбки...

«Танта», не то теща, не то жена тетка, старая сводня, бьетъ его такъ, что синія очки приходится ему частенько носить на подбитыхъ глазахъ.

Съ этими двумя негодяями у насъ такая дружба, что одной не разольешь. Одного не хватаетъ, чтобъ и они вступили въ Тайное Общество.

И какъ только втерлись къ намъ? И за что мы ихъ полюбили? Пущинъ говоритъ, что это особое русское свойство — любовь къ свинству.

Когда одинъ пріятель мой сходилъ съ ума, то все казалось ему, что дурно пахнетъ; такъ и мнѣ кажется все, что пахнетъ Булгариньмъ.

Сорокъ тысячъ Булгариныхъ не разубѣдятъ меня въ томъ, что есть у насъ правда; но мы унижаемъ ее, себя унижая.

Грибоѣдовъ, въ дни юности, служа въ гусарахъ въ Брестъ-Литовскомъ, забрался однажды въ іезуитскій костелъ на торжества. Собрались монахи, началась обѣдня. Онъ сѣлъ къ органу, — ноты были раскрыты, — заигралъ; игралъ чудесно. Вдругъ смолкли священные звуки и съ хоровъ зазвучала маринская.

Какъ бы и намъ, начавъ обѣдней, не кончить камаринской?

Шли на кровь, а попали въ грязь.

Юля 12. А изъ грязи — опять въ кровь.

Вчера собраніе у Пущина. Рылѣевъ представлялъ намъ юнкерскихъ моряковъ, молоденькихъ лейтенантовъ и офицеровъ. У нихъ образовалось, будто бы, свое Тайное Общество, независимо отъ нашего.

Сушіе ребята, птенцы желторотые; всѣ на одно лицо — Косенька, Коленька, Петенька, Митенька.

— Какъ легко, — говоритъ Митенька, — произвести въ Россіи революцію: стоитъ только разослать печатные указы въ Сената...

— Ежели, — говоритъ Коленька, — взять большую книгу съ тобою печатью, написать на ней крупными буквами: *Законъ*, пронести по полкамъ, то сдѣлать можно все, что угодно...

— Не надо и книги, — говоритъ Петенька, — а съ бараньимъ боемъ пройти отъ полка къ полку — и все полетитъ въ чорту!

По низложеніи государя предлагали объявить наслѣникомъ малолѣтняго великаго князя Александра Николаича съ учрежденіемъ регенціи; или поднести корону императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, — она-де, по извѣстности добротѣ своей, согласится на республику; или же, наконецъ основать на Кавказѣ отдѣльное государство съ новой династіей Ермоловыхъ, а потомъ завоевать Россію. Но главное не теряя времени, завести тайную типографію въ лѣсахъ фабрики фальшивыхъ ассигнацій.

Я уже хотѣлъ уйти, вспомнивъ изреченіе графа Потоцкаго когда предлагали ему удить рыбу: «предпочитаю скуча по-иному». Но Рылѣевъ оживилъ собраніе, произнесъ рѣчь о царевубійствѣ.

— Стыдно, — говоритъ, — чтобы пятьдесятъ милліоновъ страдали отъ одного человѣка и несли ярмо его...

— Вѣрно! Вѣрно! — закричали въ одинъ голосъ Кленька, Петенька, Васенька, Митенька. — Мы всѣ такъ думаемъ, всѣ пылаемъ рвеніемъ! Надобно истребить зло быть свободными!

— Купить свободу кровью!

— Послѣднюю каплю крови съ веселымъ духомъ проли за отечество!

— Какъ Курцій, броситься въ пропасть, какъ Фабі обречь себя на смерть!

— Господа, я за себя отвѣчаю, — выскочилъ вдругъ самый молоденькій мальчикъ; голубые глазки, какъ васильки румяныя щечки съ пушкомъ, какъ два спѣлые персик одѣтъ съ иголочки, — видно, маменькинъ сынокъ. — Я готовъ быть *режисидомъ*, но хладнокровнымъ убійцею быть не могу, потому что имѣю доброе сердце: возьму два пистолета изъ одного выстрѣлю въ него, а изъ другого — въ себя: э будетъ не убійство, а поединокъ на смерть обоихъ...

А другой, постарше, точно веселую игру объяснялъ такой улыбкой, которой, сто лѣтъ проживу, не забуду.

— Нѣтъ, — говоритъ, — ничего легче, какъ убить государя во дворцѣ на выходѣ: сдѣлать въ рукояткѣ шпала пистолетикъ маленькій и, нагнувъ шпагу, выстрѣлить.

Взялъ карандашикъ, бумажку и нарисовалъ рукоятку и паги съ отверстіемъ, въ которое вкладывается пистолетикъ игрушечный, наподобіе тѣхъ, что дѣтямъ на елку дарятъ

— Пулька тоже маленькая, но можно хорошенько прицѣлиться, прямо въ глазъ, либо въ високъ; а то сильнымъ ударомъ отравить пульку, — тогда и царапины довольно, тобы ранить на смерть.

И опять заговорили всѣ вмѣстѣ: убить одного государя мало, — надо всѣхъ.

— Всѣхъ изгубить, не щадя ни пола, ни возраста!

— Уничтожить всѣхъ безъ остатка!

— И самый прахъ развѣять по вѣтру!

— Славные ребята! — началъ хвастать Рылѣевъ, когда ни ушли. — Вотъ бы изъ кого составить *обреченную коорту*...

— Здравь рубашонки, розгой бы ихъ, какъ слѣдуетъ! — проворчалъ Каховскій: — молоко на губахъ не обсохло, а же о крови мечтаютъ...

— А вы что думаете, князь?—спросилъ меня Рылѣевъ.

— Знаете, — говорю, — какъ называется то, что мы ѡблаемъ?

— Какъ?

— Раствлѣніе дѣтей.

Онъ, кажется, не понялъ; по уходѣ моемъ, спрашивалъ съхъ, за что я на него сердить.

Да, растлѣніе дѣтей. Убивать гнусно, а говорить объ бійствѣ, зная, что не убьешь, еще гнуснѣе.

Убить государя ничего не стоитъ: въ Царскомъ Селѣ, на заводахъ, на выходахъ, на улицѣ — всегда одинъ, безъ араула; пожалуй, и вправду, изъ игрушечнаго пистолетика бить можно, а вотъ не убьемъ: «рука не подыметя, сердце скажетъ».

Трусъ, что ли? Нѣтъ, не трусъ. Въ полку у насъ былъ рабрыи капитанъ: подъ картечью и ядрами — какъ за шахматной партіей, а въ спальнѣ полотенце убиралъ на ночь, тобы мертвеца не увидѣть. Такъ вотъ и мы съ царемъ: не заемъ, полотенце или привидѣніе?

И Софьянъ страшный сонъ вспоминается мнѣ, какъ бросился я съ ножомъ убить мертваго. И лицо *его*, надъ гробомъ ея, — живое, но мертвѣе мертваго.

Выйти изъ Общества — подло, а оставаться въ немъ съ такими мыслями — еще подлѣе. Я не хочу святыхъ мош какъ сухую курицу жевать; не хочу растлѣвать дѣтей не хочу обѣдню съ камаринской, кровь съ грязью смѣшивать.

Юля 13. Объявилъ Рылѣеву, что выхожу изъ Общества. Онъ хотѣлъ все обратить въ шутку, а когда увидѣлъ, что шутить не намѣренъ, — вспылить, объясненія потребовал. наговорилъ дерзостей. Я уже, было, надѣялся, что кончитъ вызовомъ, но вмѣшался Пущинъ и уладилъ все. Да и самъ Рылѣевъ какъ-то вдругъ затихъ, присмирѣлъ, замолчалъ отошелъ отъ меня, опечаленный, точно пришибленный.

Мнѣ жаль его: видить, что дѣла идутъ скверно, а вбодрится, бѣдняжка. «Ежели и всѣ оставятъ Общество, — объявилъ намеренія, — я не перестану полагать оное существоющимъ во мнѣ одномъ».

Можетъ-быть, онъ и правъ: блаженъ, кто вѣруеть.

Юля 14. Коссовичъ рассказывалъ мнѣ о духовномъ Союзѣ Татариновой.

— Я, — говоритъ, — буду хранить въ сердцѣ моемъ ясное свидѣтельство, что пророческое слово Екатерины Филипповны есть даръ Св. Духа Утѣшителя. Господь далъ ей надо мною власть: немощи мои несетъ, питаетъ и живитъ меня. Истинно, мать моя, Богомъ данная. Чувствую что въ отеческій домъ пришелъ, какъ дитя къ матери.

Катеринѣ Филипповнѣ былъ вѣщій сонъ обо мнѣ, грѣшномъ; велѣла передать свое благословеніе.

Онъ зоветъ меня къ ней; «одно-де маменькино слово исцѣлитъ васъ лучше всѣхъ лѣкарствъ».

Можетъ-быть, пойду. Не все ли равно куда, въ Англійскій клубъ, на ужинъ къ Булгарину или въ Филадельфійскіе Общество?

Юля 15. Ъздили съ Коссовичемъ къ Татариновой.

На краю города, за Московскоѣ заставой, у сосноваго бора, три деревянныя дачи; ворота на запорѣ, собаки на цѣпяхъ, высокій тынъ съ острыми бревнами; не то острогъ, не то скитъ. Внутри — темные переходы и лѣсенки. Комнаты имѣютъ видъ моленныхъ: иконы, хоругви, паникадила, ставцы со свѣчами. Въ большой залѣ — изображеніе Духа Св., въ видѣ голубя, на потолкѣ, и Тайная вечеря, во всю стѣну, картина академика Боровиковскаго.

Госпожа Татаринова приняла насъ въ спальнѣ, тѣсной келійкѣ, гдѣ пахло лѣкарствами, ладаномъ и мускусомъ. Несмотря на іюль мѣсяць, натоплено и народу множество. Кого тутъ только не было: тайный совѣтникъ, директоръ департамента въ бывшемъ дядюшкиномъ министерствѣ, Василій Михайловичъ Поповъ; статскій совѣтникъ, директоръ Человѣколюбиваго Общества, Мартынъ Степановичъ Пилецкій; штабсъ-капитанъ Гагинъ; отставной поручикъ, племянникъ генераль-губернатора, мой бывший соперникъ по танцовщицѣ Истоминой, Алеша Милорадовичъ; командиръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, генераль-майоръ Головинъ; и какой-то старенькій приказный, Лохвицкій, въ сюртучкѣ мухояровомъ, такъ называемое кувшинное рыло; и дѣвица Пиперь, госпожи Загряжской ключница; и прачка Лукерья; и Прасковья Убогая, должно-быть, нищенка съ церковной паперти.

Но любопытнѣе всѣхъ — Никитушка. Солдатъ, бывший музыкантъ Перваго кадетскаго копруса, а нынѣ титулярный совѣтникъ (въ сей чинъ возведенъ за пророчества), Никита Ивановичъ Ѳедоровъ — послѣ маменьки первый у нихъ наставникъ и пророкъ; старичокъ плюгавый, въ засаленномъ фракѣ, со Станиславомъ въ петлицѣ и мѣдною серьгою въ ухѣ; похожъ на стараго будочника; малограмотенъ, буквы съ нуждою ставитъ, а музыкантъ отмѣнный: слагаетъ священные гимны на голосъ русскихъ пѣсень.

Никитушка сидѣлъ у маменькиныхъ ногъ на низенькой скамеечкѣ и перебиралъ тихонько струны на гуслицахъ.

Госпожа Татаринова полулежала, больная, въ спальныхъ кожаныхъ креслахъ. Лицо изможденное, сухое, смуглое;

на верхней губѣ усики; похожа не то на старую цыганку, не то на Божью Матерь Одигитрію, чей образъ тутъ же висѣлъ, въ головахъ надъ постелью. Глаза — прозрачно-желтые, — должно-быть, въ темнотѣ какъ у кошекъ свѣтятся. Никогда я не видывалъ у женщины такихъ мужскихъ глазъ; и это мужское въ женскомъ весьма привлекательно.

Обращеніе свѣтское: урожденная баронесса Буксгевденъ, воспитанница Смольнаго; говоритъ по-французски лучше, чѣмъ по-русски.

— Если вамъ не понравится въ нашемъ Филадельфійскомъ Обществѣ, — сказала мнѣ съ достоинствомъ, — покорнѣйше просимъ только не рассказывать: міръ имѣетъ и безъ того довольно предметовъ для осужденія.

И потомъ — на ухо, съ такимъ ласковымъ видомъ, какъ будто мы съ нею старые друзья:

— Я знаю, у васъ большое горе; но имѣйте надежду на Господа...

Я боялся, что заговоритъ о Софѣ; кажется, тотчасъ же всталъ бы и ушелъ. Но, должно-быть, поняла, что нельзя объ этомъ говорить, замолчала и потомъ прибавила:

— Сердце человѣческое подобно тѣмъ древамъ, кои не прежде испускаютъ цѣлебный бальзамъ свой, пока желѣзо имъ самимъ не нанесетъ язвы...

Наконецъ спросила прямо, просто, почти грубо, — но и грубость сія мнѣ понравилась: вѣрю ли въ Бога? И когда я сказалъ, что вѣрю:

— Не знаю, — говоритъ, — какъ вы, князь, а я давно замѣтила, что никто не отвергаетъ Бога, кромѣ тѣхъ, кому не нужно, чтобы существовалъ Онъ.

— Или, быть-можетъ, — добавилъ я, — кому нужно, чтобы не существовалъ Онъ.

— Вотъ именно, — сказала, наклонивъ голову, какъ бы въ знакъ совершеннаго согласія нашего.

Замѣтивъ, что я удивляюсь, какъ Никитушка съ генераломъ Головинымъ обходится вольно, а тотъ съ нимъ — почтительно, сказала по-французски, не безъ тонкой усмѣшки:

— Не надобно удивляться тому, что дѣйствія духовныя открываются въ наше время преимущественно среди низшаго класса, ибо сословія высшія, окованныя прелестью европейскаго просвѣщенія, то-есть утонченнаго служенія іеру и похотямъ его, не имѣютъ времени предаваться размышленіямъ душеспасительнымъ; наконецъ, при самомъ началѣ христіанства, на комъ явились первые знаки дѣйствія Духа Божьяго? Не на малозначащихъ ли людяхъ, въ народѣ презрѣнномъ и порабощенномъ, минуя старѣйшій, учителей и первосвященниковъ?

И заключила по-русски, положивъ руку на голову Никитушки съ материнскою нѣжностью:

— Непостижимый Отецъ Свѣтовъ избралъ нѣкогда рырей и простыхъ людей; такъ и нынѣ изволить Онъ обитать съ ними. Ты что думаешь, Никитушка?

— Точно такъ, маменька; ручку позвольте, ваше превосходительство! Немудрое избралъ Богъ, дабы постыдить удряхъ вѣка сего! Какъ и въ пѣсенкѣ нашей поется:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики,
Ровно съ медомъ бураки!
Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ, —

впѣлъ вдругъ голосомъ тонкимъ, перебирая струны на услицахъ. И прачка Лукерья, и Прасковья Убогая, и ѣвица Пиперь, и приказный, кувшинное рыло, и статскій совѣтникъ Пилецкій, и тайный совѣтникъ Поповъ, и генераль-майоръ Головинъ — всѣ подпѣвали Никитушкѣ.

Вспомнились мнѣ слова Грибоѣдова о томъ, что прогой народъ разрозненъ съ нами навѣки; а вѣдь вотъ не разрозненъ же тутъ? Полно, ужъ не это ли путь къ спасенію, къ соединенію несоединеннаго?

— Ну что, какъ? — спросилъ меня Коссовичъ, выходя изъ маменьки.

— Умна, — говорю, — чрезвычайно умна!
Старичокъ покачалъ головой.

— Вы, — говорить, — князь, приписываете уму то что проистекаетъ изъ Премудрости Божественной...

Отъ Бога ли, не знаю, а только, и впрямь, вѣщая баба

Юля 19. Поводился я къ маменькѣ. Думалъ, буде смѣшно, — нѣтъ, жутко. И все еще не знаю, что это, мудрость или безуміе, святыня или бѣсовщина? А можетъ-бы то и другое вмѣстѣ! Какъ въ Никитушкиныхъ пѣсенкахъ, слова святыя, а музыка такая, что плясать бы вѣдьма на шабашѣ. А вѣдь и маменькины дѣтки пляшутъ, радуютъ подъ эту музыку.

— Радѣніе есть радование, — говорить Коссовичъ: какъ бы духовный балъ, въ коемъ сердце предвкушаетъ тотъ брачный пиръ, гдѣ ликуютъ дѣвственныя души. Сатанъ царь Давидъ предъ Кивотомъ Завѣта плясалъ. Пляшутъ и мы, яко младенцы благодатные, пивомъ новымъ упоенные, попирая ногами всю мудрость людскую съ ея приличіями. И вотъ что скажу вамъ, князь, какъ медикъ: святая плясанье, движеніе сіе, какъ бы въ нѣкоемъ духовномъ вальсѣ, укрѣпляетъ нарочито здравіе тѣлесное, ибо производитъ въ насъ такую транспирацію, послѣ коей чувствуемъ себя, какъ дѣтки малыя, рѣзвыми и легкими...

Такъ-то все такъ, — а жутко.

Престранную запѣль намедни Никитушка пѣсенку:

На седьмомъ на небеси
Самъ Спаситель закаталъ!
Ахъ, душкѣ, душкѣ, душкѣ!
У Христа-то башмачки
Сафіяленькіе,
Мелкостроченные!

Въ словахъ сихъ, почти безсмысленныхъ, нѣкій священный восторгъ сочетался съ кабацкою удалью. А у тайна совѣтника Василія Михайловича Попова, вижу, и руки, ноги вдругъ зашевелились, задергались, — кажется, вотъ-вотъ пойдеть плясать, какъ на Лысой горѣ.

И смѣхъ, и ужасъ напалъ на меня, — *хладъ мраза* тонко какъ говорятъ мистики.

Июля 20. Тайный совѣтникъ Поповъ намедни при всѣхъ объявилъ:

— Я, маменька, имѣю намѣренье сапоги чистить, что принимаю за совершенную волю Божью,—только стыжусь...

— Чего же ты стыдишься, дружокъ?

— А Прощка что скажетъ?

— А ты, Вася, смирись, — посовѣтоваль Никитушка.

— Были мы въ субботу въ банькѣ съ Мартыномъ Степанычемъ, — продолжалъ Поповъ: — окатились холодною водою трижды, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. А Мартынъ Степанычъ и говоритъ: «дай, говоритъ, Вася, я тебя еще разъ окачу». Взялъ шайку и во имя Св. Дѣвы Маріи вылилъ на меня воду, и тотчасъ же какъ бы разверзлась нѣкая хлябь изъ внутренняго неба моего и чистѣйшею рѣкою всего меня потопила. И ощутилъ я, что Матерь Господа премѣняетъ звѣздное тѣло души моей на лунное свое тѣло и въ ночи Сатурна открываетъ свѣтъ премудрости...

И Мартынъ Степановичъ Пилецкій все это подтвердилъ въ точности.

А съ приказнымъ, кувшиннымъ рыломъ, тоже на-дняхъ было чудо.

— Сижу я, — говоритъ, — у именинника, головы купеческаго, Галактіона Ивановича, и вижу, штаны у меня худы, въ дырахъ; устыдился, хотѣлъ закрыть, а внутренній гласъ говоритъ: «не закрывай, се слава твоя!» И внезапно пріятнымъ ужасомъ духовнымъ исполнился я, такъ что все бытіе мое трепетало...

Потомъ о новоявленныхъ мощахъ преподобнаго Феоодосія Тотемскаго заговорили.

— Вотъ, — говоритъ штабсъ-капитанъ Гагинъ, — премудрый Невтонъ, соединившій математику съ физикой, умеръ и сгнилъ, а нашъ русскій простячокъ, двѣсти лѣтъ въ землѣ лежа, не сгнилъ...

Тутъ всѣ глумиться начали надъ суетнымъ разумомъ человѣческимъ, коего свѣтъ подобенъ-де свѣту гнилушки.

А Поповъ покосился въ мою сторону. Лицо у него безкровес-блѣдное, блѣдно-голубые глаза «издыхающаго теленка»

(какъ сказала одна дама о Сперанскомъ), а огоньки въдымины въ нихъ такъ и прыгають.

— Многие, — говоритъ, — нынче стали смердѣть ученостью и самымъ смердѣніемъ симъ похваляться. Пяточки бы имъ поджарить, предать плоть во изможденіе, да спасется духъ...

Ужъ не заболѣлъ ли я и вправду бѣлой горячкой? Маменька — умная женщина. Какъ же терпитъ она? Или ей на-руку?

Дураки вы, дураки,
Ровно съ медомъ бураки...

Должно, однако, согласиться, что есть въ меду семь ложка дегтю.

Юля 21. Алеша Милорадовичъ изъяснялъ мнѣ таинственное ученіе о безстрастномъ лобзаніи.

— Человѣкъ сообщаетъ въ ономъ магическую тинктуру для зачатія потомства, какъ нѣкогда Адамъ въ раю, и хотя уже нынѣ тинктура сія сообщается черезъ грубый каналъ, но въ небесной любви состояніе сверхнатуральное вновь достигается, въ коемъ дѣторожденіе происходитъ не по уставу естества, отъ плотскаго смѣшенія, а отъ лобзанія безстрастнаго...

Бѣдный Алеша! Сверхнатуральное состояніе довело его до злой чахотки.

Денщикомъ своимъ, рядовымъ Федуломъ Петровымъ, обращенъ былъ въ скопчество, влюбился въ ихнюю богородицу, дѣвку распутнаго поведенія, лебедянскую мѣщанку Катасанову, и самъ едва не оскотился

Когда узнали о томъ при дворѣ, — взбеленились наши кумушки: лейбъ-гвардіи поручикъ, генераль-губернатора племянникъ, красавецъ Алеша — скопецъ! Дѣло дошло до государя, и Кондратія Селиванова, учителя скопцовъ, изъ Петербурга выслали.

Филадельфійская церковь многое отъ нихъ заимствуетъ: сама, говорятъ, маменька была у нихъ на выучкѣ. «Господи,

если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки за полками!» говоритъ Поповъ о Селивановѣ.

Когда кончилъ Алеша о безстрастномъ лобзаніи,

— И вы, — говорю, — во все это вѣрите?

— Вѣрю. А что? Развѣ мало и въ христіанскихъ таинствахъ уму непостижнаго?

— Да, конечно... А помните, Алеша, Истому? Помните балы у Вяземскихъ? Какъ чудесно танцевали вы мазурку!

— Что, — говоритъ, — вспоминать безумства?

Потупился, а потомъ вдругъ поднялъ глаза, улыбнулся прежней улыбкой, и на блѣдныхъ щекахъ зардѣли два алая пятнышка.

— Нѣтъ, — говоритъ, — я не жалѣю о прошломъ. Вотъ, князь, вы говорите: балы, а знаете, радѣнья лучше всѣхъ баловъ...

Бѣдный Алеша!

юля 22. Не влюблены ли и мы въ маменьку, какъ Алеша въ свою богородицу?

— Маменька! Голубица моя! Возьми меня къ себѣ! — стонетъ, какъ томная горлица, краснорожій, толстобрюхій штабсъ-капитанъ Гагинъ.

— Малюточка моя, — утѣшаетъ маменька, — жалѣю и люблю тебя, какъ только мать можетъ любить свое дитяtko. Да будетъ изъ нашихъ сердець едино сердце Іисуса Христа!

А генераль-майоръ Головинъ, водившій нѣкогда фанагорійцевъ въ убійственный огонь Багратионовыхъ флешей, теперь у маменькиныхъ ногъ, — левъ, укрощенный голубкою.

Старая, больная, изнуренная, болѣе на мертвеца, чѣмъ на живого человѣка, похожая, — а я понимаю, что въ нее влюбиться можно. Страшно и сладостно сіе утонченное кровосмѣшеніе духовное: дѣтки, влюбленные въ маменьку.

Только дай себѣ волю, — и затоскуешь о желтенькихъ глазкахъ, какъ пьяница о рюмочкѣ.

Юля 23. Хорошо сказали о мистикахъ мистикъ Лабзинъ: «господа сіи заходятъ къ Богу съ задняго крыльца». И еще: «отъ ихней премудрости божественной—человѣчиною пахнетъ».

Юля 24. Никитушкѣ было пророчество:

Что же дѣлать? Какъ же быть?
Надо кровью Русь омыть.

И Прасковѣ Убогой тоже:

Я великаго царя
Въ сыру землю уложу...

Должно-быть, замѣтилъ Коссовичъ, когда мнѣ сказываль о томъ, какъ я поблѣднѣлъ.

Какой царь? Какая кровь?

А что, если пророчество исполнится? Соединеніе двухъ Тайныхъ Обществъ?

Юля 25. Говоря о гоненіяхъ, на Филадельфійскую церковь воздвигнутыхъ, генераль-майоръ Головинъ объявилъ: — Самъ дьяволъ поселился нынѣ въ сердцахъ всѣхъ лицъ высшаго правительства.

А у меня и уши на макушкѣ: не даромъ, думаю, мечтали нѣкогда издатели *Сіонскаго Вѣстника* о конституціи Христовымъ именемъ.

Заговорилъ я о политикѣ. Но не тутъ-то было, — маменька остановила меня:

— Мы, — говорить, — надежды наши простираемъ за предѣлы сего ничтожнаго міра, гдѣ бѣдствія полезнѣе радостей, а посему и не входимъ ни въ какія сужденія о дѣлахъ политическихъ...

Изъ одного Тайнаго Общества — въ другое: въ одномъ — люди безъ Бога, въ другомъ — Богъ безъ людей; а я между сихъ двухъ безумствъ, какъ между двухъ огней.

Опять — не соединено.

Юля 26. Жара, пыль, вонь. Скверно въ Петербургѣ лѣтомъ. Изъ лавочекъ кислою капустою несетъ, изъ строящихся домовъ — сыростью и нужникомъ: каменщики, гдѣ строятъ, тамъ и гадятъ. Ломовые везутъ желѣзныя полосы съ оглушающимъ грохотомъ. Съ лѣсовъ бѣлая известка сыплется. А голубое небо — какъ раскаленная мѣдь.

Брожу по улицамъ, точно во снѣ; иногда очнусь и не знаю, гдѣ я, что я, куда и откуда иду; голова кружится, ноги подкашиваются—вотъ-вотъ свалюсь.

Намедни въ Шестилавочной, вижу, пьяный маляръ сидитъ въ люлькѣ на веревкахъ, красить стѣну, поетъ что-то веселое, а когда опускаютъ люльку, — качается, ерзится въ ней, точно пляшетъ; гляжу на него и смѣюсь, что прохожіе смотрятъ; вспомнился тайный совѣтникъ Поповъ, подъ Никитушкину пѣсенку пляшущій:

Ай, душкѣ, душкѣ, душкѣ!
У Христа-то башмачки
Сафіяленькіе,
Мелкостроченные!

Смѣюсь, смѣюсь, а, пожалуй, и вправду досмѣюсь до этой горячки.

Юля 27. Художникъ Боровиковскій — старый добрый охоль, кажется, горькій пьяница. Затащилъ меня намедни въ ресторацію «пить съ ромомъ», то-есть чай съ ромомъ.

Подвыпивъ, доказывалъ, что «Божество есть высшая расота», и что онъ въ художествѣ красотѣ этой служить, а никто его не понимаетъ. На Филадельфійскихъ братьевъ жаловался.

— Ни одного нѣтъ искренняго ко мнѣ и любящаго, гдѣ нѣтъ любви, тамъ все ничто. Да вотъ хоть Мартына тепановича взять: сей господинъ Пилецкій, какъ пилотъ, илитъ сердце мое, отъ чего прихожу въ крайнее уныніе безнадежность. А тайный совѣтникъ Поповъ...

Тутъ рассказалъ онъ такое, что не знаю, вѣрить ли; вспоминаю желтенькіе глазки, что въ темнотѣ какъ ушки свѣтятся, — и, пожалуй, вѣрить готовъ.

Дочь Попова, Любенька, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, увстуетъ омерзѣніе къ Филадельфійскимъ таинствамъ маменьку въ глаза ругаетъ старою вѣдьмою, а кроткій зувѣръ Поповъ, полагая, что дочь его одержима бѣсами, для изгнанія оныхъ, истязуетъ ее, запираетъ въ чуланъ, орить голодомъ и сѣчетъ розгами такъ, что стѣны чулана

обрызганы кровью, — того и гляди, засѣчеть до смерти И все это, будто бы, по приказанію маменьки, полученной отъ Бога.

Безъ Бога—цареубійство, съ Богомъ—дѣтоубійство; о крови ушелъ я и къ крови пришелъ. Несоединеннаго соединія, двухъ Тайныхъ Обществъ основаніе единое—крое

Нѣтъ, тутъ ужъ не *человѣчиной* пахнетъ.

Бѣлая горячка! Бѣлая горячка!

Полно, будетъ съ меня. Пока не поздно — бѣжать.

Юля 28. Нельзя бѣжать, надо испить чашу до дна, пнать чужое безуміе, хотя бы самому разсудка лишиться

Алеша Милорадовичъ повѣдалъ мнѣ ученіе скопцо о Царѣ-Христѣ.

Кондратій Селивановъ есть государь императоръ Петръ Третій; онъ же второй Христось, Царь надъ всѣми царяи и Богъ надъ всѣми богами; вскорѣ воцарится на россійскомъ престолѣ, и весь міръ признаетъ его Сыномъ Божиимъ.

Такъ вотъ что значитъ «государя россійскіе суть главы церкви!» Вотъ кого хотѣли мы убить изъ игрушечнаго пистолетика! Это уже не полотенце, которое привидѣніемъ кажется а оно само.

Что въ парижскихъ бесѣдахъ съ Чаадаевымъ видѣли мнѣ смутно, какъ въ вѣщемъ снѣ, то наяву исполнилось; и совершено незавершенное, досказано недосказанное, замкну незамкнутый кругъ.

Бѣжать отъ этого — бѣжать отъ истины.

Я попросилъ Алешу сводить меня къ скопцамъ.

Юля 31. Былъ у скопцовъ. Спасибо дядюшкѣ, Александру Николаевичу Голицыну: они считаютъ его своимъ благодѣтелемъ, и меня, какъ родного, приняли.

— Ну, князенька, да ты никакъ *приведень*? — сказали мнѣ уставщикъ ихній, Гробовъ.

«Приведень» — значитъ обращенъ въ скопчество.

Когда же я отъ сей чести отказался, онъ усмѣхнулся лукаво.

— Я сквозь тебя вижу, ваше сіятельство; вамъ не скрыть, не станть, за спиной не схоронить: вы, благодѣтели наши, того же хотите...

— Чего мы хотимъ?

— А чтобъ Господь на землѣ самодержавно царствовалъ.

Августа 1. На Васильевскомъ островѣ, на углу 13-й линіи и Малаго — трактиръ купца Ананьева; въ нижнемъ этажѣ заведеніе или, попросту, кабакъ, а въ верхнемъ — горницы «чистыя», хотя тоже довольно грязныя. Въ одной изъ нихъ происходятъ бесѣды наши.

— Солнце бьетъ въ окна, мухи жужжать. На столѣ — самоварище; парь такой, что запотѣло зеркало. Скопцы любятъ чай: за одну бесѣду выпиваютъ самоваровъ полдюжины; а когда распарятся, пахнетъ отъ нихъ потомъ, — запахъ, напоминающій выхухоль. Лица — желтыя, сморщенные, точно водяной раздутыя. Жутко мнѣ было сначала, а потомъ ничего привыкъ. Люди какъ люди; безъ бородъ, безъ усовъ и безъ прочаго, но не безъ ума. Природные философы.

Еще бѣльшая здѣсь демокрація, чѣмъ у маменьки. Самъ хозяинъ трактира, купецъ Ананьевъ, Милютинъ, Ненастьевъ, Солодовниковъ — все милліонщики, — и тутъ же саечный разносчикъ, мѣщанинъ Курилкинъ; бѣглый солдатъ артиллерійскаго гарнизона, фейерверкеръ Иванъ Будылинъ; рядовой Ѳедуль Петровъ, тотъ самый, что обратилъ Алешу въ скопчество; и канцеляристъ Душечкинъ, во фракѣ, съ медалью 12-го года; а самая важная особа — придворный лакей Кобелевъ. Сосланъ въ Соловецкій монастырь, бѣжалъ оттуда и проживаетъ въ столицѣ по фальшивому паспорту. Старичокъ слѣпенькій, глухенькій; шамкаетъ невразумительно. Въ Ропшѣ былъ въ 1762 году и «своими глазами видѣлъ все». Свидѣтельствуеть, что Кондратій Селивановъ есть государь императоръ Петръ Третій.

Мы съ Алешею сидимъ на диванѣ, скопцы на стульяхъ, по стѣнкѣ, а по серединѣ комнаты уставщикъ Гробовъ читаетъ наизусть, какъ дьячокъ, *Страданій свѣта истиннаго*

государя батюшки оглашеніе — повѣсть о томъ, какъ російскій самодержецъ «пошелъ волей на страды».

Сынъ пренепорочной дѣвы, императрицы Елизаветы Петровны, воспитанъ и оскропленъ въ Голштиніи. Супруга его императрица Екатерина Вторая, предавшись *лѣпости* — похоти, задумала убить мужа, когда узнала, что онъ неспособенъ къ сожителству брачному. Но тотъ бѣжалъ изъ Ропшинскаго дворца въ платьѣ убитаго за него часового. Въ Москвѣ схваченъ оберъ-полицеймейстеромъ Архаровымъ, битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь на каторгу, гдѣ скованъ кандалами поножно съ разбойникомъ Иваномъ Блохою, первымъ исповѣдникомъ Сына Божіаго. Опять бѣжалъ; укрывался въ падежной ямѣ, во ржи, въ подпольѣ, въ свиномъ корытѣ. «Такъ было мнѣ, Богу Всевышнему, небо — свиное корыто», говоритъ искупитель; и опять схваченъ: шейку желѣзомъ оковали, ротикъ рвали, били плетьюми, окровянили рубашечку, изъ тюрьмы въ тюрьму волочили. «Я, — говоритъ, — сто тюремъ обошелъ и васъ, дѣтушекъ, нашель».

— Такъ страдалъ творецъ отъ твари! — заключаетъ Гробовъ, и слушатели всѣ вздыхаютъ:

— Столько-то нашъ государь-батюшка изволилъ страдать, а мы за него не хотимъ!

Отъ умиленія плачутъ и еще больше потѣютъ, — такая въ воздухѣ выхухоль, что мнѣ почти дурно.

А изъ кабака снизу пьяныя пѣсни доносятся. «У меня-де, отца, много дѣтушекъ еще за кабаками валяется, а мнѣ и пьяницъ-то жалъ!» говоритъ искупитель.

Уставщикъ продолжаетъ читать Оглашеніе и открываетъ послѣднюю тайну Царя-Христа. Бѣлый Царь — значить *убѣленный*, оскропленный:

Какъ Христова пелена,
Наца плоть убѣлена.

«Нынѣ-де порфира царская — отъ крови алая, но кровью Агнца убѣлится паче снѣга, — тогда и будетъ Бѣлый Царь. Бѣлымъ станетъ красное солнышко, — и весь міръ убѣлится».

«И тогда, — говоритъ искупитель, — соберу я всѣхъ дѣтушекъ подъ единый кровъ. И вся земля миѣ поклонится; и цари земные повергнутъ скипетры и вѣнцы къ стопамъ онымъ, и будетъ царствіе мое на землѣ, какъ на небѣхъ».

Безумство, бредъ, — а что-то знакомое слышится: не епта ли императора Александра Благословеннаго — есокра-
я, царство Божье, монаршею волей объявленное, — Свя-
енный Союзъ?

И еще иная мечта (объ этомъ никто не знаетъ, а я слы-
алъ отъ Софьи) — отреченіе государя отъ престола — не
ѣ же ли *страды*? Не мечта ли всей Россіи — страдающій
арь, страдающій Богъ?

Августа 2. «Въ русскомъ царѣ — самъ Богъ Саваоѣ
съ ручками, и съ ножками», говорятъ скопцы и смотрять
евинно, какъ дѣти. Тоже растлѣніе дѣтей.

Кто это сдѣлалъ? Кто виноватъ?

Не всей ли Россіи вина — на малыхъ сихъ, и не дастъ
и отвѣтъ за нихъ Богу вся Россія?

Августа 3. Намедни бѣглый солдатъ Иванъ Будылинъ
оказывалъ старинный серебряный рубль и полтину:

— Знаете, — говоритъ, — дѣтушки, чьи портреты?

— Знаемъ: батюшкинъ и матушкинъ.

И, крестясь, цѣловали на рублѣ изображение Петра
ретьяго, а на полтинѣ — Елизаветы Петровны, — Хри-
га и Божьей Матери

Августа 4. Оскопляютъ себя, лишаютъ естества мужско-
о, дабы пламенить любовью женственной къ Царю, Жениху
диному

Августа 5. Не все у нихъ бредъ, не все сказка — есть
быль.

Въ 1805 году, осенью, передъ Аустерлицкимъ походомъ,
мператоръ Александръ I посѣтилъ Кондратія Сельванова,
олго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, и тотъ, будто бы пред-
казалъ ему неудачу похода.

О свиданіи томъ въ ихнихъ пѣсняхъ поется:

Какъ во Питерѣ, во градѣ,
Чудеса тутъ претворились:
Не два солища сокатились, —
Пришелъ явный государь
Ко небесному въ алтарь.

«Я всего отрекся и все Алексашѣ отдалъ», говорит испукитель.

У дядюшки моего, министра, видѣлъ я секретную записку Магницкаго, поданную государю въ прошломъ 182 году: *Планъ воспитанія народнаго*. «Въ Россіи въ основнѣ начало народнаго воспитанія должно положить двѣ религіи-перваго и втораго величества». Слова сіи тогда же, у дядюшки я выписалъ. И далѣе: «вѣрный сынъ церкви православно истиннымъ помазанникомъ, Христомъ Божиимъ, не можетъ признать никого, кромѣ Помазаннаго на царство церкви православною».

Такъ вотъ что значить *религія двухъ величествъ*: однѣ величество — Христось, Царь Небесный; другое — Христось, царь земной, самодержецъ російскій:

Пришелъ явный государь
Ко небесному въ алтарь.

Завершено незавершенное, досказано недосказанное замкнуть незамкнутый кругъ.

Августа 6. Алеша Милорадовичъ досталъ у придворнаго лакея Кобелева прожектъ скопца-камергера, статскаго совѣтника, Алексѣя Михайловича Еленскаго объ учрежденіи въ Россіи еократическаго образа правленія. Въ 1804 году незадолго до свиданія «двухъ величествъ», прожектъ поданъ государю черезъ товарища министра юстиціи, Никола Николаевича Новосильцева.

Для успѣшной борьбы съ Наполеономъ камергеръ Еленскій предлагалъ учредить *Божественную Канцелярію* изъ православныхъ іеромонаховъ и скопцовъ-пророковъ. Іеромонахи должны быть учеными, а пророки — «протячками»

потому что «вся благодать въ простычкахъ». По одному іеромонаху съ пророкомъ на каждый военный корабль и въ каждую дивизію дѣйствующей арміи, дабы секретно пророческимъ гласомъ совѣтъ предлагать. Самъ камергеръ Еленскій съ двѣнадцатю пророками обязанъ всегда находиться при главномъ военномъ штабѣ: «а нашъ Настоятель Богодухновенный Сосудъ (Кондратій Селивановъ) — при лицѣ самого государя императора». Когда все это будетъ исполнено, то «и безъ великихъ силъ военныхъ побѣдитъ Господь всѣхъ враговъ и защититъ возлюбленную Россію Свою, да познаетъ весь міръ, яко съ нами Богъ».

Камергеръ Еленскій заточень въ Суздальскую крѣпость, а черезъ десять лѣтъ прожектъ исполненъ, учреждена, подъ видомъ Священнаго Союза, Божественная Канцелярія.

Августа 7. Видѣлъ Рылѣва издали на улицѣ.

Какъ давно, какъ далеко, точно въ міръ иномъ!

Я перешель на другую сторону, какъ будто испугался, застыдился. Чего же? Развѣ я въ чемъ виноватъ передъ ними и развѣ не совсѣмъ ушелъ отъ нихъ?

А какъ бы имъ надо знать то, что я теперь знаю. Если бы поняли! Да нѣтъ, не поймутъ.

Августа 8. На радѣньи у скопцовъ—съ шести часовъ вечера до шести утра. Шатаюсь, какъ пьяный; горячка, должно-быть, начинается. Ну что жъ, слава Богу! Надо же, чтобъ все это чѣмъ-нибудь кончилось.

Горній Сіонъ—домъ купца Солодовникова, въ Хлѣбномъ тереулкѣ, Литейной части, у Лиговки, одноэтажный, деревянный, окруженный садомъ, съ горенкой вверху, гдѣ жилъ икупитель. Надъ дверями горенки золотыми буквами: *Святыи Храмъ*. Стѣны выкрашены небесно-голубою краскою; потолокъ расписанъ херувимами; на полу коверъ съ вытканными ангелами и архангелами. Высокое ложе съ кисейнымъ пологомъ и золотыми кистями. Здѣсь, на пуховикахъ, какъ на облакахъ небесныхъ, возлежалъ нѣкогда царь-батюшка,

самъ Богъ Саваоѣ. Тутъ же на стѣнѣ—портретъ его: дре- ній старикъ, похожій на бабу; на головѣ и бородѣ волос тонкіе, рѣдкіе; сѣдина съ желтизной; остриженъ по-крестьян ски. Одѣтъ въ богатый левантиновый шлафрокъ. На колѣ няхъ бѣлый, съ голубыми и красными цвѣточками, платокъ— «Божій покровъ». Скопцы прикладываются къ портрету какъ къ образу, крестясь и приговаривая: «здравствуй, госу дарь-батюшка, красное солнышко!» Многіе чувствуютъ пр семь теплоту, какъ отъ живого тѣла, и благоуханіе.

Радѣнье происходило внизу, въ двухъ большихъ гоу ницахъ съ гладкимъ липовымъ поломъ; одна—для мужчинъ другая—для женщинъ. Комнаты раздѣлены узкимъ прох домъ съ двумя широкими и низкими, почти вровень съ по ломъ, окнами-дверьми, одно противъ другого—въ мужску половину и въ женскую. Здѣсь ставилось высокое ложе ца ское, съ коего батюшка благословлялъ радѣющихъ.

Мужчины въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ-саванахъ; же щины въ бѣлыхъ сарафанахъ сидѣли на лавкахъ чинно въ лѣвой рукѣ—бѣлый платокъ, а въ правой—зажженна восковая свѣча; ноги босы.

Среди женщинъ—та самая лебедянская мѣщанка, дѣв ца Катасанова, матушка Акулина Ивановна, богородица въ которую влюбленъ Алеша. Красавица, а по лицу видно что могла сдѣлать то, что о ней говорятъ: дѣвкѣ Феклѣ из ревности выжгла сосцы раскаленнымъ желѣзомъ, «до ко точки».

Запѣли голосами протяжными, глухими, какъ бы дал еними:

Царство, ты царство, духовное царство,— пѣсню, коей всегда начинается радѣнье.

Въ мужской половинѣ, на середину комнаты вышелъ ст ричокъ благообразный, на скопца непохожій, отставной со датъ инвалидной команды, Иванъ Плохой, вѣстникъ оу заточеннаго въ Суэдалѣ государя-батюшки. Всѣ встали крестясь обѣими руками (птица не летаетъ обѣ одномъ крыл а молитва есть полетъ *блага голубя*); поклонились ему тр жды. Онъ отвѣтилъ земнымъ поклономъ и началъ раздава

изъ кулька батюшкины гостинцы: отъ царскаго стола корочки, сухарики, жамочки, финифтяные образки и «части живыхъ мощей»—ладанки съ волосами и обрѣзками ногтей, пузырьки съ водою, въ которой батюшка мыль ноги, и лоскутки его, государевыхъ, подштанниковъ. По тому, какъ принимаются дары сѣи, видно, что онъ для нихъ воистину Богъ, «и съ ручками и съ ножками».

Потомъ громкимъ голосомъ, такъ что слышно было въ обѣихъ горницахъ, вѣстникъ проговорилъ слова, которыя велѣлъ сказать батюшка:

— «Я,—говорить отецъ,—весель и только тѣломъ въ неволѣ, а духомъ всегда съ вами, дѣтушки! Не оставлю васъ; вы мои послѣдніе сироты!»

Дальше старичокъ отъ умиленія говорить не могъ—заплакалъ, и всѣ начали плакать. Плачь перешелъ въ вопль, въ рыданіе и въ пѣсню, пронзительно-унылую, подобную тѣмъ, коими причитають бабы въ деревняхъ, надъ покойникомъ:

Ахъ, ты, свѣтъ, наше красно-солнышко,
Государь ты нашъ, родимый батюшка!
Укатило наше красно-солнышко,
Ты во дальнюю сторонушку!

Разстройство ли нервовъ, дѣйствіе ли звуковъ сихъ, хватающихъ за сердце, но я едва удерживался отъ слезъ. Какъ бы истина во лжи мнѣ слышалась: все та же молитва—*adveniat regnum tuum*—изъ пренеподней возглашенная.

Наконецъ рыданіе стихло, и зашептали всѣ другъ другу на ухо тайную вѣсть:

— Батюшка родимый отъ насъ недалече, изъ темницы выведенъ и скоро явится...

— Явится! Явится!—пронесся радостный шопоть въ толпѣ, какъ въ лѣсу весенній шумъ.

Лица просвѣтлѣли, и вдругъ плясовая, веселая пѣсня грянула:

Какъ у насъ на Дону,
Самъ Спаситель во дому!

Пѣли и хлопали въ ладоши, ударяли себя по колѣнямъ, по ляжкамъ; топали ногами въ ладъ и тяжело, отрывисто дышали, всѣ въ разъ, какъ одинъ человѣкъ.

Какъ у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому
И со ангелами,
Со архангелами.

Вдругъ смолкли, и въ тишинѣ зазвенѣлъ одинъ женскій голосъ, чудесный—сама Каталани позавидовала бы; то пѣла Катасанова:

Мой сладимый виноградъ —
Паче всѣхъ земныхъ отрадъ.
Соколь съ неба сокатися,
Духъ Небесный вострепенися!

Морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ; раскаленное желѣзо, коимъ сосцы у дѣвки Феклы выжжены, слышалось мнѣ въ этомъ голосѣ.

И опять всѣ голоса слились торжественно, дико и грозно, какъ голоса налетающей бури:

Претворилися такія чудеса,
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя...

И вдругъ что-то покатилося, закружилось, бѣлое. Трудно было повѣрить, что это человѣкъ: ни лица, ни рукъ, ни ногъ—только бѣлый вертящійся столбъ, какъ столбъ снѣга въ метели, а тамъ и другой, и еще, и еще, и еще—вся комната наполнилась бѣлыми вихрями. Рубахи саваны, вздувшись отъ воздуха, образовали эти столбы. Вертятся, вертятся, вертятся—и вѣтра вой, свистъ, визгъ, какъ отъ снѣжной бури въ степи.

Я глядѣлъ, и голова у меня кружилась; иногда забывался, какъ будто терялъ сознание, и казалось мнѣ, что вмѣстѣ со всѣми лечу и я; иногда опоминался и видѣлъ; какъ плясуны, изнеможенные, остановившись, выжимали мокрая отъ пота рубахи, вытирали полотенцами лужи пота на полу, и зна-

омый острый запах душилъ меня, какъ выхухоль; но отчасъ же опять забывался я.

Испытывалъ чувство неизъяснимое: сквозь ужасъ—восторгъ, подобный тому, который я испытывалъ уже разъ, много лѣтъ назадъ, когда на Лейпцигскомъ полѣ, передъ сраженіемъ, мимо нашей дивизіи проскакалъ на конѣ государь императоръ, и съ пятидесятитысячною громадою войскъ кричалъ я «ура!» и готовъ былъ, умирая, сказать царю моему, Богу моему: «здравствуй, государь-батюшка, красное солнышко!»

Тогда—красное, а нынѣ—бѣлое. И съ бѣлой метелью къ бѣлому солнцу лечу...

Сентября 9. Возобновляю записки сіи черезъ мѣсяць, въ Царскомъ Селѣ, въ Китайскомъ домикѣ, куда перевезъ меня дядюшка.

Я былъ боленъ, дней десять лежалъ безъ памяти, едва кивъ остался. Поправляюсь медленно, но все еще слабъ.

Дни тихіе, теплые, точно весенніе. Желтые листья кружатся, какъ золотыя бабочки; паутинки летаютъ осеннія въ хрустально-чистомъ воздухѣ; томно блѣднѣютъ астры, ярко темнѣютъ георгины печальныя. А изъ голубого неба куравлей невидимыхъ крики доносятся, какъ будто зовутъ они въ страну, откуда путникъ не возвращается.

Сентября 10. Царское Село опустѣло. Государь уѣхалъ 6 августа въ восточныя губерніи. Императрица Елизавета Алексѣевна живетъ во дворцѣ одна, ея почти не видно и не слышно.

Государь передъ отъѣздомъ обо мнѣ спрашивалъ дядюшку, желалъ видѣть меня и, когда узналъ, что я боленъ, послалъ ко мнѣ лейбъ-медика Штофрегена, который, говоря, спасъ мнѣ жизнь: Коссовичъ залѣчилъ бы до смерти. Такъ вотъ отчего былъ такъ заботливъ дядюшка: не ему, а государю обязанъ я спасеніемъ жизни.

Штофрегень говоритъ: «скоро молодцомъ будете». Да, бѣло здорово, живъ,—а жить нечѣмъ.

Сентября 12. Николай Михайловичъ Карамзинъ—мо-
сосѣдъ по Китайскому домику. Мы съ нимъ знакомцы давні
встрѣчались у Олениныхъ и Вяземскихъ. Дядюшка пор-
чилъ меня заботамъ Катерины Андреевны Карамзиной; онъ
ко мнѣ добра; Николай Михайловичъ тоже: знаетъ, конечно
и онъ о государевой милости; намекаетъ на камергерство
мое въ скоромъ будущемъ.

Милый старикъ—весь тихій, тишайшій, осенній, в-
черній. Высокаго роста; полусѣдые волосы на верхъ плы-
шивой головы зачесаны; лицо продолговатое, тонкое, блѣ-
ное; около рта двѣ морщины глубокія: въ нихъ—*Бѣднѣ*
Лиза—меланхолія и чувствительность. Смѣяться не умѣетъ
какъ маленькія дѣти, странно и жалобно всхлипываетъ; за-
улыбка всегдашняя,—скромная, старинно-любезная,—та-
теперь уже никто не улыбается. Орденская звѣзда на дли-
нополой бекешѣ, тоже старинной; и пахнетъ отъ него по-
старинному, табачкомъ нюхательнымъ да цвѣтомъ чайнаго
деревца. Тихій голосъ, какъ шелестъ осеннихъ листьевъ.

Гуляемъ въ паркѣ; Штофрегенъ позволилъ мнѣ прогулку
недолгія. Шагами тихими и ровными ходимъ, оба опирая-
на палочки, какъ старики-ровесники.

Царскосельскія кущи въ багрецѣ и золотѣ осени; блѣ-
ныя мраморы статуй, какъ блѣдные призраки, желтые листья
подъ ногами шуршащіе; лебединые клики съ туманныхъ озеръ
въ наступающихъ сумеркахъ—все наводитъ ту меланхо-
лію сладкую, коей нѣкогда былъ Карамзинъ пѣвцомъ стол-
плѣнительнымъ.

А когда вижу императрицу издали, въ вечерней тѣни
какъ тѣнь, проходящую, то кажется,—всѣ мы трое—тѣни
отошедшія въ царство тѣней, въ безмолвный Элизіумъ.

Сентября 18. Жизнь Карамзина единообразна, какъ мая-
ника ходъ въ старинныхъ часахъ англійскихъ. Утромъ р-
бота надъ XII томомъ «Исторіи Государства Россійскаго»
«Въ хорошіе часы мои,—говоритъ,—описываю ужасы Иоанна
Грознаго». Потомъ—прогулка пѣшкомъ или верхомъ, да
въ самую дурную погоду: «послѣ такой прогулки,—гов-

рить,—лучше чувствуешь прїятность теплой комнаты». Обѣдъ непременно съ любимымъ рисовымъ блюдомъ. Трубка табу, не больше одной въ день. Нюхательный французскій— всегда у Дазера покупается, а чай съ Макарьевской ярмарки выписывается, каждый годъ по цыбику. На ужинъ—два печеныхъ яблока и стараго портвейна рюмочка.

Катерина Андреевна еще не старая женщина: прекрасна, холодна и бѣла, какъ снѣжная статуя, настоящая муза важнаго историографа. Когда благонаправныя дѣтки собираются вокругъ маменьки вечеромъ, за круглымъ чайнымъ столомъ, подъ уютною лампою, и она креститъ ихъ передъ сномъ: «bonne nuit, papa! bonne nuit, maman!»—залюбоваться можно, какъ на картинку Грезову. Потомъ жена или старшая дочь читаетъ вслухъ усыпительные романы госпожи Сюза. Николай Михайловичъ садится спиной къ лампѣ, сберегая зрѣніе, и въ чувствительныхъ мѣстахъ плачетъ. А ровно въ десять, съ послѣднимъ ударомъ часовъ, всѣ отходятъ ко сну.

— Лѣта и характеръ,—говоритъ,—склоняютъ меня къ тихой жизни семейственной: день за день, нынче какъ вчера. Усердно благодарю Бога за всякій спокойный день.

— Ваше превосходительство,—говорю,—вы мастеръ жить! А онъ улыбается тихой улыбкой.

— Счастье,—говоритъ,—есть отсутствіе золь, а мудрость житейская—наслаждаться всякій день, чѣмъ Богъ послалъ. Въ тихихъ удовольствіяхъ жизни успокоенной, единообразной хотѣлъ бы я сказать солнцу: «остановись!» Теперь главное мое желаніе—не желать ничего, ничего. Творца молю, чтобъ Онъ безъ всякихъ прибавленій оставилъ все, какъ есть...

Можетъ-быть, онъ и правъ, а только все миѣ кажется, что мы съ нимъ давно уже умерли и въ царствѣ мертвыхъ о жизни бесѣдуемъ.

Сентября 19. Золотая осень кончилась. Дождь, слякоть, холодъ. Осенній Борей шумитъ въ оголенныхъ вѣтвяхъ, срываетъ и гонитъ послѣдній желтый листъ.

У Катерины Андреевны флюсь; у Андриюши горло подвязано; у маленькой кашель—не дай Богъ, конклюшь. Николай Михайловичъ на ревматизмы жалуется, брюзжить:

— Повара хорошаго купить нельзя, продають однихъ неспособныхъ пьяницъ и воровъ. Отослалъ намедни Тимошку въ полицію для наказанія розгами и велѣлъ отдать въ рекруты.

Я молчу. Онъ знаетъ, что я рѣшилъ отпустить на волю крестьянъ, и не одобряетъ, хочетъ наставить меня на путь истины.

— Не знаю,—говорить,—дойдутъ ли люди до свободы гражданской, но знаю, что путь дальній и дорога не гладкая.

Я все молчу, а онъ смотритъ на меня исподлобья, нюхаетъ табакъ и тяжело вздыхаетъ.

— Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ русскій, но для истиннаго благополучія крестьянъ желаю единственно того, чтобы имѣли они добрыхъ господъ и средства къ просвѣщенію.

Всталъ, подошелъ къ столу, отыскалъ письмо, къ своимъ крестьянамъ въ нижегородское имѣніе Бортное и, какъ будто для совѣта съ Катериной Андреевной, а на самомъ дѣлѣ для моего наставленія, прочелъ:

— «Я—вашъ отецъ и судія; я васъ всѣхъ люблю, какъ дѣтей своихъ, и отвѣчаю за васъ Богу. Мое дѣло знать, что справедливо и полезно. Пустыми просьбами не докучайте мнѣ, живите смирно, слушайте бурмистра, платите оброки, а если будете буянствовать, то буду просить содѣйствія военнаго генераль-губернатора, дабы строгими мѣрами принудить васъ къ платежу исправному»:

И въ заключеніе приказъ: «буяновъ, если не уймутся, высѣчь розгами».

А вечеромъ надъ романомъ госпожи Сюзà опять будетъ плакать.

Сентября 20. Хвалитъ Аракчеева:

— Человѣкъ государственный,—замѣнить его другимъ не легко. Больше лицъ, нежели головъ, а душъ еще меньше.

Бранить Пушкина:

— Талантъ, дѣйствительно, прекрасный; жаль, что нѣтъ мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія. Ежели не исправится,—будетъ чортомъ еще до отбытія своего въ адъ.

Октября 10. Опротивѣлъ мнѣ Китайскій домикъ. Иногда хочется бѣжать куда глаза глядятъ отъ этого милаго старика, отъ любезной улыбки его и прилизанныхъ височковъ, отъ бѣлоснѣжной Катерины Андреевны и благонравныхъ дѣтокъ, отъ черешневой трубки (не больше одной трубки въ день) и макарьевскихъ цыбиковъ чая, отъ слезливыхъ романовъ госпожи Сюзà и писемъ бурмистру о розгахъ, и двѣнадцати томовъ Исторіи, въ коихъ онъ—

Доказываетъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Николай Михайловичъ, кажется, знаетъ, что я—членъ Тайнаго Общества, и душу у меня выматываетъ разговорами о политикѣ.

— Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить наверху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Не такъ ли?

Я соглашаюсь, а онъ продолжаетъ:

— Я хвалю самодержавіе, а не либеральныя идеи, то есть хвалю печи зимою въ сѣверномъ климатѣ. Свободу намъ даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ съ помощью Божьей. Я презираю либералистовъ нынѣшнихъ и люблю только ту свободу, которую никакой тиранъ у меня не можетъ отнять...

Я опять соглашаюсь, а онъ опять продолжаетъ:

— Пусть молодежь ярится; мы, старики, улыбаемся: будетъ чему быть—и все къ лучшему, когда есть Богъ. Моя политика—религія. Не зная для чего, знаю, что все должно быть, какъ есть...

А я молчу, молчу,—мнѣ все равно, только бы отпустилъ душу на покаяніе.

Но иногда кажется, что этотъ старикъ, милый, умный, добрый, честный, опаснѣе самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ и разбойниковъ. Если погибнетъ Россія, то не отъ глада, труса и мора, а отъ этой тишайшей мудрости: все должно быть, какъ есть.

Октября 13. Николай Михайловичъ любитъ жить на дачѣ до перваго снѣга. Вотъ и дождались: сегодня зарѣяли бѣлыя мухи, а къ вечеру повалилъ снѣгъ хлопьями и на черную землю опустился бѣлымъ саваномъ. Всѣ звуки заглохли, какъ подъ мягкою подушкою; только откуда-то далекій-далекій, точно похоронный, доносится колоколь.

Сижу у камелька, гляжу на пепель гаснущій и вспоминаю о томъ, что было въ жизни,—какъ, должно-быть, вспоминаютъ мертвые.

Я зналъ когда-то, что *все не должно быть, какъ есть*; я и теперь знаю, что тѣ, отъ кого я ушелъ, члены Тайнаго Общества, правы правотою вѣчною передъ людьми и передъ Богомъ. Бѣлой горячкой, которой больна вся Россія, мнѣ надо было самому переболѣть, чтобы это узнать; зато знаю теперь, какъ никогда еще не зналъ, что правы они. И пусть все, что дѣлаютъ,—безумство, ничтожество, кровь и грязь: но все, чего хотятъ,—истина, и сейчасъ для Россіи иной истины нѣтъ, нѣтъ иного спасенія отъ буйнаго бреда бѣлой горячки и отъ оной тишайшей мудрости: все должно быть, какъ есть. И пусть ихъ подвигъ не свершенье, а только возвѣщенье, пророчество, но если не будетъ оно услышано,—погибнетъ Россія.

Да, все это знаю, какъ знаютъ мертвые. Я измѣнилъ, ушелъ отъ крови и грязи. Вотъ и чистъ,—чистъ и мертвъ.

Черная земля подъ бѣлымъ саваномъ, тишина могильная, похоронный колоколь. Конецъ всему: «не зная для чего, знаю, что все должно быть, какъ есть».

Октября 14.

Не узнавая, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла.
О, другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.
Нашла ли ихъ, сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь: обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все: я въ сторонѣ свидавья,
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.
Другъ! на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнять.
О, милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Стихи Жуковского. Зачѣмъ я ихъ выписалъ?

Я думалъ, Софья хочетъ, чтобъ я ушелъ изъ Тайнаго Общества, и когда уйду, она вернется ко мнѣ. Но вотъ не вернулась. И мнѣ теперь кажется, что, уходя отъ *нихъ*, я отъ нея ушелъ.

Октября 15. Что это было? Сонъ, призракъ, видѣнье— я знаю. Знаю только, что *было*. Исполнила она свое обѣщаніе предсмертное: «всегда съ тобою, и оттуда приходитъ мнѣ».

Проснувшись я плакалъ отъ радости. Отчего эта радость, не помню; помню только, что Софья велѣла мнѣ вернуться къ *нимъ*, мои же слова мнѣ напомнила: «ничего не спасаютъ, никого не спасутъ, только себя погубятъ, а все-таки правда Божья у *нихъ*. И пусть недостойнъ я, пусть беру не по силамъ, а отъ *нихъ* не уйду...»

Только теперь понялъ я, что эти слова значать. И пусть придетъ опять страхъ, смѣхъ, уныніе, отчаянье, кровь и грязь, и того, что понялъ, я уже никогда не забуду.

Другъ! на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнять.
О, милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Опять могу плакать, могу молиться, какъ сегодня я нею молился.

«Сохрани, помоги, помилуй насъ всѣхъ, Господи! Спас Матерь Пречистая!»

Октября 16. Переѣхалъ въ Петербургъ, къ Одоевскому. Сказалъ Пушкину, что хочу вернуться въ Тайное Общество примутъ ли? не считаютъ ли измѣнникомъ? Онъ молча снялъ меня и поцѣловалъ, какъ братъ.

Октября 17. Видѣлъ всѣхъ. Обрадовались мнѣ. Рылѣе кинулся на шею и заплакалъ. Кюхля замахалъ руками такъ что опрокинулъ бутылку и разбилъ стаканъ. Батенковъ возобновилъ разговоръ о монархическомъ и республиканскомъ правленіи, за шесть мѣсяцевъ начатый, какъ будто ниче не случилось. А Каховскій все такъ же стоялъ у печки скрестивъ руки на груди по-наполеоновски, и усмѣхал презрительно.

Милые, родные! Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Хороши или плохи, они у насъ единственные и другихъ не будетъ.

Октября 24. Предлагаютъ мнѣ для переговоровъ Южными ѣхать въ Васильковъ къ Сергѣю Муравьеву и Тульчинъ къ Пестелю. Я готовъ хоть сейчасъ.

Октября 26. Нѣтъ, сейчасъ не поѣду. Вчера вернул государь, и дядюшка говоритъ, что обо мнѣ спрашивал Подожду свиданія съ государемъ: такъ Софья хочетъ.

Ноября 5. Пушкинъ показывалъ *Православный Катехизисъ* для возмущенія войскъ и простого народа, Сергѣемъ Муравьевымъ составленный. Въ Катехизисѣ сказано:

— «Для чего русскій народъ и русское воинство несчастны

— «Для того, что похитили... у него свободу.

— «Что же святой законъ нашъ повелѣваетъ дѣла русскому народу и воинству?»

— «Раскаяться въ долгомъ раболѣпін и, ополчась противъ тиранства и нечестія, поклясться, да будетъ всѣмъ единъ Царь на небеси и на земли—Иисусъ Христось».

Точнѣе, прямѣе нельзя сказать—и доколѣ этого не скажутъ всѣ, въ Россіи свободы не будетъ.

Я думалъ, что я одинъ знаю; но вотъ уже не одинъ.

И пусть мы только знаемъ, только скажемъ другимъ, а сами ничего не сдѣлаемъ,—когда другіе сдѣлаютъ, то вспомнить и о насъ.

Часть четвертая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Императрица Елизавета Алексѣевна, стоя передъ зеркаломъ, надѣвала головной уборъ съ райскою птичкою мужнинъ подарокъ. Такіе уборы были въ модѣ лѣтъ десять назадъ; но то, что ему, государю, нравилось, было для нея вѣчною модою.

Наряжалась, какъ влюбленная дѣвочка; подумала об этомъ — и покраснѣла, глядя въ зеркало.

«Ну развѣ такая можетъ нравиться? Старая, злая нѣмка. Вонъ и кончикъ носа красный, какъ у всѣхъ старыхъ плакъ. Это оттого, что, когда плачу, слишкомъ часто сморкаюсь. И губы поджаты съ видомъ жертвы,—какъ это по-русски! Да, *подскима...*»

Отвернулась съ досадою отъ зеркала и перешла въ свой кабинетъ. Здѣсь, у камина, въ уютномъ уголкѣ изъ мягкой мебели, столиковъ и ширмочекъ, приготовленъ былъ чайный приборъ: ждала государя къ вечернему чаю. Осмотрѣла все ли въ порядкѣ: заваренъ ли чай, какъ слѣдуетъ; ели ли крендельки съ анисомъ, варенье,—все, что онъ любитъ, а на другомъ столикѣ — шашки, бирюльки, карты: иногда въ экарте или въ мушку игриваль. Перемѣнила на лампѣ розовый щитокъ на зеленый — его любимый цвѣтъ.

Присѣла къ камину, задумалась.

Теперь, когда не смотрѣлась въ зеркало, лицо ея было прекрасно. Психеей называли ее въ юности. Тогда у нея были дѣтски удивленные глаза, дѣтски падающія плечи и, подъ слишкомъ тяжелымъ золотомъ волосъ, шея дѣтски

гонкая, какъ стебель, гнущійся подь бременемъ цвѣтка. Та юная прелесть увяла. Но теперь — иная, неувядаемая: если тогда была музыка, то теперь тишина послѣ музыки.

Думала, зачѣмъ въ послѣднее время государь такъ часто съ нею видится. Знала по опыту, что, когда ему хорошо, она ненужна, и привыкла къ этому такъ, что каждый разъ, какъ онъ приближался къ ней, спрашивала себя: «зачѣмъ? что съ нимъ?»—и всегда угадывала. Но теперь не могла угадать, только чувствовала, что есть что-то страшное для нихъ обоихъ. Вспомнилась кроткая, какъ бѣдливо, улыбка его во время послѣдней болѣзни, когда онъ говорилъ:

— Не знаю, оттого ли, что я очень боленъ, или уже годы не тѣ, но я не имѣю силы бороться съ болѣзьюю.

Вспомнилось и то, что сказалъ онъ князю Васильчикову, когда выздоравливалъ:

— Я дешево отдѣлался, но въ сущности былъ бы не прочь сбросить это бремя короны, страшно тяготящей меня.

Радъ былъ сбросить ее вмѣстѣ съ жизнью.

Чѣмъ больше думала объ этомъ, тѣмъ больше боялась; знала, что онъ самъ никогда не заговорить, а спросить,— какъ бы хуже не было.

Услыхавъ шаги его, покраснѣла опять, какъ влюбленная дѣвочка. Онъ вошелъ и поцѣловалъ руку ея, а она его— въ голову.

— Уфъ, едва вырвался! Семейный обѣдъ въ Аничковомъ, — заговорилъ онъ по-французски, какъ всегда съ ней говорилъ: — сегодня маменька весь день за мной по пятамъ. Въ послѣднюю минуту послалъ имъ сказать, что не буду, а то не отпустили бы... Ну, а вы какъ?

— Ничего, лихорадки днемъ, кажется, не было, и меньше кашляю.

— Слава Богу! Только берегитесь, не выѣзжайте, погода ужасная; слякоть, вѣтеръ съ моря. Вода поднялась; пожалуй, наводненіе будетъ...

Пили чай, играли въ шашки; говорили о маленькихъ придворныхъ событіяхъ и сплетняхъ. Она старалась казаться веселою.

Зашла рѣчь о послѣдней семейной сварѣ изъ-за фрейлины Протасовой, полоумной старухи, которую императрица-мать взяла подъ свое покровительство, въ пику государынѣ.

— Ахъ, если бы вы знали, мой другъ, какъ я устала отъ этихъ дразгъ! Маменька, Никсъ, Мишель, Александринъ-всѣ противъ меня. Настоящій заговоръ..

— Полно, Lise, оставьте, не думайте. Ну, что вамъ д нихъ? Вы же знаете, чѣмъ они хуже къ вамъ, тѣмъ лучше я.

— Этого-то и не могутъ мнѣ простить! Готовы на все чтобы повредить мнѣ въ вашихъ глазахъ. Особенно—маменька. И что я имъ сдѣлала? За что такая ненависть?

Говорили о родныхъ, какъ о чужихъ, почти о врагахъ! *Враги человѣку домашніе его*, — оба понимали, что это значитъ.

— Неужели вы думаете, Lise, что все это можетъ имѣть на меня какое-нибудь вліяніе? — произнесъ онъ ласково и взялъ ее за руку.

Она молчала, потупившись.

— Не вѣрите? — повторилъ онъ еще ласковѣе.

— Вѣрю, но если мнѣ трудно, не моя вина...

— А чья? Говорите, говорите же все, Lise, ради Бога!

— Я узнаю иногда отъ другихъ то, что должна бы знать отъ васъ,—сказала она и, поднявъ глаза, посмотрѣла на него рѣшительно.

— Что же именно?

— Отреченье отъ престола.

— Сколько разъ я говорилъ вамъ. Забыли?

— Говорили въ шутку.

— Ну, не совсѣмъ...

— Да, не совсѣмъ: Константинъ уже отрекся, и Николай—наслѣдникъ.

— Откуда вы знаете? Ничего не рѣшено. Можетъ-быть послѣ моей смерти...

— Нѣтъ, при жизни. Вы такъ и сказали имъ. Маменька спрашивала меня: «не показывалъ ли онъ вамъ чего-нибудь?» Значить, есть что-то...

Наклонившись надъ кучкой бирюлекъ, онъ старался выгудить боченочекъ.

— Скучныя дѣла, мой другъ! Вы знаете, я никогда не говорю съ вами о политикѣ...

— Тутъ не политика, а ваша судьба и моя. Какъ могли вы рѣшить, не сказавъ мнѣ? Имъ говорите, а отъ меня скрываете...

— Ну, вотъ вы теперь знаете, Lise! И развѣ не рады? Быть свободными, жить вмѣстѣ, — помните, какъ мы мечтали дѣтьми...

Она покачала головой.

— Нѣтъ, не то. Вы не хотите сказать, а я знаю. Тутъ другое...

— Что другое? Что вы знаете? — спросилъ онъ тихо и посмотрѣлъ на нее, молча, долго; разрушилъ кучку бирюлекъ, отвернулся и сталъ мѣшать угли въ каминѣ.

— Тайное Общество, — сказала она такъ же тихо, не отводя отъ него глазъ.

Онъ быстро обернулся. Лицо исказилось, какъ отъ внезапной боли, и что-то промелькнуло въ немъ такое жалкое, трусливое, какъ у человѣка, который сходитъ съ ума, знаетъ то и боится, чтобъ другіе не узнали.

— Глупыя сплетни! — сказалъ уже спокойно, овладевъ собою; всталъ, прошелся по комнатѣ, взялъ со стола книгу, прочелъ заглавіе: «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина, — перелисталъ и бросилъ.

— Прошу васъ, Lise, никогда не говорить со мной объ этомъ. Ни со мной и ни съ кѣмъ. Слышите?

— Не я говорю, а мнѣ говорятъ, — отвѣтила она, блѣднѣя.

Старая обида заняла въ душѣ, какъ старая рана. Что ему доставляются тайной полиціей письма ея и что онъ скрываетъ ихъ, такъ же какъ письма всѣхъ членовъ царской фамиліи, — давно уже знала; но никогда не говорила въ нимъ объ этомъ — стыдилась; гнуснымъ казался ей этотъ бычай, сохранившійся отъ временъ Павловыхъ. Теперь вспомнила о немъ и подумала, что онъ смотритъ на нее такими же глазами, какіе у него должны быть во время

чтеня вскрытыхъ писемъ. Въ тысячный разъ обмануласъ повѣривъ близости его, и въ тысячный разъ все такъ же болно, какъ въ первый; за тридцать лѣтъ не привыкла и никогда не привыкнетъ.

— Кто? Кто вамъ сказалъ? — повторялъ онъ все настойчивѣй, все подозрительнѣй. — Мнѣ нужно знать, Lise. Ну, будьте же разсудительны. Прошу васъ, если вы меня любите...

И вдругъ опять промелькнуло въ лицѣ его что-то трусовое, жалкое, подлое: «да, подлое!» — подумала она съ во мущеніемъ. Развѣ не подлость — выпытывать, допрашивать такъ, смотрѣть на нее глазами сыщика?

Отвернулася, стала наливать чай; но руки такъ тряслись, что уронила чашку; заплакала.

— Что вы, Lise? О чемъ? Вы меня не такъ поняли. Самый давно уже собирался сказать вамъ объ этомъ. Но вѣ больны: я не хотѣлъ...

— Да развѣ лучше такъ? — воскликнула она горестно. Хуже, хуже всего, не можетъ быть хуже! Оттого и больны. Вы молчите, а я... Какъ же вы не видите, что я не могу, и могу больше, силъ моихъ нѣтъ!

Онъ подошелъ къ ней и опустился на колѣни.

— Ну, полно, Lise, ради Бога, не надо... — цѣловалъ ей руки. — Неужели я не сказалъ бы, если бъ что - нибу было? Но ничего нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я не знаю. Можетъ быть, вы больше моего знаете? Мнѣ иногда самому приходитъ въ голову, нѣтъ ли тутъ поважнѣе лицъ? — прибавилъ съ хитростью.

Она вдругъ перестала плакать; забывъ о себѣ, думала только о немъ, о грозящей ему опасности.

— Мнѣ говорилъ Карамзинъ и мой секретарь Лонгповъ. Но, кажется, объ этомъ знаютъ всѣ...

И рассказала все, что слышала. Когда кончила, онъ и смотрѣлъ на нее съ улыбкою.

— Охота же вамъ изъ-за такихъ пустяковъ мучиться

Утѣшалъ ее, успокаивалъ: все это ему давно уже вѣстно; въ рукахъ его всѣ нити заговора; онъ даже знаетъ

именамъ заговорщиковъ; истребить ихъ ничего не стоитъ; если же медлить, то потому, что жалѣеть несчастныхъ, «зablужденія коихъ суть заблужденія нашего вѣка»; ждетъ, чтобы сами одумались; впрочемъ, всѣ мѣры приняты, и нѣтъ никакой опасности.

Говорилъ такъ искренно, что она почти вѣрила; умою вѣрила, а сердцемъ знала, что онъ лжетъ; въ глазахъ его видѣла ту ясность, которой всегда боялась,—бездонно-прозрачную и непроницаемую, какъ у женщинъ, когда онѣ лгутъ. Но не имѣла силы бороться съ ложью; готова была на все, только бы не увидѣть опять того трусливаго, подлаго, что промелькнуло въ лицѣ его давеча. Изнемогла, покорилась.

«Можетъ-быть, и правъ онъ, — думала, — что на помощь ея не надѣется: гдѣ ужъ ей помогать, другихъ поддерживать, когда сама отъ слабости падаетъ?»

Ничего не сказала, только посмотрѣла на него такъ, что вспомнились ему кроткіе глаза загнанной лошади, которая издыхала на большой Петергофской дорогѣ, уткнувъ морду въ пыль, съ кровавою пѣною на удилахъ.

— А знаете, Lise, что больше всего меня мучаетъ? То, что отъ меня несчастны всѣ, кого я люблю, — заговорилъ онъ, и сразу почувствовала она, что онъ теперь не лжетъ.

— Несчастны отъ васъ?

— Да. Софьяина смерть, ваша болѣзнь — все отъ меня. Вотъ, чего я себѣ никогда не прощу. Знать, что могъ бы любить и не любить, — больше этой муки нѣтъ на свѣтѣ... О, какъ страшно, Lise, какъ страшно думать, что нельзя вернуть, искупить нельзя ничѣмъ... А все-таки въ послѣднюю минуту я къ вамъ же приду, и вѣдь вы меня...

Не дала ему кончить, охватила руками голову его и прижала къ себѣ, безъ словъ, безъ слезъ, только чувствуя, что одинъ этотъ мигъ вознаграждаетъ ее за все, что было, и за все, что будетъ.

Кто-то тихонько постучался въ дверь, но они не слышали. Дверь пріотворилась.

— Ваше величество...

Оба вскочили, какъ застигнутые врасплохъ любовники.

— Кто тамъ? — воскликнула она. — Я же велѣла...
Господи, ну, что такое? Войдите.

— Ваше величество, ихъ императорское величество, государыня императрица Марія Ѳеодоровна, — доложила фрейлина Валуева.

Государыня взглянула на мужа съ отчаяніемъ; тотъ поморщился. Валуева смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, какъ будто дѣлала стойку и нюхала воздухъ.

— Ну, чего вы стоите? Не знаете вашихъ обязанностей? — прикрикнула на нее государыня. — Ступайте же, просите ея величество.

— Не бойтесь, Lise, я какъ-нибудь спроважу ее поскорѣе; скажу, что вы больны, и дѣло съ концомъ

Государыня вышла въ уборную.

— Вотъ вы гдѣ, Alexandre! А мы васъ ищемъ, ищемъ, думаемъ: куда пропалъ? — заговорила, входя, императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ шестьдесятъ пять лѣтъ — свѣжая, крѣпкая, гладкая, съдобная, румяная, какъ хорошо пропеченная булка изъ нѣмецкой булочной; несмотря на полноту, затянута, зашнурована такъ, что, казалось, платье на круглой спинѣ лопнетъ по швамъ; все лицо въ ямочкахъ-улыбочкахъ, которыя хотятъ быть любезными, но иногда вдругъ сладкимъ ядомъ наливаются. Всегда въ суетѣ, впопыхахъ, «точно на пожаръ торопится», какъ покойный супругъ ея, императоръ Павелъ говаривалъ.

— А вѣдь я не одна, Alexandre: мы всѣ вмѣстѣ къ вамъ, по-семейному, — и Никсъ, и Мишель, и Александринь, и Элень, и Мари. Они сейчасъ будутъ. Ужъ вы меня, дорогой, извините: я имъ позволила; сами не смѣютъ, да и я сюда безъ доклада не смѣю. А мы всѣ по васъ такъ соскучились! — болтала, трещала безъ-умолку на скверномъ французскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ выговоромъ. — Да гдѣ же она? Гдѣ Lise?..

И всё ямочки-улыбочки налились вдругъ сладкимъ ядомъ.

— Я, кажется, некстати? Если мѣшаю, вы скажите, мой другъ, не стѣсняйтесь, пожалуйста...

— Что вы, маменька, помилуйте! Lise всегда вамъ рада. Только на минутку вышла въ уборную. Да вотъ и она.

Вошла государыня. Императрица-мать поцѣловала ее долгимъ поцѣлуемъ, родственнымъ, съ присасываніемъ и причмокиваніемъ.

— Ну, что? Какъ? Молодцомъ, а? А мы къ вамъ всё вмѣстѣ, вечерокъ провести по-семейному... Ахъ, душенька, нельзя такъ близко къ огню! Сколько разъ я вамъ говорила: тутъ окно, тутъ каминъ, а вы на самомъ сквознякѣ, — оттого и простужаетесь.

— Ничего, маменька, я привыкла.

— Нѣтъ, нѣтъ, пересядьте! Вотъ такъ. А шаль гдѣ? Беречься надо. Какъ говорится по-русски: берегаемого и Богъ берегаетъ... Ахъ, да что это, право, милая, — вы какъ будто еще похудѣли? Все огорчаетесь, разстраиваете себя, много думаете, мало кушаете. Сколько разъ я вамъ говорила: надо кушать яйца всмятку. Много, много яицъ: три яйца къ завтраку, три яйца къ обѣду, три яйца къ ужину. И тогда молодцомъ, молодцомъ, вотъ какъ я...

У государыни отъ этой болтовни въ глазахъ темнѣло, лѣвый високъ нылъ привычною болью, и въ головѣ какъ будто стучала, молила кофейная мельница. Но ничего нельзя было сдѣлать: надо застыть, замереть и терпѣть, пока не кончится.

Послышались шаги и голоса въ сосѣдней комнатѣ.

— А вотъ и они! Сюда, сюда, дѣти мои! — закричала маменька.

Великіе князя Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, великія княгини Александра Осодоровна, Елена Павловна, Марія Павловна — вошли всё вмѣстѣ, гурьбою; перецѣловались, разсѣлись; молчали; только императрица-мать болтала, трещала безъ-умолку. И тщетно государь, думая, какъ бы спровадить гостей, пробовалъ ее остановить.

Всѣмъ было томно, тошно, скучно до одури. Великія княгини сидѣли, какъ въ воду опущенныя; великіе князья—чинные, важные, съ вытянутыми лицами. Николай Павловичъ, Никсъ, — прямой, сухой, какъ сосна, съ необыкновенно правильными чертами лица, но съ такимъ выраженіемъ какъ будто вѣчно на кого-то дуетъ: «Аполлонъ, страдающій зубною болью», — сказала о немъ кто-то. Михаилъ Павловичъ, Мишель, — добродушный, косолапый увалень, настоящій мишка-медвѣдь, умѣющій только плясать подъ боіа барабана.

— Никсъ, Мишель, гдѣ же вы? — оглянулась на них маменька. — Ахъ, какіе несносные! Вотъ такъ всегда: забьются въ уголь и сидятъ буками. Это они васъ боятся Lise! А у меня, въ Павловскѣ, расшालятся, — не уймешь.. Ну, ступайте же, ступайте сюда, кавалеры, занимайте дамъ Alexandrine, Elène, бѣдненькія, какіе у васъ мужья нелюбезные!

Оба сразу, какъ по командѣ, встали и вытянулись. Въ присутствіи старшихъ держали себя, какъ два кадета, отпущенные домой изъ корпуса.

— Ну, что мнѣ съ ними дѣлать? Просто бѣда Совсѣмъ отъ рукъ отбились, — продолжала маменька: — манежъ да разводъ, ничего больше знать не хотятъ. А вѣдь вамъ, дѣти мои, не въ казармѣ жить: надо привыкать къ обществу... Хоть бы вы, Alexandre, поучили ихъ, что ли! Вы, славу Богу, не такъ воспитаны: въ свое время были кавалеръ очаровательный, да и теперь хоть куда. Не правда ли, въ него еще влюбиться можно, Lise? Ну, что вы на меня такъ смотрите? Развѣ я дурное сказала? Ужъ вы меня простите, дружокъ: я всегда говорю, что думаю. Послѣ тридцати лѣтъ супружества жена, влюбленная въ мужа—это въ наши дни рѣдкость. И пусть другіе смѣются, а я счастлива. Когда я смотрю на счастье дѣтей моихъ, я сама счастлива. Вѣдь мой дорогой Alexandre — все, все для меня! — закатилъ глаза отъ умиленія.

А государыня уже ничего не слышала; лѣвый високъ ея былъ нестерпимо, въ головѣ молола кофейная мельница

и лицо ея такъ поблѣднѣло, что государь боялся, какъ бы ей дурно не сдѣлалось.

— Маменька, Lise, кажется, устала. Доктора велѣли ей пораньше ложиться, — сказалъ и всталъ рѣшительно; понялъ, что безъ него не уйдутъ.

— Ахъ, Боже мой, Lise, правда, мы васъ утомили?

— Нисколько, маменька! Куда же вы? Посидите еще.

— Нельзя: мужъ не велитъ, надо мужа слушаться. А я думала, проведемъ вечерокъ вмѣстѣ, поболтаемъ, поиграемъ въ птижѣ. Шараду бы въ лицахъ Никсъ намъ представилъ, ту, что намедни въ Павловскѣ, — мы такъ смѣялись! Онъ вѣдь только притворяется букою, а если захочетъ, умѣетъ быть душою общества. Какъ это, Никсъ? Мое первое—*cor*..

— Точно такъ, маменька: *cor* — охотничій рогъ.

— Да, да, заигралъ на губахъ, какъ въ рожокъ... Мое второе — *rie*...

— *Rie* — воняетъ, маменька, — подсказалъ Никсъ.

— Да, да, зажалъ носъ и сморщился, какъ отъ дурного запаха... А мое третье — *lance* — копье: замахнулся билліарднымъ кіемъ на старушку Нелидову, такъ что она закричала отъ страха. А мое цѣлое — *cor-ri-lence*—тучность: обвязался подушками и сталъ ходить съ трудомъ, едва ногами двигаясь. Не правда ли, мило?

Государынѣ казалось, что еще минута, и она упадетъ въ обморокъ.

— Ну, пойдемте же, дѣти мои! Надоѣли мы вамъ, Lise, а? Какъ говорится по-русски: незваный гость хуже... хуже чего, Никсъ?

— Хуже татарина, маменька!

— Да, хуже татарина.

И опять на лицѣ всѣ ямочки-улыбочки налились вдругъ сладкимъ ядомъ.

— Прощайте, душенька, — присосалась долгимъ поцѣлуемъ, родственнымъ. — Поправляйтесь же скорѣе, будьте умницей. Молодцомъ, молодцомъ, вотъ какъ я! Помните, яйца всмятку. Много, много яицъ: три яйца къ завтраку, три яйца къ обѣду, три яйца къ ужину...

Наконецъ ушли; и государь — съ ними, чтобъ не обидѣлись.

Оставшись одна, государыня упала на диванъ и долго лежала, закрывъ глаза, не двигаясь, какъ въ обморокѣ. Потомъ позвонила камермедхень, велѣла снять головной уборъ съ райскою птичкою и подать душистаго уксуса. Мочила виски, нюхала. Все тѣло ныло, какъ избитое палками, и въ головѣ молола кофейная мельница.

Когда легла въ постель и потушила свѣчу, — вспомнивъ разговоръ съ государемъ, ужаснулась: какъ могла повѣрить или сдѣлать видъ, что вѣрить?

Вдругъ поняла такъ ясно, какъ никогда, что онъ гибнетъ, и что она спасти его не можетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ту ночь она плохо спала. Голова болѣла, мучилъ жаръ, и въ полуснѣ чудилось ей, что выколачиваютъ исполинскіе ковры исполинскими палками: то были пушечные выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости, возвѣщавшіе прибыль воды.

Когда поутру затопили каминъ, пошелъ дымъ.

— Говорила я вамъ, что печи испорчены, — сказала она съ досадою дежурной фрейлины Валуевой.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество: печи исправны, а это отъ вѣтра...

— Отъ вѣтра... отъ вѣтра въ вашей головѣ, сударыня! Я вамъ еще третьяго дня велѣла истопнику сказать.

— Не мнѣ, а мадемуазель Саблуковой.

— Все равно, кому. Вы всегда отговорки находите!

— Чѣмъ же я виновата, помилуйте, ваше величество? Кто что ни сдѣлаеть, все на мою голову! — прпготовилась плакать Валуева, и некрасивое, неумное, птичье лицо ея сдѣлалось еще некрасивѣе. — Мадамъ Питтъ, княжна Волконская, мадемуазель Саблукова — всѣ въ милости. Только я одна, несчастная... Все на меня, все на меня! Я вѣдь знаю, ваше величество меня не изволите жаловать...

Такія сцены повторялись каждый день: фрейлины всѣ перессорились, ревновали императрицу и мучили. Давно уже рѣшила она, что этому надо положить конецъ.

Теперь, при видѣ плачущей Валуевой, хотѣлось ей вскочить, закричать, затопать ногами и выгнать ее вонъ.

Но удержалась и проговорила съ холодною злобою:

— Послушайте, Валуева, я знаю, что глаза у васъ на мѣстѣ и что вы плакать умѣете, но я этого больше терпѣть не намѣрена, слышите! Если мой характеръ вамъ не нравится, уходите, пожалуйста,—никто васъ не держитъ. Хороша или дурна,—я не перемѣнюсь для васъ. Находятъ же другіе, что со мной жить можно... Ну, ступайте, истопника позовите.

Валуева вышла, заливаясь слезами.

Пришелъ истопникъ и, осмотрѣвъ каминъ, подтвердилъ, что все исправно, а топить нельзя отъ вѣтра: такая буря, что трубы на крышѣ ломаетъ.

Государыня перешла въ кабинетъ; здѣсь было натоплено съ вечера. Дрожа и кутаясь, но привычнымъ усиліемъ воли перемогая ознобъ, напилась чаю и занялась дѣлами Патриотическаго Общества. Разбирала бумаги; однѣ подписывала, другія откладывала, чтобы обсудить ихъ съ Лонгиновымъ, секретаремъ своимъ.

Вспоминая сцену съ Валуевой, стыдилась: за что обидѣла бѣдную дѣвушку? Чѣмъ виновата она, что глупа? И развѣ другія лучше? Не права ли императрица-мать, когда жалуется на ея, государыни, скверный характеръ? Вѣчно не въ духѣ — «злая нѣмка» — оттого и больна.

Думала, какъ бы позвать Валуеву, помириться съ ней. Но та сама вбѣжала.

— Ваше величество, посмотрите, что это?

Государыня взглянула въ окно и глазамъ не повѣрила: вода въ Невѣ поднялась такъ, что почти сравнялась со стѣнкою набережной. Волны вздымались, огромныя, сѣро-свинцовыя, черно-чугунныя, какъ злыя чудовища, которыхъ гладятъ противъ шерсти, и они щетинятся. По тому, какъ тучи брызгъ неслись, подобныя пару надъ кипящей водой, можно было судить о силѣ вѣтра.

Люди толпились на набережной. Дѣти смѣялись и прыгали, любуясь, какъ вода сквозь рѣшетки подземныхъ трубъ бьетъ фонтанами и заливаешь мостовую лужами.

Вдругъ всѣ побѣжали; въ одну минуту опустѣла набережная. То тамъ, то здѣсь перехлестывали, переливались волны черезъ гранитную стѣнку, какъ черезъ край водоема,

слишкомъ полнаго. Еще минута—и скрылась подъ водою улица, и волны забились въ стѣну дворца

— Наводненье! Наводненье! — кричала Валуева съ такимъ испугомъ, какъ будто вода сейчасъ вольется въ комнату.

А государыня радовалась тою радостью, которая овладѣваетъ людьми при видѣ ночного пожара, заливающего темное небо краснымъ заревомъ. Хотѣлось, чтобы вода подымалась выше и выше — все затопила, все разрушила, — и наступилъ конецъ всему.

Вошелъ секретарь Лонгиновъ и рассказалъ свои приключенія: едва не утонулъ; карету залило; онъ долженъ былъ сидѣть на корточкахъ; промочилъ ноги; только - что переобулся; показывалъ, смѣясь, чужіе башмаки, не впору. II дамы смѣялись.

— Ужасное бѣдствіе! Подъ водой уже двѣ трети города, — заключилъ Лонгиновъ. — Я всегда говорилъ: нельзя жить людямъ тамъ, гдѣ могутъ быть такія бѣдствія. Когда-нибудь участь Атлантиды постигнетъ Петербургъ...

Ужасались ахали, охали:

— Бѣдные люди! Сколько несчастій! Сколько жертвъ! А государынѣ казалось, что имъ всѣмъ весело.

Весело смотрѣть, какъ фельдъегерь въ почтовой телѣжкѣ (колеса роютъ воду, точно маленькая водяная мельница) остановился, потому что вода вотъ-вотъ подыметъ телѣжку, какъ лодку; сѣдокъ съ кучеромъ вылѣзли, выпрягли и, держа лошадей за уши, поскакали—поплыли. Весело смотрѣть, какъ мужикъ лѣзетъ на фонарный столбъ; расшатаанный напоромъ вѣтра и волнъ, деревянный столбъ качается; мужикъ, сорвавшись, падаетъ; нырнулъ, вынырнулъ; бѣжить, плыветъ, — должно-быть, утонетъ. А вонъ собака на крышѣ будки, поднявъ морду, воетъ. За двойными рамами оконъ звуковъ не слышно — ни рева бури, ни шума волнъ, ни криковъ о помощи, какъ будто мертвое молчанье — надъ мертвою пустыней водъ. Отъ зимняго дворца до крѣпости—одинъ кипящій, клокочущій, бушующій омутъ, гдѣ несутся барки, лодки, галіоты, плоты, заборы, крыши, гауптвахты, рыбные садки, бревна, доски,

бочки, тюки товаровъ, трупы животныхъ и кресты съ могилъ размытаго кладбища.

Шесть градусовъ выше нуля, а барометръ опустился, какъ во время грозы.

Свѣтъ — темный, какъ у человѣка передъ обморокомъ, когда въ глазахъ темнѣеть; похоже на свѣтопреставленіе; иногда выглянетъ солнце сквозь тучи, какъ лицо покойника сквозь кисею гробовую, — и тогда еще больше похоже на кончину міра.

У государыни лихорадка прошла. Она чувствовала себя бодрою, сильною, легкою, какъ въ дѣтствѣ, во время самыхъ буйныхъ игръ. А иногда казалось ей, что вода опустится и войдетъ въ берега, и будетъ все опять, какъ было — та же скука, пошлость и уродство жизни, тѣ же глупыя сцены съ Валуевой, разговоры съ императрицей-матерью, дѣла Патріотическаго Общества. И становилось жалко чего-то ознобъ пробѣгаль по тѣлу, ноги безсильно подкашивались и вся она опять — больная, слабая, старая.

— Ну, Николай Михайлычъ, у насъ много дѣла, — говорила секретарю.

Онъ читалъ ей докладъ, и она слушала, стараясь не думать о наводненіи.

Но Валуева кричала:

— Смотрите, смотрите, ваше величество! Вонъ уже гдѣ!

И опять — ужасъ и радость конца.

— Пойдемте въ угольную, тамъ лучше видно, — предложила государыня.

Проходя коридоромъ, услышали крикъ:

— Утонули! Утонули! Свѣтики, родимые!..

Степанида Петровна Голяшкина, камеръ-лакейская вдова, старуха лѣтъ восьмидесяти, плакала въ толпѣ дворцовыхъ служителей.

— Ваше величество, государыня - матушка, смилуйтесь! Приказать извольте лодку!.. — закричала, увидѣвъ императрицу и повалившись ей въ ноги.

Не могла говорить. За нее сѣяснили другіе, что Голяшкиной дочь за аудиторскимъ чиновникомъ замужемъ, въ Че

кушахъ живеть, на Васильевскомъ островѣ, въ маленькомъ домикѣ, на самомъ берегу Невы; тамъ теперь все уже залило, потому что мѣсто низкое; поутру отецъ уходитъ въ должность, мать — на рынокъ; люди — бѣдные, не могутъ держать прислуги; уходя, запираютъ двухъ дѣтей своихъ, мальчика и дѣвочку, однихъ въ домѣ. Вотъ и боится бабушка, чтобы внучки не утонули.

— Нельзя ли лодку? — сказала государыня Лонгинову.

— Не извольте беспокоиться, ваше величество, — заговорилъ сѣдой, степенный камеръ-лакей. — Сама не знаетъ, что говорить. Ума лишившись отъ горя. Какія тутъ лодки! Кто повезетъ? Да и всѣ ужъ, чай, разосланы... Ну, полно, Петровна, можетъ, еще и живы. Молиться надо. Пойдемъ-ка бабушка, не докучай государынѣ...

Старуху увели подъ руки; но долго еще слышался крикъ ея, и, какъ будто въ одномъ этомъ крикѣ соединились всѣ безчисленные вопли погибающихъ, — государыня вдругъ поняла, что происходитъ.

— Ступайте, Николай Михайлычъ, узнайте, гдѣ государь.

Лонгиновъ хотѣлъ было что-то сказать, но она закрычала:

— Ступайте же, ступайте, дѣлайте, что вамъ велятъ! Вошла въ угольную и стала смотрѣть въ окно.

На Невѣ, противъ Адмиралтейской набережной, тоннула плоскодонная барка, флашкотъ Исаакіевскаго моста. Водю подняло мостъ, какъ гору, и разорвало на части; онѣ понеслись въ разныя стороны; на тонущемъ флашкотѣ люди, какъ муравьи, сновали, копошились, бѣгали. Государыня узнала плывшій къ нимъ на помощь дежурный восемнадцативесельный катеръ гвардейскаго экипажа, стоявшій всегда у дворца на Невѣ. Въ бѣлесовато-мутной мглѣ урагана волны играли лодкою, какъ орѣховой скорлупкою, — вотъ-вотъ опрокинется и пойдетъ ко дну. Что если тамъ государь?

А Лонгиновъ пропалъ. Не послать ли Валугеву? Да нѣтъ, глупа, — ничего не сумѣетъ.

Молоденькій офицеръ пробѣгалъ черезъ комнату. Вымокъ весь, — должно-быть, только что быть по поясъ въ

водѣ. Простое, милое, какъ у деревенскихъ мальчиковъ, лицо его посинѣло отъ холода, а въ глазахъ былъ тотъ радостный ужасъ, который испытывала давеча сама государыня. Увидѣвъ ее, остановился и отдалъ честь.

— Не знаете ли, гдѣ государь?

— Не могу знать, ваше величество, — отвѣтилъ онъ, стуча зубами и стараясь удержать улыбку. — Кто говоритъ, — здѣсь, во дворцѣ, а кто — съ генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ на катерѣ.

— Ну, хорошо, ступайте.

Онъ побѣжалъ, оставляя на паркетѣ лужицы.

Наконецъ вернулся Лонгиновъ

— Никто ничего не знаетъ. Просто бѣда! Толку не добьешься. Всѣ потеряли голову, мечутся какъ угорѣлые...

— Ахъ, Николай Михайловичъ, нельзя же такъ! — воскликнула она со слезами въ голосѣ. — Боже мой, Боже мой!.. Ну, такъ я сама, если вы ничего не умѣете...

— Ваше величество...

— Ступайте за мной!

И всѣ трое побѣжали, — государыня, Валуева, Лонгиновъ.

Встрѣтили камердинера Мельникова. Онъ тоже не зналъ, гдѣ государь.

— Сами ищемъ. Ея величество, государыня императрица Марія Ѳеодоровна очень беспокоится изволятъ. Никакъ найти не можемъ, — говорилъ Мельниковъ, хлопая себя по ляжкамъ съ такимъ видомъ, какъ будто пропала иголка.

— Дуракъ! — воскликнула государыня по-французски и побѣжала дальше.

Генераль-адъютантъ князь Меншиковъ немного успокоилъ ее, сообщивъ, что государя видѣли внизу, на Комendantской лѣстницѣ. Чтобы попасть туда, надо было пробѣжать множество комнатъ.

Дворецъ напоминалъ разрытую кочку муравейника: люди бѣгали, кишѣли, суетились, метались, сталкивались, ссорились, ругались, кричали и не понимали другъ друга.

Государынь казалось, что все это уже было когда-то во снѣ: такъ же лазила она по нескончаемымъ лѣстницамъ, искала государя, не находила — и никогда не найдетъ.

Солдаты носили по лѣстницѣ изъ залитыхъ комнатъ олоченную штофную мебель, картины, вазы, люстры, зеркала и кухонную посуду, домашнюю рухлядь дворцовой еяди. Великанъ съ добродушнымъ лицомъ, нагнувшись, какъ Атласъ, подъ тяжестью, тащилъ на спинѣ огромный оловянный сундукъ, на немъ кровать съ подмоченной периною, въ зубахъ держалъ клѣтку съ чижиномъ.

По одному изъ коридоровъ нельзя было пройти. Слышался топотъ копытъ и ржанье. Лонгиновъ ступилъ въ навозъ: коридоръ превращенъ былъ въ конюшню. Лошадей сликкой княгини Марии Павловны, стоявшихъ на Дворцовой площади, выпрягли и втащили сюда, въ первый этажъ, чтобъ спасти отъ воды.

На крутой и темной лѣстницѣ кто-то крикнулъ снизу рубымъ голосомъ, не узнавъ государыни:

— Куда лѣзете? Ходу нѣтъ: вода.

И почудилось ей, что невидимыя струйки въ темнотѣ спечутъ, плещутъ, какъ будто сговариваясь о чемъ-то розномъ, — тоже какъ во снѣ.

Какіе-то люди приносили что-то завернутое въ бѣлое.

— Что это? — спросила государыня.

— Утопленница, — отвѣтили носильщики.

Валуева взвизгнула, готовая упасть въ обморокъ: боялась покойниковъ.

Когда прибѣжали на Комендантскую лѣстницу, то узнали, что государь здѣсь давеча былъ, но ушелъ въ Эрмитажъ, гдѣ съ Милліонной большое судно прибило. Надо было бѣжать навверхъ по тѣмъ же лѣстницамъ, а по дорогѣ опять кто-то крикнулъ, что государя нѣтъ во дворцѣ — только кто уѣхалъ на катерѣ.

Пробѣгая черезъ собственные покои, государыня увидала столъ, накрытый къ завтраку, и удивилась, что можно такъ. Но Лонгиновъ успѣлъ захватить хлѣбецъ съ ломтикомъ сыру и на бѣгу закусывалъ.

Въ большихъ парадныхъ залахъ все еще было спокойно. За окномъ — кончина міра, а у окна два старичка камергера уютно бесѣдуютъ о новомъ балетѣ *Зефиръ и Флора*. Увидѣвъ государыню, склонили почтительно лысыя головы.

Эти спокойныя лица ее утѣшили было; но тотчасъ подумала: «такія лица у такихъ людей будутъ и при кончинѣ міра».

Въ голубой гостиной великая княгиня Александра Теодоровна и фрейлина Плюскова стояли на диванѣ, подбравъ юбки.

— Ай! Ай! — визжала фрейлина. — Я сама видѣла ваше высочество: тутъ ихъ множество! По стѣнкѣ ползуть.

— Что такое?

— Крысы, ваше величество! Да какія злощія... Еде меня не укусили за ногу.

Валуева тоже взвизгнула и вскочила на диванъ: боялась крысъ не меньше покойниковъ.

— Снизу бѣгутъ, изъ подваловъ да погребовъ, — шамкалъ старичокъ, сгорбленный, сморщенный, облѣзлый весь и какъ будто заплѣсневѣлый, похожій на мокрицу, отставной камерфурьеръ Изотовъ.

— Въ бывшее 777 лѣта наводненіе тоже крысъ да мышъ по всему дворцу столько размножилось, что блаженно памяти покойная государыня императрица Екатерина Алексѣевна мышеловки сами ставить изволили...

— Вы то наводненіе помните? — сказала государыня которая хотѣла и не могла вспомнить что-то.

— Точно такъ, ваше величество! И лѣта 755, ноябр 18, и 762, августа 25, и 764, ноября 20, — всѣ наводненія помню. Самъ тонулъ, и батюшка, и дѣдушк. Оттого воды и боюсь: отъ огня убѣжишь, а отъ воды куда дѣнешься?

Помолчалъ и опять зашамкалъ про себя, точно забрелъ:

— Старики сказываютъ, — на Петербургской Стронѣ у Троицы, ольха росла высокая, и такая тутъ вода был

гѣтъ за десять до построенія города, что ольху съ верхушкою салило, и было тогда прорицаніе: какъ вторая-де вода такая же будетъ, то Санктъ-Петербургу конецъ, и мѣсту сему быть пусту. А государь императоръ Петръ Алексѣевичъ, какъ вѣдали о томъ, ольху срубить велѣли, а людей прорицающихъ казнить безъ милости. Но только слово то истинно, по Писанію: не увидѣша, дондеже прииде вода и взять вся...

Съ вѣщимъ ужасомъ слушали всѣ, и казалось возможнымъ пророчество: тамъ, гдѣ былъ Петербургъ, — водная лада съ двумя торчащими, какъ мачты кораблей затопленныхъ, шпицами, Адмиралтейскимъ и Петропавловскимъ.

Вдругъ вспомнила государыня и то другое, забытое пророчество: 1777 годъ—годъ рожденія государева; тогда наводненіе было великое, и такое же будетъ въ годъ смерти его

Въ комнату вбѣжала императрица-мать.

— Lise! Lise! Гдѣ онъ? Гдѣ государь?

— Не знаю, маменька, сама ищу...

— Неггъ Jesu! Что жъ это такое?.. А Никсъ, бѣдняжка, амъ, въ Аничковомъ, и не знаетъ, гдѣ мы, что съ нами. Можетъ-быть, утонули, — думаетъ. И послать некого. Никто ничего не слушаетъ, всѣ насъ покинули... И что вы тутъ топите? Бѣжимте же, бѣжимте скорѣй къ государю!

Всѣ побѣжали. Одинъ старичокъ Изотовъ остался и самкаль, точно бредиль:

— Мѣсту сему быть пусту, быть пусту...

Когда бѣжали по заламъ, выходившимъ на Дворцовую площадь, слышался трескъ, какъ отъ разбитаго стекла; вери захопали, и завылъ, засвистѣлъ, загудѣлъ сквознякъ еистовый. Такова была сила бури, что желѣзные листы, орванные съ крышь и свернутые въ трубку, какъ бумага, осились по воздуху; одинъ изъ нихъ ударился въ оконное текло и разбилъ его вдребезги.

Императрица-мать остановилась, вскрикнула и побѣжала назадъ. Всѣ — за нею, кромѣ государыни; никто не замѣтилъ, что она осталось одна. Вздываемая вѣтромъ анавѣсь въ дверяхъ, окутавъ ее, едва не сбила съ ногъ.

Когда она вбѣжала въ сосѣдную комнату, то увидѣла разбитое стекло; осколки еще сыпались; пахнувшей водою вѣтеръ врывался въ окно. И въ шумѣ близкихъ волнъ, и въ воѣ урагана чудился вопль утопающихъ.

Оглянувшись, увидѣла, что всѣ ее покинули; почти безъ памяти упала въ кресло и закрыла глаза.

Когда очнулась, графъ Милорадовичъ, петербургскій генераль-губернаторъ, говорилъ ей что-то, но она не слышала.

— Гдѣ государь? — спросила уже безъ надежды, только по привычкѣ повторять эти слова.

— Здѣсь, рядомъ, въ Бѣлой залѣ, ваше величество. Проводить прикажете?

— Прошу васъ, графъ, воды.

Онъ засуетился, отыскивая воду, не нашелъ и побѣжалъ было въ сосѣдную комнату.

— Нѣтъ, не надо, — остановила она. — Пойдемте.

— Воды слишкомъ много, а нѣтъ воды! — пошутилъ онъ съ любезностью и, молодецкато изгибаясь, расшаркиваясь позвякивая шпорами, какъ на балу, подалъ ей руку

У него была походка танцующая и одно изъ тѣхъ лицъ которыя какъ будто вѣчно смотрятся въ зеркало, радуясь «какой молодецъ!»

И какъ это иногда бываетъ въ минуту смятенія, пришелъ государынѣ на память глупый анекдотъ: любитель мазурки, графъ учился танцовать у себя одинъ въ кабинетѣ выдѣлывая па передъ зеркаломъ, разбилъ его ударомъ головы и порѣзался такъ, что долженъ былъ носить повязку

Идучи съ ней, говорилъ о потопѣ, какъ о забавномъ приключеніи, въ родѣ дождика во время увеселительной прогулки съ дамами.

— Всѣ кричатъ: ужасы! ужасы! А я говорю: помилуйте господа, намъ ли, старымъ солдатамъ, тонувшимъ въ крови бояться воды?

Вошли въ Бѣлую залу.

За столомъ, у стеклянной двери, выходившей на Неву сидѣлъ государь, согнувшись, сгорбившись, опустивъ го

лову и полузакрывъ глаза, какъ человѣкъ очень усталый, которому хочется спать.

Въ началѣ наводненія, хлопоталь, какъ всѣ, бѣгалъ, суетился, приказываль. Когда никто не рѣшался ѣхать на катерѣ, — хотѣлъ самъ; но Бенкендорфъ не допустилъ до этого, тутъ же, на глазахъ его, снялъ мундиръ, — по шею въ водѣ, добрался до катера и уѣхаль. За нимъ — другіе, и никто не возвращался. Всѣ сообщенія были прерваны. Дворецъ — какъ утесъ или корабль среди пустыннаго моря. И государь понялъ, что ничего нельзя сдѣлать.

Не замѣтилъ, какъ вошла государыня. Она не смѣла подойти къ нему и смотрѣла на него издали. Въ обморочно-темномъ свѣтѣ дня лицо его казалось мертвенно-блѣднымъ. Теперь, больше чѣмъ когда-либо, въ немъ было то, что замѣтила Софья, — кроткое, тихое, тяжкое, подъяремное: «теленочекъ бѣленькій», агнецъ безгласный, жертва, которую ведутъ на закланіе; и еще что-то другое, — то самое, что промелькнуло въ немъ вчера, когда государыня говорила съ нимъ о Тайномъ Обществѣ: лицо человѣка, который сходитъ съ ума, знаетъ это и боится, чтобы другіе не узнали.

Глупымъ казался ей давешній страхъ: здѣсь, въ безопасной комнатѣ, страшнѣе за него, чѣмъ въ волнахъ бушующихъ. Теперь уже не сомнѣвалась, что онъ вчера не сказалъ ей всего, утаилъ самое главное.

Оберъ-поліцеймейстеръ Гладковъ доносилъ государю о томъ, что происходитъ въ городѣ.

На Петербургской Сторонѣ, на Выборгской и въ Коломнѣ, гдѣ почти всѣ дома деревянные, — снесены цѣлыя улицы. Въ Галерной гавани вода поднялась до 16 футовъ, и тамъ почти все разрушено.

Государь слушалъ, но какъ будто не слышалъ.

Черезъ каждыя пять минутъ подходили къ нему, одинъ за другимъ, флигель-адъютанты, донося о прибыли воды.

Одиннадцать футовъ два дюйма съ половиною. Шесть дюймовъ. Восемь. Девять. Десять съ половиною.

Теперь уже на 2 фута 4 дюйма — выше, чѣмъ въ 1777 году. Такой воды никогда еще не было съ основанія города.

Былъ третій часъ пополудни.

— Если вѣтеръ продолжится еще два часа, то городъ погибъ, — сказалъ кто-то.

Государь услышалъ, поднялъ голову, перекрестился, и всѣ — за нимъ. Наступила тишина, какъ въ комнатѣ умирающаго. Въ стоявшей поодаль толпѣ дворцовыхъ служителей кто-то всхлипнулъ.

— Покаралъ насъ Господь за наши грѣхи!

— Не за ваши, а за мои, — сказалъ государь тихо, какъ будто про себя, и опустилъ еще ниже голову

— Lise, вы здѣсь, а я и не зналъ, — увидѣлъ, наконецъ, государыню и подошелъ къ ней. — Что съ вами?

— Ничего, устала немного, бѣгала, искала васъ...

— Ну, зачѣмъ? Какая неосторожность! Вездѣ сквозняки, а вы и такъ простужены

Бережно поправилъ на ней плащъ, гдѣ-то на бѣгу накинутаго. И отъ мысли, что онъ можетъ о ней беспокоиться въ такую минуту, она покраснѣла, какъ влюбленная дѣвочка.

— Вотъ какое несчастье, Lise, — проговорилъ онъ съ той жалобной, какъ будто виноватой, улыбкой, которая бывала у него часто во время послѣдней болѣзни. — Помните въ Писаніи: *страшно впасть въ руки Бога живаго...*

Хотѣлъ сказать еще что-то, но почувствовалъ, что все равно не скажетъ самаго главнаго, — только повторилъ шопотомъ:

— Страшно впасть въ руки Бога живаго.

Кто-то указалъ на Неву. Всѣ бросились къ окнамъ. Тамъ несся плотъ, а за нимъ — огромный сельдяной буянь, сорванный бурей, — вотъ-вотъ настигнетъ и разобьетъ. Люди на плоту, одни стояли на колѣняхъ, — должно-быть, молились; другіе, протягивая руки къ берегу, звали на помощь.

Государь велѣлъ открыть дверь на балконъ и вышелъ. Можетъ-быть, погибавшіе увидѣли его. Ему показалось, что сквозь вой урагана онъ слышитъ ихъ вопль. Но буянь столкнулся съ плотомъ, и люди исчезли въ волнахъ. Государь закрылъ лицо руками.

Вернулся въ комнату, опять сѣлъ, какъ давеча, согнувшись, сгорбившись, опустивъ голову. Слезы текли по лицу его, но онъ ихъ не чувствовалъ.

Въ началѣ наводненія флигель-адъютантъ, полковникъ Германъ, отправленъ былъ изъ дворца въ Коломну, въ казармы гвардейскаго экипажа для разсылки лодокъ. Онъ провелъ весь день въ спасаньи утопающихъ. Проѣзжая по Торговой улицѣ, усталый, продрогшій и вымокшій, вспомнилъ, что здѣсь живетъ его пріятель, князь Одоевскій, и заѣхалъ къ нему напиться чаю. Отдохнувъ, предложилъ хозяину и гостю, князю Валерьяну Михайловичу Голицыну, поѣхать съ нимъ на лодкѣ.

Наступали раннія сумерки; фонарей нельзя было зажечь, и скоро затонувшій городъ погрузился въ ночную тьму; казалось, что это послѣдняя ночь, отъ которой не будетъ разсвѣта.

По Офицерской, Крюкову каналу и Галерной выѣхали на Сенатскую площадь.

Здѣсь еще сильнѣе выла буря, а надъ бѣлѣющей во мракѣ пѣною возвышался памятникъ: на бронзовомъ конѣ гигантъ съ протянутой рукой. И нельзя было понять, что значить это мановенье: укрощаетъ или подымаетъ бурю?

Въ это же время съ другой стороны подѣхалъ катеръ генерала Бенкендорфа съ пылающимъ факеломъ. Красные блески, черныя тѣни упали на Мѣднаго Всадника, и какъ будто ожилъ онъ, задвигался. Гранитное подножье залило водою; черная вода, освѣщенная краснымъ огнемъ, стала какъ кровь. И казалось, онъ скачетъ по кровавымъ волнамъ.

Голицынъ смотрѣлъ въ лицо его, и вдругъ почудилось ему въ шумѣ волнъ и въ воѣ бури клики возстанія народнаго.

Вспомнилось, какъ стоялъ онъ здѣсь, полгода назадъ, въ Пестелемъ, и, думая, о Тайномъ Обществѣ, спрашивалъ:
— Съ нимъ или противъ него?

И теперь, какъ тогда, отвѣта не было.

Но вѣщій ужасъ охватилъ его, какъ будто все это уже было когда-то, — было и будетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣ наводненія сразу начались морозы. Дома, уцѣлѣвшіе отъ воды, сдѣлались необитаемы отъ холода; промокшія стѣны обледянѣли, покрылись инеемъ, а топить нельзя, печи водою разрушены, и воду нельзя откачивать,—замерзла. Люди погибали безъ одежды, безъ крова, безъ пищи. А въ Невѣ каждый день подымалась вода, угрожая новымъ бѣдствіемъ. Казалось, Самимъ Богомъ обреченъ на гибель злополучный городъ.

Государь посѣтилъ наиболѣе пострадавшія мѣстности—Коломну, Васильевскій островъ, Гавань, Чугунный заводъ.

— Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, но это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ,—говорилъ онъ спутникамъ.

Зашелъ однажды, въ церковь на Смоленскомъ кладбищѣ. Во всю ширину ея стояли гробы съ тѣлами утопленниковъ. Онъ заплакалъ и весь народъ—съ нимъ.

Учредили комитетъ для пособія пострадавшимъ отъ наводненія. Разсказывали чувствительные анекдоты: о бѣдной старушкѣ, отказавшейся отъ шубы при раздачѣ теплаго бѣлья: «я свою шубенку спасла, а мнѣ чулочки пожалуйте»; о добродѣтельномъ чиновникѣ Ивановѣ, хоронившемъ бѣдныхъ на свой счетъ; о младенцѣ, приплывшемъ въ сахарномъ ящикѣ къ старому холостяку, который взялъ дитя на воспитаніе.

А также—анекдоты веселые; въ одномъ домѣ окотившаяся кошка перенесла котятъ на ту именно ступеньку лѣстницы

гдѣ остановилась вода; въ подвалъ Публичной библіотеки заплылъ сигъ, и библіотекаръ Иванъ Андреевичъ Крыловъ поймалъ его, зажарилъ и съѣлъ: пріѣзжіи баринъ думалъ, что сошелъ съ ума, когда, вставъ поутру, увидѣлъ полицеймейстера Чихачева, плывущаго въ лодкѣ по двору; а графиня Толстая такъ разсердилась за наводненье на Петра I, что, проѣзжая мимо памятника его, высунула языкъ.

Цензурой запрещено было печатать о наводненіи что бы то ни было, и въ Москвѣ увѣряли, что вода поднялась выше Адмиралтейскаго шпица. Въ простомъ народѣ шли толки, что Божій гнѣвъ постигъ столицу за военныя поселенія и звѣрства помѣщиковъ.

О. Ѳеодосій Левицкій проповѣдывалъ, что наводненіе— «не простое и слѣпое дѣйствіе природы, но, собственно, ударъ праведнаго суда Божія, воздающаго намъ по дѣламъ нашимъ, поелику не видно со стороны правительства ни малаго движенія къ покаянію». Два фельдъегеря явились ночью къ о. Ѳеодосу, усадили его въ телѣжку и увезли, неизвѣстно куда: оказалось потомъ—въ Коневецъ на Ладожскомъ озерѣ.

Наконецъ Нева стала. Тамъ, гдѣ бушевали волны потопа, бѣлѣло теперь снѣжное поле, скрипѣли возы, на конькахъ бѣгали дѣти, плясалъ на морозѣ, ударяя валенкомъ о валенокъ, веселый сбитенщикъ, и чухны съ кудластыми клячами везли съ прорубей колотый ледъ, сверкавшій на солнцѣ прозрачно-зелеными глыбами.

Намело сугробы по улицамъ; дребезжаніе дрожекъ смѣнилось беззвучнымъ бѣгомъ саней, и все вдругъ затихло, заглохло, замерло, только снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами прохожихъ, и голоса раздавались на улицѣ, какъ въ комнатѣ.

Петербургъ сталъ похожъ на глухую деревню, занесенную вьюгами. Уснулъ, какъ дитя въ колыбели подъ бѣлымъ пологомъ; какъ мертвецъ въ могилѣ подъ бѣлымъ саваномъ. И тишина колыбельно-могильная сладостно-жутко баюкала.

Государыня была больна: какъ простудилась во время наводненія, такъ и не могла поправиться. Доктора опасались чахотки. «Та же болѣзнь, что у Софьи,—думалъ

государь:—двѣ загнанныхъ лошади; одна пала, и другая падеть».

Онъ проводилъ съ нею цѣлые дни. Доктора запретили ей говорить: отъ разговора кашляла. Говорилъ онъ, а она писала отвѣты.

Разговоръ о Тайномъ Обществѣ, въ тотъ вечеръ накануне наводненія, прерванный не возобновлялся у нихъ. Но когда она смотрѣла на него глазами загнанной лошади, онъ зналъ, о чемъ она думаетъ. И оба молчали. Тихо въ комнатѣ, тихо на улицѣ—тишина колыбельно-могильная.

Онъ оставилъ всѣ дѣла: они казались ему ничтожными, какъ будто во время наводненія понялъ онъ бессиліе власти. Той страшной смертной лѣни, съ которой прежде боролся, предался теперь окончательно; похожъ была на пловца изнеможенного, уносимаго теченіемъ къ омуту.

Новому министру народнаго просвѣщенія, Александру Семеновичу Шишкову—за восемьдесятъ. Сѣдъ, какъ лунь, лицо мертвенно-блѣдное, глаза впалые; голова трясется; жуесть губами, шамкаетъ. Однажды, явившись къ государю съ докладомъ, не могъ отпереть портфель,—такъ дрожали руки отъ слабости. Государь помогъ ему, вынулъ бумаги и прочелъ ихъ самъ.

Шишковъ былъ изувѣръ въ политикѣ. Сочиненный имъ цензурный уставъ называли «чугуннымъ», его самого—«гасильникомъ», а министерство просвѣщенія—«министерствомъ затменія».

-- Доклады его были сплошными доносами.

— Такъ называемый духъ времени есть духъ безбожья, духъ революціи, духъ, истребленьемъ и убійствами дышащій, отъ коего гибнетъ власть, умолкаетъ законъ, потрясаются престолы и кровавое буйство свирѣпствуетъ. Опасность сія ужаснѣе пожара и потопа...

Шамкаетъ, шамкаетъ, пока не замѣтитъ, что государь не слушаетъ, тогда опуститъ голову, помолчитъ, пожуетъ и вдругъ захнычетъ жалобно:

— Государь всемилостивѣйшій! трудно мнѣ, старику, нести на плечахъ столь тяжкое бремя; чувствую, что упаду

подъ нимъ. Духъ времени взялъ силу: вездѣ—въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ публикѣ и при самомъ дворѣ — сей духъ находитъ защиту. Что дѣлать? Головой стѣну не прошибешь... Богъ доселѣ хранилъ Россію, но, кажется, нынѣ рука Его тяготѣетъ на насъ. Быть худу, быть худу...

Каркаетъ, каркаетъ, и отъ этого карканья еще темнѣе темные зимніе дни, и тишина колыбельно-могильная еще усыпительнѣе.

Военный министръ Татищевъ, министръ юстиціи Лобановъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской— всѣ такіе же старые, дряхлые, похожіе на призраки.

«И вотъ кому отданы судьбы Россіи,—думалъ государь:—какою молодостью началъ, какою старостью кончаетъ!»

А въ народѣ не прекращались слухи о зловѣщихъ знаменіяхъ: то колокола на церквахъ сами звонили похороннымъ звономъ; то неизвѣстная птица прилетала ночью на крышу дворца и выла жалобно; то рождались уроды: младенецъ съ рыбьимъ хвостомъ, теленокъ съ головой человѣчьей.

Въ концѣ феврала сдѣлалась оттепель; потемнѣлъ тлѣющій снѣгъ, закапало съ крышъ, ледъ загрохоталъ изъ водосточныхъ трубъ, пугая прохожихъ; зашлепали лошади въ зловонной слякоти. Люди стали умирать, какъ мухи, отъ гнилыхъ горячекъ. Поползли туманы черно-желтые, и все что-то мрежило, мрежило, пока не вышло изъ тумановъ смѣшное страшилище—попъ съ рогами.

Сначала у Троицы, во время обѣдни, выставилъ онъ морду изъ царскихъ вратъ и заблеялъ по-козлиному; потомъ видѣли его у Николы Морского и, наконецъ, въ Казанскомъ соборѣ. Толпа собралась на площади. Полицеймейстеръ Чихачевъ убѣждалъ разойтись, но толпа не расходилась и напирала на двери собора; увѣренность, что тамъ прячутъ попа съ рогами, усиливалась тѣмъ, что двери были заперты и охранялись полиціей, а духовенство не выходило; говорили, будто бы самъ митрополитъ служить молебствіе, дабы Господь помиловалъ попа и роги у него отпали.

Въ черно-желтомъ туманѣ, въ темномъ свѣтѣ ночного дня все было такъ призрачно, что и этотъ призракъ казал-

ся дѣйствительнымъ. И неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы кто-то не пустилъ слухъ, что попа увезли подземнымъ ходомъ.

А на слѣдующій день собралось еще больше народа у Невской лавры. Попа уже многіе видѣли; одни увѣряли, будто онъ опохожъ на Аракчеева, другіе—на Фотія. Монахи заперли ворота, а толпа шумѣла, чтобъ отперли.

— Да что, братцы, смотрѣть? Сами отворимъ, тащи лѣстницу!—крикнулъ кто-то.

Но появилась рота солдатъ, и всѣ разбѣжались. А вечеромъ стало извѣстно, что во многихъ сосѣднихъ домахъ сбворовано, пока прислуга бѣгала смотрѣть попа.

Изъ Петербурга попъ исчезъ, зато началъ являться въ другихъ городахъ Россійской имперіи.

Когда доложили о томъ государю, сначала Шишковъ, а затѣмъ оберъ-полицеймейстеръ Гладковъ съ такимъ видомъ, какъ будто начиналась революція, государь вышелъ изъ себя, обругалъ Гладкова старою бабою и велѣлъ изслѣдовать дѣло Аракчееву.

Оказалось, что попъ съ рогами—не пустая выдумка. Въ глухомъ украинскомъ селеніи одинъ священникъ убилъ козла и надѣлъ шкуру съ рогами, чтобъ нарядиться чортъ «для содѣланія нѣкоего неистовства». Клейкая шкура присохла къ тѣлу, и, думая, что она приросла, попъ взвылъ отъ ужаса. Сбѣжался народъ; слухъ дошелъ до начальства; произведено слѣдствіе, дѣло поступило въ Синодъ, а оттуда молва разнеслась по городу.

Только что попъ исчезъ, появилось новое чудо: каждый день игла Петропавловской крѣпости начала свѣтиться краснымъ свѣтомъ; думали, заря, но и въ облачные дни былъ свѣтъ. Государь собственными глазами видѣлъ: игла свѣтилась, какъ будто лезвее тонкаго ножа висѣло на темномъ небѣ, кровавое. Причина свѣта такъ и осталась неизвѣстной; только много времени спустя узнали, что на пустырь, близъ крѣпости, обжигали известь, и свѣтъ изъ устья печи, заслоняемый домами и заборами, падалъ прямо на спиць.

А начальникъ тайной полиціи фонъ-Фокъ заваливалъ государя доносами.

Среди бѣлаго дня на Невскомъ проспектѣ кто-то кому-то сказалъ: «скоро будетъ революція!» — сыщикъ бросился ловить злоумышленника, но тотъ исчезъ въ толпѣ. По другому доносу, предлагалось ставить на ночь караулы у всѣхъ колоколенъ, «дабы нельзя было ударить въ набать, подавая тѣмъ сигналъ къ революціи». А въ грамматическихъ таблицахъ сочинителя Греча для взаимнаго обученія нижнихъ чиновъ найдены возмутительныя изреченія: «Императрица—перепелица. Гдѣ сила, тамъ законъ—ничто. Сила солону ломить. Воды и царь не уйметъ». Таблицы запрещены, и Гречь отданъ подъ надзоръ полиціи.

Когда же государь узналъ, что и самъ Аракчеевъ стоитъ подъ тѣмъ же надзоромъ, то подумалъ, что фонъ-Фокъ помѣшался, хотѣлъ было разсердиться, но махнулъ рукою: «дѣлайте, что знаете».

Никто не смѣлъ говорить съ нимъ о Тайномъ Обществѣ, а ему казалось, что всѣ о немъ знаютъ и, думая, что онъ отъ страха ничего не дѣлаетъ, смѣются надъ нимъ.

«Подозрительность его доходила до умоизступленія,—разсказывала впослѣдствіи Марья Антоновна Нарышкина:—достаточно ему было услышать смѣхъ на улицѣ или увидѣть улыбку на лицѣ одного изъ придворныхъ, чтобы вообразить, что надъ нимъ смѣются».

Однажды вечеромъ, когда у Марьи Антоновны сидѣла кухня ея, пріѣзжая молоденькая полька, и подали чай, государь налилъ одну чашку хозяйкѣ, другую—гостьѣ. А Марья Антоновна шепнула ей на ухо:

— Когда вы вернетесь домой, то будете, конечно, гордиться тѣмъ, кто наливалъ вамъ чай?

— О, да, еще бы!—отвѣтила та.

Государь, по глухотѣ, не слышалъ, но видѣлъ, что онѣ улыбаются, и тотчасъ нахмурился, а оставшись наединѣ съ Нарышкиной, сказалъ:

— Видите, я всюду дѣлаюсь смѣшнымъ... И вы, и вы, мой старый другъ, которому я вѣрилъ всегда, не можете

удержаться отъ смѣха! Скажите же мнѣ, ради Бога, скажите что во мнѣ смѣшного?

Генераль-адъютанты Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя у окна, во дворцѣ, и рассказывая анекдоты, смѣялись. Вдругъ вошелъ государь; они перестали, но на лицахъ еще виденъ былъ смѣхъ. Государь взглянулъ на нихъ и прошелъ, не останавливаясь, а черезъ нѣсколько минутъ послалъ за Киселевымъ. Тотъ, войдя въ кабинетъ, увидѣлъ, что государь стоитъ передъ зеркаломъ и вертится, оглядывая себя то съ одной, то съ другой стороны.

— Надъ чѣмъ вы смѣялись? Что во мнѣ смѣшного?

Киселевъ остолбенѣлъ и едва могъ пролепетать, что не понимаетъ, о чемъ государь изволить спрашивать.

— Ну, полно, Павелъ Дмитриевичъ,—продолжалъ тотъ ласково:—я же видѣлъ, что вы надо мною смѣялись. Скажи правду, будь добрымъ: нѣтъ ли сзади моего мундира чегонибудь смѣшного?

Иногда снился ему гадкій сонъ: будто гдѣ-то на балу или на дворцовомъ выходѣ онъ—въ полномъ мундирѣ съ Андреевской лентой черезъ плечо, но безъ шапона—все на него смотрятъ, и онъ чувствуетъ, что осрамился навѣки: такое же чувство было у него теперь наяву.

Не только въ лицахъ человѣческихъ, но и во всѣхъ предметахъ что-то подсмѣивалось: изъ вечернихъ тумановъ на небѣ клубившихся, глядѣло смѣшное страшилище—попъ съ рогами; въ лѣтнемъ саду вороны каркали, какъ въ ту страшную ночь, 11 марта, когда спугнули ихъ батальоны семеновцевъ; и на темно-багровой зимней зарѣ красныя стѣны Михайловскаго замка, отраженные въ черной водѣ канала, напоминали кровь.

Отъ петербургскихъ тумановъ и призраковъ спасался онъ въ Царское.

Здѣсь, въ уединеніи, было легче. Онъ жилъ зимой въ трехъ маленькихъ комнаткахъ церковнаго флигеля—кабинетѣ, спальнѣ, столовой—очень простыхъ, почти бѣдныхъ. Ему казалось, что онъ уже отрекся отъ престола и живетъ въ отставку.

Однажды, послѣ обѣда, онъ сидѣлъ одинъ въ кабинетѣ у камелька. День былъ сѣренькій, но иногда изъ-за тучъ выглядывало солнце; пламя въ камелькѣ блѣднѣло, водянисто-прозрачное, и на замерзшихъ окнахъ алмазный папоротникъ искрился. А за окнами, на грифельно-темномъ небѣ, бѣлѣли деревья, одѣтыя инеемъ; тамъ, въ снѣжномъ паркѣ—свѣтло, бѣло и тихо, какъ за тысячи верстъ отъ города: тишина колыбельно-могильная.

Онъ думалъ о предстоящемъ свиданіи съ княземъ Валерьяномъ Голицынымъ.

Помнилъ обѣщанье, данное Софьѣ; помнилъ также лицо князя Валерьяна въ тотъ вѣчный мигъ надъ гробомъ Софьи, когда вдругъ почувствовалъ, что любовь къ умершей соединяетъ ихъ, и что этотъ врагъ его—единственно нужный, близкій ему человѣкъ. Тогда ничего не стоило подойти къ нему и заговорить, но потомъ, чѣмъ больше думалъ объ этомъ свиданьи, тѣмъ труднѣе казалось оно. Проходили мѣсяцы. Онъ все откладывалъ. Голицынъ ждалъ и пересталъ ждать; хотѣлъ уѣхать, просилъ отпуска. Государь не пускалъ его, но теперь былъ увѣренъ, что свиданье будетъ для обоихъ тягостно, лживо, унижительно и, главное, смѣшно тѣмъ страшнымъ смѣхомъ, который всюду преслѣдовалъ его.

А все-таки думалъ объ этомъ свиданьи упорно, жадно и мучительно, какъ будто растравлялъ съ наслажденіемъ рану свою. Воображалъ себѣ весь разговоръ въ мельчайшихъ подробностяхъ, готовилъ свои вопросы и его отвѣты,—говорилъ за обоихъ, иногда, увлекаясь, еслухъ,—какъ актеръ учить роль свою передъ зеркаломъ.

Сначала—о Софьѣ.

— Я исполняю,—скажетъ,—ея предсмертную волю, говоря съ вами, князь! Она говорила мнѣ, и я знаю, что это такъ: если вы любили ее, то не можете быть мнѣ врагомъ. Именемъ ея прошу васъ, говорите съ мной, не какъ съ государемъ подданный, а какъ человѣкъ съ человѣкомъ, какъ сынъ съ отцомъ. Я вѣрю, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы и вы повѣрили, что она слышитъ насъ...

Помолчить и посмотреть ему прямо въ глаза, а тотъ не выдержитъ,—потупится.

— Мнѣ извѣстно, Голицынъ,—заговоритъ опять,—что вы принадлежите къ Тайному Обществу, и цѣли онаго также извѣстны мнѣ: ограниченье власти самодержавной. дарованье конституціи. Но развѣ вы не знаете, что это и моя цѣль?

Тутъ усмѣхнется кротко.

— Вы хотите быть моими врагами, но вы друзья мои. дѣти, исчадье, плоть и кровь моя. Безъ меня и васъ бы не было. Я всегда думалъ и думаю, что свобода есть лучший даръ Божій. Что же раздѣляетъ насъ? Почему мы враги?

— Угодно знать правду вашему величеству?

— Правду, Голицынъ, одну правду.

— Государь, вы сами знать изволите, что Тайное Общество возникло только тогда, когда всякая надежда на дарованіе Россіи свободы верховною властью была потеряна...

Если бы кто-нибудь заглянулъ въ комнату, то подумалъ бы, что государь лишился разсудка. Противъ него стояло пустое кресло, и онъ обращался къ нему, какъ будто тамъ сидѣлъ кто-то невидимый; ему казалось, что онъ говоритъ шопотомъ, но говорилъ такъ громко, что слышно было въ сосѣдней комнатѣ; дѣлалъ знаки руками, кивалъ головой, измѣнялъ голосъ; то улыбался, то хмурился—настоящій актеръ передъ зеркаломъ.

— Да неужели же, Голицынъ, неужели вся вина на мнѣ одномъ? Такихъ, какъ я, какъ вы,—десятки, ну, сотни въ Россіи, а остальныхъ—милліоны. Когда мы со Сперанскимъ только начинали преобразованія, то его объявили измѣнникомъ, и я принужденъ былъ пожертвовать имъ...

«Ну, не совсѣмъ такъ, но все равно, почти такъ,—подумалъ.—О Сперанскомъ непременно что-нибудь надо сказать».

— И знаете, Голицынъ, что писалъ мнѣ тогда Карамзинъ? Я до сихъ поръ наизусть помню: «одна изъ главнѣйшихъ причинъ неудовольствія Россіянь на нынѣшнее правленіе есть излишняя любовь его къ преобразованіямъ,

потрясающимъ имперію, благотворность коихъ остается сомнительной». Ужь если Карамзинъ, человѣкъ провѣщеннѣйшій, думалъ такъ, то что же другіе? Зрѣлище единственное въ мірѣ—государь, дающій вольность народу, и народъ, ея не принимающій! Нельзя сдѣлать людей изъ палки свободными. Одинъ въ полѣ не воинъ. А я—одинъ, помощниковъ нѣтъ. Кѣмъ я возьмусь? Кругомъ видишь обманъ. Можемъ ли мы, государи, знать все, что у насъ дѣлается? Когда объ этомъ подумаешь, волосы дыбомъ встаютъ! Военная, гражданская, церковная часть—все не такъ. Но что же дѣлать? Человѣкъ не можетъ всего. Надо войти и въ мое положеніе. Войдите же въ него, подумайте, что вы дѣлаете, раскайтесь въ преступныхъ замыслахъ, и приму раскаянье ваше съ любовью отеческой. А главное, поймите же, поймите, наконецъ, что я хочу того же, чего и вы. Будемъ вмѣстѣ, соединимъ усилія наши для блага отечества...

Что скажетъ еще, хорошенько не зналъ, но чувствовалъ, что будетъ умилительно. И тотъ не устоитъ—заплачетъ, упадетъ къ ногамъ его. Сначала—онъ, а потомъ и другіе. Всѣ придутъ съ повинной головой. И онъ проститъ ихъ, какъ отецъ прощаетъ блудныхъ сыновъ своихъ. А если и казнить кого, то, среди ликованія общаго, никто не замѣтитъ.

Ну, а что если не повѣрятъ, подумаютъ, что онъ просто боится, лукавитъ, играетъ двойную игру, заманиваетъ ихъ въ ловушку, чтобы вѣрнѣе уничтожить заговоръ? Что если вспомнить слова Наполеона: «Александръ тонокъ, какъ булавка, остеръ, какъ бритва, фальшивъ, какъ пѣна морская; если бы надѣтъ на него женское платье, то вышла бы прехитрая женщина». Или слова бабушки: «господинъ Александръ, по природѣ своей, актеръ, великій мастеръ красивыхъ тѣлодвиженій». Красивымъ тѣлодвиженьямъ и теперь передъ зеркаломъ учится. Но поздно: разбито зеркало. Никого не обманетъ. Только новый срамъ, новый мѣхъ. «Нѣтъ ли у меня сзади чего-нибудь смѣшного?»

Онъ—жертва, а они убійцы; или жертвы—они, а онъ—палачъ: этого никакими словами не скроешь. Не слова

нужны, а дѣла. Казнить злодѣевъ,—вотъ что надо. «На и нельзя, нельзя и надо»,—опять, какъ тогда, 11 марта. Ничего не рѣшить, ничего не сдѣлаетъ, пальцемъ не динетъ. Какъ въ летаргiи—все слышитъ, все знаетъ, чувствуетъ и не можетъ дать знакъ, чтобъ его не хоронили заживо.

— А они смѣются! А они смѣются!..

Камердинеръ Анисимовъ давно уже слышалъ изъ средней комнаты, что государь говорить съ кѣмъ-то. Вошелъ ли кто съ другого хода? Подойдя къ двери, приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Когда государь прошепталъ: «А они смѣются! А они смѣются!»—«Анисимовъ! Анисимовъ!» послышалось ему. Онъ открылъ дверь и вошелъ.

— Чего тебѣ?

— Звать изволили, ваше величество?

— Вонъ!—закричалъ государь, вскочилъ и затопал ногами въ ярости.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ шинели и фуражкѣ, пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

У крыльца стоялъ часовой. «И этотъ смѣется?» подумалъ государь, остановился и, глядя на него въ упоръ спросилъ:

— Ты что?

— Здравія желаю, ваше императорское величество! гаркнулъ тотъ, выпучивъ глаза, съ такимъ усердіемъ, что у государя отлегло отъ сердца.

— Какъ звать?

— Иванъ Охрамѣенко, ваше величество!

— Ну, Иванъ, скажи ротному, что я тебя унтеръ-офицеромъ жалую.

«Совсѣмъ, какъ батюшка,—подумалъ онъ:—яблоко отъ яблоньки недалеко падаетъ».

Вошелъ въ паркъ.

Для прогулокъ его расчищались дороги отъ снѣга. Усыпались желтымъ пескомъ на нѣсколько верстъ. Густо аллеей дремучихъ елей подъ бѣлымъ саваномъ, по берегу Большого озера, шелъ къ Баболовской просѣлкѣ.

Падалъ снѣгъ, сначала рѣдкими звѣздами, а потомъ—лопьями, еще не мокрый, но уже мягкій, липкій, предвѣщающій оттепель, какъ будто и самъ теплый, удушливый.

Дойдя до просѣки, завернулъ по узенькой тропинкѣ въ чащѣ лѣса и вышелъ на площадку, окруженную выскни-ми деревьями. Сѣлъ на скамью и долго смотрѣлъ, какъ адаетъ снѣгъ—въ темнѣющемъ воздухѣ бѣлая сѣтка, бѣлая мгла, однообразно снующая, ослѣпляющая, головокружительная.

«Головокруженіе...—подумалъ онъ.—Что такое? Что я отѣлъ?... Да...

...Cet esprit de vertige et d'erreur,
De la chute des rois funeste avant-coureur.

оловокруженіе, которое предвѣщаетъ паденіе царей...»

То были стихи изъ французской трагедіи, слышанной мѣ съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ.

— У меня голова закружилась бы на такой высотѣ,—мѣлся однажды надъ маленькой бронзовой куколкой, умиромъ кесаря, на побѣдномъ столпѣ Вандомской площади; а когда, послѣ взятія Парижа, побѣжденные въ честь сбѣдителя стаскивали веревками ту куколку, подъ буйные клики толпы: «долой Наполеона, вивать Александръ!»—закружилась-таки голова у него самого побѣдителя. Но той чередъ каждому: сперва Наполеона, а теперь и его, Александра, спускаютъ, при общемъ смѣхѣ,—маленькую, бѣтскую, на ниточкѣ вертящуюся куколку.

А еще что? Да, послѣ аустерлицкаго разгрома, всѣми покинутой, лежалъ ночью, въ пустой избѣ, на соломѣ, съ жестокою животною болью, что лейбъ-медикъ Вилліе боялся за жизнь его и отпаивалъ краснымъ виномъ, за которымъ ходилъ въ австрійскій лагерь и тамъ на колѣняхъ полбулки вымолилъ. А ему, государю, казалось, что эта животная боль—отъ страха—медвѣжья болѣзнь. Вотъ, когда начался тотъ страшный смѣхъ, отъ котораго онъ теперь ходитъ съ ума.

И еще, еще что? Самое смѣшно, самое страшное? Н 11 марта, не Тайное Общество, — это только струнья проказы,—а сама она гдѣ, гдѣ корень всего? Знаеть, гдѣ; знаеть, что. Не хочетъ знать, а знаеть. Не то ли, о чемъ он говорилъ тогда, когда тащили его на кровавый престолъ какъ тащить мясники теленка на бойню, а онъ упирался не шель, «теленочекъ бѣдненькій»? — «Тутъ мѣсто проклятое,—говорилъ тогда:—станешь на него и провалишься; проваливались всѣ до меня, и я проваляюсь». Тогда это зналъ потомъ забылъ и вотъ опять вспомнилъ. Но поздно: голова подъ топоромъ, веревка на шеѣ у бѣднаго теленочка. Стал на мѣсто проклятое и провалился. Надо было тогда же уйти бѣжать безъ оглядки, а теперь поздно: сложить корону—сложить голову. И всѣ мечты о томъ—только красивы тѣлодвиженія, актерское ломаніе передъ зеркаломъ—ложный срамъ, смѣхъ.

Закрывъ лицо руками, хотѣлъ плакать,—не могъ.

Всталъ, скинулъ фуражку, сбросилъ шинель, опустился на колѣни, сложилъ руки и поднялъ глаза, хотѣлъ молиться не могъ. О чемъ? Кому? «Чтобы самодержавно царствовать надо быть Богомъ»,—это онъ самъ говорилъ, это всѣ ему говорили,—говорили и дѣлали,—его, человѣка, дѣлал Богомъ.

Опять закрылъ лицо руками, повалился на снѣгъ долго лежалъ такъ, недвижимый, бездыханный, какъ мертвый.

А снѣгъ все падалъ да падалъ въ темнѣющемъ воздухѣ и покрывалъ мертваго саваномъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дневникъ императрицы Елизаветы Алексѣевны хранился въ особой шкатулкѣ, всегда запертой. Она вела его тридцать лѣтъ, никому не показывая, кромѣ стараго друга своего, Карамзина.

Весною, готовясь къ отъѣзду изъ Петербурга въ Царское, а оттуда—въ Таганрогъ, тяжело-больная и, какъ ей казалось, умирающая, она приводила въ порядокъ свои бумаги: «чтобы ко всему быть готовой, даже къ смерти»,—писала въ тотъ же день матери.

Поздно ночью, оставшись одна въ спальнѣ, отперла шкатулку, вынула дневникъ и стала читать. Онъ былъ на французскомъ языкѣ, съ отдѣльными русскими и нѣмецкими фразами. Читала не сплошь, а лишь тѣ страницы, которыя были ей особенно памяты. Въ прошлые годы почти не заглядывала, а только въ два послѣдніе, 1824—5.

Читала:

«Отъ цвѣтка—запахъ, отъ жизни—грусть; къ вечеру запахъ цвѣтовъ сильнѣе, и къ старости жизнь грустнѣе.

Карамзинъ, узнавъ, что я родилась почти мертвая, сказалъ:

— Вы сомнѣвались, принять ли жизнь.

Кажется, я до сихъ поръ сомнѣваюсь; никогда не умѣла принять жизнь, войти въ нее, какъ слѣдуетъ.

Страданія человѣческія—темныя, но точныя зеркала; надо въ нихъ смотрѣться, чтобы увидѣть себя и узнать. Я вижу себя въ своемъ темномъ зеркалѣ не ея величе-

ствомъ, императрицей всероссійской, а маленькой дѣвочкой, которая не хотѣла рождаться, или старой старушкой, которая не можетъ умереть.

11 марта. Каждый годъ въ этотъ день мы ѣздимъ съ государемъ въ Петропавловскій соборъ, на панихиду по императорѣ Павлѣ. Государь вспоминаетъ прошлые годы и вотъ уже много лѣтъ говоритъ мнѣ все съ большею грустью:

— Гдѣ-то мы будемъ черезъ годъ и будемъ ли вмѣстѣ?

Годы проходятъ. Двадцать три года—двадцать три мига. Чѣмъ дальше, тѣмъ ближе. Все, какъ вчера.

Мы не говоримъ, но объ одномъ и томъ же думаемъ; вспоминаемъ тотъ разговоръ наканунѣ страшной ночи 11-го марта:

— А если кровь?—спросилъ онъ.—Что же ты молчишь? Или думаешь, что мы должны—черезъ кровь?..

— Не знаю,—начала я, но онъ остановилъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, молчи, не смѣй! Если скажешь, Богъ не проститъ...

Но я все-таки кончила:

— Не знаю, проститъ ли Богъ, но мы должны.

Тогда я знала, что должны; теперь не знаю; или, какъ онъ тогда говорилъ: «должны и не должны, надо и нельзя, нельзя и надо».

А потомъ въ Москвѣ, во время коронаціи, онъ сидѣлъ цѣлыми часами, не двигаясь, въ оцѣпенѣніи, уставившись глазами въ одну точку бессмысленно. Боялись за его разумъ; никто не смѣлъ къ нему войти; только князь Чарторыйскій иногда входилъ и старался утѣшить, ободрить его.

— Нѣтъ, этому нельзя помочь, — отвѣчалъ государь.— Я долженъ страдать. Какъ вы хотите, чтобы я не страдалъ? Это всегда, всегда будетъ...

Да, всегда было; отступало на время, а потомъ возвращалось. Вотъ и теперь возвращается. Двадцать три года—двадцать три мига; чѣмъ дальше, тѣмъ ближе; все, какъ вчера.

Мечъ прошелъ душу его. Не этотъ ли мечъ раздѣлитъ насъ? Хотимъ сойтись, и не можемъ. Такіе близкіе—такіе

чуждые. Не эта ли кровь легла между нами чертой непреступною?

Если бы я тогда не сказала: «мы должны», то, можетъ-быть, ничего бы не было. Не онъ, а я виновата во всемъ,—я одна. Пусть же Богъ не его, а меня казнить!

Вспоминаю болѣзнь его. Теперь, когда опасность миновала, отъ меня уже не скрываютъ, что онъ былъ на волосокъ отъ смерти: рожистое воспаленіе ноги могло перейти въ антоновъ огонь. Я никогда не видала его такимъ кроткимъ въ страданіи; это пугало меня больше всего.

Теперь онъ почти здоровъ. Когда выѣхалъ въ первый разъ, 22 февраля, прохожіе на улицахъ, увидѣвъ его, становились на колѣни, крестились и плакали отъ радости.

Я тоже радуюсь, а все-таки жалѣю — чего? Неужели того времени, когда онъ былъ боленъ, страдалъ, и я вмѣстѣ съ нимъ? Да, мы были вмѣстѣ, такъ близко, какъ уже давно не бывали. Помню, онъ сказалъ мнѣ однажды съ тою улыбкой больного ребенка, которой у него никогда раньше не было, — я такъ боюсь ея и такъ люблю.

— Вотъ увидите, Lise, если я поправлюсь, то буду этимъ обязанъ вамъ одной.

Какъ я была счастлива! Даже стыдно, что могла быть такъ счастлива, когда онъ страдалъ.

То было послѣ первой ночи, которую провелъ онъ спокойно, благодаря особой подушкѣ моего изобрѣтенія. Онъ долженъ былъ спать сидя, потому что дѣлались приливы крови къ головѣ, только что ложился; подушка моя избавила его отъ этихъ приливовъ. Я придумала также для больной ноги его скамеечку, которая позволяла ему сидѣть за столомъ въ креслѣ.

Проводила съ нимъ дни и ночи; не боялась ему какъ всегда помѣшать. Онъ былъ весь мой, и мы были одни, какъ будто за тысячи верстъ отъ всѣхъ, кто надоѣдаетъ ему и мучаетъ его, когда онъ здоровъ. Никто не смѣлъ къ намъ войти; хорошо, уютно, тихо.

— Какъ хорошо, Lise, всегда бы такъ! — говорилъ онъ. Ухаживалъ за мной, любезничалъ. Мнѣ казалось, что я не жена, а любовница.

Теперь всему конецъ. Опять одна, опять — ничто: ни жена, ни любовница. Сидѣлка, которая получила плату и можетъ уйти. Опять боюсь ему помѣшать, стараюсь на глаза не попадаться; пробираюсь по стѣнкѣ, такъ, чтобы никто не замѣтилъ; прихожу ночью украдкой и цѣлую соннаго: во снѣ онъ все еще мой.

Ну, что жъ, пусть такъ! Я вѣдь привыкла. Наяву — розно, во снѣ — вмѣстѣ, можетъ-быть, и въ послѣднемъ смертномъ снѣ. Все въ жизни раздѣляетъ насъ, а когда выходимъ изъ жизни — соединяемся. Нашъ союзъ не отъ міра сего. Мужъ и жена — навѣки разлученные любовники.

Говорять, ночная кукушка дневную перекукуетъ. Я всегда была для него ночью, но не умѣла перекуковать дневныхъ. Я — зловѣщая птица: если я близко, — значить, худо ему; ему худо, а мнѣ хорошо; чѣмъ хуже ему, тѣмъ лучше мнѣ. Надо, чтобы онъ былъ въ болѣзни, въ несчастіи, въ опасности, чтобы я была съ нимъ. Такъ было 11 марта; такъ было въ 12-мъ году. Такъ и теперь. Неужели такъ всегда?

О, я понимаю, что онъ меня не любитъ, боится любить!

Дни проходятъ и приносятъ мнѣ все больше горечи, но я не жалуясь: это въ порядкѣ вещей. Все по-старому; все, какъ должно быть. Стараюсь приучить себя къ страданію такъ, чтобы оно казалось мнѣ естественнымъ. Но это не всегда удается. Софи Строганова права, когда упрекаетъ меня за недостатокъ христіанскихъ чувствъ. Я хочу вѣрить, что Господь воспитываетъ душу мою для вѣчной жизни скорбями здѣшней; хочу отдаться Ему со связанными руками и ногами. Я говорю: все, что Онъ захочетъ; все, какъ Онъ захочетъ,—только бы я знала: что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать? Потому что я иногда не знаю, не понимаю многого. «Но если нельзя понять, значить, и не надо», говоритъ Софи.

Должно-быть, есть люди, которымъ не то что не дано, а не позволено быть счастливыми. Когда я счастлива, мнѣ ка-

жется, что я взяла чужое, украдала; стыдно и страшно: знаю, что буду наказана.

Не надѣяться здѣсь, на землѣ, ни на что, отъ всего отказаться, всему покориться, страдать молча,—миѣ много нѣтъ спасенія

Я не должна быть счастлива, — вотъ тайна жизни моей, — я должна страдать. Господь знаетъ, зачѣмъ это нужно, но Онъ не хочетъ, чтобы я это знала.

Да будетъ воля Его, да приметъ Онъ меня послѣдней изъ послѣднихъ, только бы не отвергъ!

Годовщина Лизанькиной смерти. Ей теперь исполнилось бы 18 лѣтъ.

Я была на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ похоронена Лизанька вмѣстѣ съ Машенькой — Мышкой моей (Mäuschen). Тутъ же, рядомъ, Алеша. На его гробницѣ надпись: «Кавалергардскаго полку штабъ-ротмистръ, Алексѣй Яковлевичъ Охотниковъ, умеръ 30 января 1807 года на 26-мъ году отъ рожденія».

Никто никогда не узнаетъ, что скрыто для меня подъ этою надписью.

Когда я въ послѣдній разъ пришла къ нему передъ смертью, онъ сказалъ миѣ:

— Я умираю, счастливый, но дайте миѣ что-нибудь на память.

Я отрѣзала и дала ему прядь волосъ. Онъ велѣлъ положить ее въ гробъ. Она и теперь тамъ. Пусть Богъ меня накажетъ, — я не раскаиваюсь и не отниму того, что дала.

Долго ходила по кладбищу. Въ тѣни еще былъ снѣгъ, а на солнцѣ — трава зеленая и желтые цвѣты весенніе. Я сорвала три пучка: одинъ положила на могилу Лизаньки, другой—Мышки, третій—Алешки.

Не всѣ, кого я люблю, но всѣ, кто любилъ меня,— здѣсь. Всѣ трое вмѣстѣ—на кладбищѣ, такъ же какъ въ сердцѣ моемъ.

Говорятъ, къ непогодѣ старыя раны болятъ. Болятъ мои старыя раны—передъ какою бурей?

Вспоминаю смерть Мышки, смерть Лизаньки, — и опять времени нѣтъ; чѣмъ дальше, тѣмъ ближе; все, какъ вчера.

Мышкѣ было очень плохо, а я все еще надѣялась. Въ послѣднюю ночь, послѣ ужасной рвоты и судорогъ, она передъ утромъ затихла, какъ будто уснула. Я прилегла рядомъ, на диванѣ, и тоже заснула, потому что не спала много ночей. А когда проснулась, — увидѣла, что она умираетъ. Можетъ-быть, звала меня, а я не слышала? Уже бездыханная, лежала на рукахъ моихъ, а я все еще не вѣрила. «Что это? Что это?» повторяла бессмысленно.

Казалось тогда, что нельзя больше страдать. Но я и въ половину не страдала такъ, какъ потомъ отъ Лизанькиной смерти. Да, вотъ что страшно: никогда не знаешь, какъ еще будешь страдать, какъ еще можно страдать, и есть ли конецъ страданію? Кажется, нѣтъ конца. Если бы я не вѣрила въ Бога, я тогда убила бы себя.

Всѣ эти дни брожу по дворцу, какъ душа нераскаянная. Зашла намеренно въ Лизанькину комнату и вспомнила все. Ходила по комнатѣ какъ безумная, повторяла всѣ ея словечки и старалась имъ подражать. «Нѣ, нѣ», вмѣсто «нѣтъ», и по-англійски: «up, up?» — когда хотѣла быть поднятой на руки. И еще говорила «такъ», когда я спрашивала ее на ухо: «ты моя, маленькая Лизанька?» — «Такъ! Такъ!» отвѣчала съ такимъ хитрымъ видомъ, какъ будто понимала, въ чемъ дѣло. А когда причащали ее, отвертывалась и кричала тоже по-англійски: «No! No!» Къ государю не могла привыкнуть, боялась его и плакала.

Послѣднія слова ея передъ смертью: «танцуй! танцуй! Dance! Dance!» потому что любила во время болѣзни, когда не спала, чтобъ ее сажали на подушку, носили по комнатѣ и пѣли веселую пѣсенку. Сколько разъ я пѣла ей, глотая слезы!

Вотъ вспомнила это, и чрезъ столько лѣтъ боль — все такая же. Не первыя минуты горя самыя страшныя, — ихъ горечь опьяняетъ и заглушаетъ боль, — а потомъ, когда опьянѣніе проходитъ, все возвращается къ сбычному порядку, какъ будто забываешь — и вдругъ вспомнишь.

Лизанька умерла въ десять дней отъ зубовъ. Доктора все успокаивали и только въ послѣднюю минуту испугались, потеряли голову. Дали ей мускусу. О, этотъ запахъ мускуса въ полутемной комнатѣ съ опущенными шторами! Началась рвота и судороги, точно такія же, какъ у Мышки. Потомъ окоченѣла, какъ будто задохлась. Подняли шторы, поднесли ее къ окну. Чтобы узнать, жива ли, я позвала: «Лизанька!» — и она, уже вся посинѣвшая, вдругъ подняла ручку, прикоснулась къ щекѣ моей. И въ лицѣ ея было что-то такое жалкое, недѣтское, что у меня до сихъ поръ душа разрывается.

А когда лежала въ гробу, любимыя птицы ея запѣли въ сосѣдней комнатѣ.

За что дѣти страдаютъ? Ну, мы, взрослые, искупаемъ грѣхи свои. А дѣти за что? Первородный грѣхъ, что ли? Нѣтъ, ничего, ничего не понимаю.

Какъ Іовъ, могла бы я отвѣтить утѣшителямъ: «слышала я много такого; жалкіе утѣшители — всѣ вы, бесполезные врачи!»

Да, во мнѣ сейчасъ меньше покорности, чѣмъ въ первыя минуты горя. Боже мой, Боже мой, какое нужно терпѣніе, чтобъ не спросить у Бога: зачѣмъ? за что? Вотъ я твержу себѣ: мы здѣсь, на землѣ, не для счастья, а для страданій, и Богъ лучше нашего знаетъ, зачѣмъ это нужно. «Все къ лучшему, все къ лучшему!» какъ говоритъ государь. Но не помогаетъ это.

Софи права: во мнѣ мало христіанскихъ чувствъ. И я не хочу лицемерить, не хочу казаться лучше, чѣмъ я есть. Если бы я покорилась, то, можетъ-быть, меньше страдала бы; но мнѣ казалось бы тогда, что я измѣняю тѣмъ, кого люблю.

Не хочу страдать меньше, не хочу покоряться. Хочу спорить съ Богомъ, какъ Іовъ:

«О, если бы человѣкъ могъ имѣть состязаніе съ Богомъ, какъ сынъ человѣческой съ ближнимъ своимъ. Вотъ я кричу: обида! — и никто не слушаетъ; вопію, — и нѣтъ суда».

Зачѣмъ я всю жизнь люблю человѣка, который не любитъ меня? Зачѣмъ полюбила Алешу? Зачѣмъ онъ убить? За-

чѣмъ умерла Мышка? Зачѣмъ умерла Лизанька? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

А иногда кажется—знаю, зачѣмъ; знаю, за что.

Я слишкомъ люблю, люблю людей больше, чѣмъ Бога, и за это Онъ меня наказываетъ. Стоитъ мнѣ полюбить кого-нибудь, какъ Богъ отнимаетъ его у меня. Ужъ лучше бы никого не любила. Боюсь любить.

Копаться въ душѣ своей, растравлять свои раны — дурная привычка.

— Вы слишкомъ за собой слѣдите, — говорила мнѣ покойная императрица австрійская.

Лейбъ-медикъ Вилліе совѣтуетъ, вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, «глупо жить».

«Желаю вамъ покоя и равнодушія здороваго, говоря языкомъ философическихъ медиковъ», пишетъ мнѣ Карамзинъ. А мой пріятель, башкирецъ, который въ Царскомъ Селѣ готовилъ мнѣ кумысъ, говорилъ, бывало, поглядывая на меня съ сожалѣніемъ:

— Ты, матка, больна потому, что слишкомъ умна, много думаешь; а лѣкарства даютъ, — еще хуже дѣлаютъ.

Ну, что же, постараюсь «глупо жить». Фигаро, кажется, правъ, что «всѣ умные люди — дураки».

Зачѣмъ себѣ портить жизнь? Надо брать ее, какъ она есть, — тогда самага горькаго не чувствуешь. Не надо *принюхиваться* къ жизни, какъ къ воздуху въ комнатѣ покойника.

Патріотическое Общество, Сиротское училище, Эмеритальная касса, Домъ Трудолюбія, лѣпка, живопись, карты, шашки, бирюльки, — вонъ сколько дѣль!

А лѣтомъ—купаться, ѣздить верхомъ. Когда ныряю и, открывая глаза подъ водой, вижу полусвѣтъ таинственный, или скачу верхомъ и вѣтеръ мнѣ въ уши свиститъ,—я забываю всѣ горести жизни.

Однажды, въ Ораніенбаумѣ, съ великою княгинею Анною, бывшей супругой Константина, мы голыми ногами въ

водѣ по взморью бѣгали, смѣялись и шалили такъ, что статсъ-дама императрицѣ-матери пожаловалась. Это четверть вѣка назадъ, но есть во мнѣ и теперь та же веселая дѣвочка.

Право, я еще многое въ жизни люблю: люблю въ Петергофѣ сидѣть на камнѣ у моря вечеромъ и слѣдить, ни о чемъ не думая, за парусами и чайками; люблю гулять раннимъ утромъ на Каменномъ островѣ, когда ставни закрыты, всѣ еще спятъ,—по той пустынной дорожкѣ, гдѣ мы такъ часто гуляли съ Алешею; люблю соловьиное пѣніе въ бѣлыя ночи, такое странное; люблю запахъ весеннихъ березъ подъ маленькимъ дождикомъ, теплымъ и тихимъ, какъ слезы счастья.

Всѣ эти радости Софи называетъ «цвѣтами у подножья креста». Зачѣмъ такъ пышно?

Давеча нашла я у себя въ шкатулкѣ вязальныя спицы и долго не могла припомнить, откуда онѣ; наконецъ вспомнила, что въ 12-мъ году мы вязали шерстяные чулки для солдатъ.

Петля за петлей, день за днемъ, буду вязать мою жизнь, какъ старая добрая нѣмка шерстяной чулокъ.

Еще одна смерть — Софи Нарышкиной. Бѣдная дѣвочка! Она была мнѣ, какъ родная дочь.

Государь опять несчастенъ и опять со мной. На долго ли? Поздно ночью вернулся съ дачи Нарышкиныхъ, гдѣ простился съ умершею. Не зашелъ ко мнѣ, только прислалъ записку: «Она умерла. Я наказанъ за всѣ мои грѣхи».

А я такъ боюсь сдѣлать ему непріятное, что не посмѣла утромъ послать спросить, какъ онъ себя чувствуетъ. Говорятъ, на больной ногѣ его опять открылась ранка.

Завтра уѣзжаетъ въ военныя поселенія съ Аракчеевъымъ. Все равно, вернется ко мнѣ; теперь ему дѣваться некуда.

Нѣтъ, есть куда: къ госпожѣ Нарышкиной. Смерть Софи сблизила ихъ. Мы теперь обѣ нужны ему: я—сидѣлка, любовница; она—супруга, мать. Этого еще никогда

не бывало, чтобы она была съ нимъ въ горѣ: всегда было такъ, что или она—въ счастье, или я—въ горѣ. Но вотъ мы вмѣстѣ.

Слѣжу за нимъ, узнаю стороной, когда онъ бываетъ у нея. Мнѣ, впрочемъ, не надо узнавать отъ другихъ,—сама знаю: у меня на это нюхъ собачій. Кажется, слышу отъ него запахъ ея, запахъ мускуса, напоминающій полутемную комнату съ опущенными шторами.

Неужели все еще ревную къ этой твари? Именно: *тварь*; это—ке бранное, а точное слово. Развѣ можно въ лотерею разыгрывать женщину, какъ онъ разыгралъ ее съ Платономъ Зубовымъ? Развѣ можно любить съ презрѣньемъ? Онъ-то, впрочемъ, думаетъ, что иначе нельзя.

— Чтобы любить, надо немного презирать женщину, — сказалъ мнѣ однажды, давно-давно, когда еще мы съ нимъ о любви говорили.

Это комплиментъ: онъ слишкомъ уважаетъ меня, чтобы любить. Всегда, будто бы, казалось ему, что мы—братъ и сестра, близнецы духовные, и между нами плотская любовь—кровосмѣшеніе...

Но кто кого изъ нихъ больше презираетъ, — я не знаю.

Разъ, на придворномъ балу (лѣтъ двадцать назадъ, а какъ сейчасъ помню), я спросила Нарышкину:

— Какъ ваше здоровье?

— Не совсѣмъ хорошо, — отвѣтила она, глядя мнѣ прямо въ глаза, — я, кажется, беременна.

Знала, что я знаю, отъ кого.

А вѣдь презрѣнье ко мнѣ—и къ нему презрѣнье.

— Я давно уже отказался отъ любви, даже платонической, Пора въ отставку, — говорилъ государь намедни одной дамѣ, за которой когда-то ухаживалъ.

Любить мнѣ рассказывать о своихъ сердечныхъ дѣлахъ и всегда увѣренъ въ моемъ участіи.

Если бы онъ кого-нибудь любилъ по-настоящему, мнѣ было бы легче. Но ни одной любви, а сколько любей! Купчихи, актрисы, жены адъютантовъ, жены станціонныхъ

смотрителей, бѣлобрысыя нѣмки-меноитки, и королева Луиза Прусская, и королева Гортензія. Со многими доходило только до поцѣлуевъ.

— Мужчины, — говоритъ, — не умѣютъ останавливаться вс-время. Любовь — не геометрія: тутъ иногда часть больше цѣлаго.

Можетъ-быть, не любитъ женщинъ, потому что самъ слишкомъ женщина. «Жокетка», какъ называла его королева Гортензія. Неисправимый щеголь, въ глазахъ женщинъ, какъ въ зеркалахъ, только самимъ собою любится.

Въ Вѣнѣ, во время конгресса, явившись на балъ въ черномъ фракѣ, чулкахъ и башмакахъ, старался, чтобы дамы забыли въ немъ государя.

— Хотя я сѣверный варваръ, но умѣю быть любезнымъ съ дамами.

Любовь замѣняетъ любезностью, какъ старинные кавалеры Людовика XIV.

Вотъ голубоглазая нѣмочка Эмилиа играетъ на клавишнѣ, а онъ рядомъ стоитъ, правую ногу отставилъ впередъ съ жеманною граціей, держитъ шляпу такъ, чтобы пуговица отъ галуна кокарды приходилась между двумя пальцами, смотритъ въ лорнетъ и перевертываетъ ноты.

— Ни за что не повѣрю, что вы меня боитесь,—шепчетъ ѣ на ухо.

— Бѣюсь не угодить вашему величеству...

— О, ради Бога, забудьте мое величество! Позвольте мнѣ быть просто человѣкомъ,—я такъ счастливъ тогда.

А вотъ другая нѣмочка (ему на нихъ везетъ), Амальхень, передъ разлукой поетъ ему: «Es war ein König in Thule», и опяетъ слезинку на вязаный голубой кошелекъ, прощальный подарокъ.

Однажды все лѣто ѣздилъ верхомъ на почныя свиданія въ Парголово, для сокращенія пути, прямо по засѣянному оляму. Крестьяне окопали ихъ канавами. Но онъ и черезъ ихъ перескакивалъ. Тогда, не зная, кто этотъ всадникъ, ни подали жалобу за потраву полей. Онъ велѣлъ заплатить

и очень былъ доволенъ. Любить смѣшивать Боккачю с Вертеромъ, игривое съ чувствительнымъ.

Въ 12-мъ году, въ Вильнѣ, гдѣ въ госпиталяхъ под кучами сваленныхъ мертвыхъ тѣлъ иногда шевелились стонали живые, раненые, — хорошенькая панни Дороте щипала корпію, а онъ, цѣлуя ей ручки, сказалъ:

— Чтобы воспользоваться этой корпіей, хочется бытъ раненымъ

— Это не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій (*sa ne tiras à conséquence,*) — утѣшалъ его Наполеонъ въ Эрфуртѣ когда онъ каялся ему въ своихъ любовныхъ шалостяхъ.— Н все же, мой милый, вамъ слѣдуетъ подумать о наслѣдникѣ.

И спрашивалъ о моемъ физическомъ сложеніи, давал совѣты врачебные, должно-быть, съ такимъ же благосклоннымъ видомъ, съ какимъ адъютантовъ своихъ дралъ за ухо

«На свѣтѣ нѣтъ вѣчнаго, и самая любовь не можетъ бытъ навсегда», говорила намъ, новобрачнымъ, старая сводня графиня Шувалова; онъ это запомнилъ и всю жизнь этомъ слѣдовалъ; игра въ любовь — игра въ бирюльки

Что же теперь случилось?

«Она умерла. Я наказанъ за всѣ мои грѣхи».

Или понялъ, что это *можетъ имѣть послѣдствія?*

Всѣ эти дни душа моя, какъ сырое мясо.

Онъ все еще не рѣшилъ, кто ему сейчасъ нужнѣе, я или Нарышкина. Отъ меня — къ ней, отъ нея — ко мнѣ. Сегодня мнѣ говорятъ: «вы мой ангелъ хранитель, главный по Богѣ!» — а завтра даютъ понять, что въ любви моей и нуждаются. Вѣчные подъемы и паденья, — вотъ отъ чего душа моя устала до смерти.

Я терпѣла, терплю и буду терпѣть. Но не бываетъ ли иногда терпѣнье подлостью?

Я — какъ собака, во время вивисекціи, которая, под ножомъ издыхая, лижетъ руку хозяину.

Сегодня ночью, проходя по дворцу, я услышала музыку остановилась и заглянула въ открытыя окна сосѣдней залы, вспомнила, что у императрицы-матери — балъ.

За мной былъ Георгіевскій залъ съ царскимъ трономъ въ глубинѣ, а предо мной въ освѣщенныхъ окнахъ танцующія пары мелькали, какъ тѣни, одна за другой. Бѣлая ночь; свѣтло какъ днемъ. И ночные огни казались погребальными, а веселія польки унылыми, какъ пѣсни больныхъ дѣтей.

Если бы могли приходите къ людямъ выходцы съ того свѣта, они должны бы чувствовать то же, что я. Бѣдные люди! Бѣдныя дѣти! Можетъ-быть, тамъ мы будемъ смѣяться, надъ чѣмъ плакали здѣсь, и годы печали, годы разлуки покажутся мигами.

Алеша, Мышка, Лизанька были со мной; мы смотрѣли всѣ вмѣстѣ *оттуда сюда*. И свѣтла была ночь, какъ улыбка на лицѣ умершаго — отблескъ дня невечерняго.

«Враги человѣку — домашніе его», — это я на себѣ испытала.

Карамзинъ говоритъ:

— Вы — между людьми, какъ фарфоровая ваза между горшками чугунными.

Ну, положимъ, не фарфоровая ваза, а глиняный горшокъ несчастный. За то тѣ — какіе счастливые, какіе чугунные! И самая счастливая, самая чугунная — императрица-мать.

Съ нѣкоторыхъ поръ ея не узнать: всегда была чопорной, на этикетѣ помѣшанной, а тутъ вдругъ, на старости лѣтъ, окружила себя фрейлинами-дѣвчонками, офицерами-мальчишками и рѣзвится съ ними, какъ будто ей не шестьдесятъ, а шестнадцать лѣтъ: балы, пикники, маскарады, ужины, концерты, фейерверки, иллюминаціи. Сама скачетъ, и всѣ за нею, высуня языкъ, изъ Петербурга въ Павловскъ, изъ Павловска въ Гатчину, изъ Гатчины въ Царское. У меня голова кругомъ идетъ, а ей — нипочемъ.

Выдумала недавно наряжаться для верховой ѣзды въ мужское платье: лиловый, шитый золотомъ кафтанъ, на головѣ шапочка съ перомъ, на ногахъ бѣлое трико въ обтяжку. Такъ какъ при ея полнотѣ это не очень пристойно, то публику въ паркъ не пускаютъ; дежурный камеръ-пажъ бѣжитъ впереди, вертя чугунной трещоткой.

Да, не очень пристойно, но зато какъ вкусно жить! Вкусно пьетъ свой крѣпкій кофе и раскладываетъ грань-пасьянсъ; вкусно дышитъ прохладою, открывая форточки и простужая всѣхъ; вкусно хозяйничаетъ въ Павловскомъ молочномъ домикѣ, такая румяная, бѣлая, свѣжая, что, кажется, отъ нея самой, какъ отъ бабы-коровницы, пахнетъ парнымъ молокомъ; вкусно говорить: «мои милыя коровки, телятки! мой милый Павловскъ со всѣми добрыми моими дѣтьми!» А всего вкуснѣе спасаетъ душу свою филантропией: я, — говоритъ, — въ жизни свсей не скоро могла бы имѣть такъ много удовольствій, когда бы не было бѣдныхъ!»

Ужъ не завидую ли я, потому что сама такъ невкусно живу? Иногда думаю: вотъ, какой надо быть; вотъ, кто бо-шелъ въ жизнь, какъ слѣдуетъ; не сомнѣвался, принять ее или нѣтъ — родиться ли? Безъ сомнѣнія родилась, безъ сомнѣнія рожала. «Право, сударыня, вы мастерица дѣтей на свѣтъ производить!» говорила ей бабушка. И вотъ, можетъ-быть, истинная религія: такъ рассчитывать на милость Божию, чтобы не портить себѣ крови ничѣмъ.

А я — какая дура!

Павловскъ — рай, но меня тошнитъ отъ этого рая. Чистильщики прудовъ вытаскиваютъ иногда изъ тины у Острова Любви дохлую кошку или газетный листокъ. Въ вѣчныхъ туманахъ — сладкая гарь торфяного пожара съ камфарною гнилью болотъ. Пахнетъ розами и пахнетъ лягушками. Тутъ царство лягушекъ. Императрица ихъ любитъ, и придворный поэтъ ея, Жуковскій, умѣетъ готовить мясо лягушечьихъ филейчиковъ въ серебряной кастрюлькѣ подъ кисленькимъ соусомъ. Всѣ облизываются, а меня тошнитъ.

Въ Розовомъ павильонѣ, за чаемъ — разговоръ о крѣпостномъ состояніи крестьянъ.

Жуковскій, Карамзинъ, Крыловъ, Нелединскій, новый министръ Шишковъ и еще какіе-то старые старички, сенаторы, изъ которыхъ песокъ сыплется. Всѣ были согласны,

что не нужно вольности. Я имѣла глупость возражать; сказала то, что всегда думала:

— Уничтожить рабство крестьянъ — есть первая цѣль всего въ Россіи.

Они вдругъ замолчали и сконфузились, какъ будто я сказала что-то неприличное; потомъ Карамзинъ началъ потихоньку исправлять мою глупость, доказывая, что «народъ нашъ, удаленъ бывши отъ того, чтобы почитать себя въ рабствѣ, привязанъ душой къ образу свсего существованія и находить въ немъ счастье»; когда же императрица-мать мнѣніе сіе одсбрила, всѣ вдругъ на меня накинулись.

Въ саду — концертъ молоденькихъ лягушекъ, а въ Розовомъ Павильонѣ — концертъ старыхъ жабъ.

— Помилуйте, да русскіе мужики живутъ, какъ у Христа за пазухой! — воскликнулъ Жуковскій. — То неоспоримо, что лучшей судьбы нашихъ крестьянъ у добраго помѣщика нѣтъ во всей вселенной.

— Для мужиковъ, однимъ видомъ отъ скота отличающихся, вольность есть тунейдство и необузданность, — подхватилъ Нелединскій.

— Господа помѣщики въ государствѣ, какъ пальцы у рукъ: высвободи вожжи изъ пальцевъ, то лошади куда занесутъ! — прошамкалъ одинъ старичокъ.

— Не можно себѣ представить, какая каша будетъ изъ вольности, — прошамкалъ другой.

Шишковъ псблѣднѣлъ и затрясся.

— Неужели всѣ ужасы Европы не научили насъ, что вольность, сей идоль чужеземныхъ слѣпцовъ, ведетъ къ буйству, разврату и ниспроверженію властей? Десница Вышняго хранить насъ; чего намъ лучше желать?

А самая толстая жаба, Крыловъ, молчалъ, но по лицу его видно было, что онъ о вольности думаетъ.

Я чувствовала, что не выдержу, наговорю еще бѣльшихъ глупостей, — встала и ушла.

Жуковскій догналъ меня. Онъ знаетъ, что я его не очень люблю, и это беспокоитъ его: какая ни на есть, а все же императрица.

Началъ извиняться за несогласное мнѣніе о вольности и спросилъ, не сержусь ли я на него.

— Полноте, Василій Андреевичъ... Посмотрите-на лучше, какая луна!

Мы шли пустынной аллеей, по берегу озера.

— Охъ, ужъ эта мнѣ луна! — поморщился онъ: — того и гляди, *Отчетъ* заставятъ писать...

О павловскихъ лунныхъ ночахъ пишетъ для императрицы отчеты въ стихахъ.

Заглядѣлся, однако, замечтался и зафилософовалъ:

— Смерть, въ ея истинномъ смыслѣ, лучше жизни. Нетлѣннаго нѣтъ на землѣ: оно насъ ждетъ за дверью гроба. А на землѣ всего вѣрнѣй — мечтать...

Я слушала и думала: за что я его не люблю? Онъ добръ и уменъ; его стихи очаровательны. Но вотъ не люблю.

Толстенкій, кругленькій, лысенкій, какъ тотъ фарфоровый китаецъ въ окнѣ чайной лавки, который киваетъ головой, какъ будто говорить: «все къ лучшему!» На лицѣ его превосходительства написано: «слава царю земному и небесному, — а я всѣмъ доволенъ, и жалованьемъ, и наградами».

Только отъ застарѣлой романтической грусти у него завалы въ печени, и онъ, по совѣту медиковъ, на деревянной лошаdkѣ для моціона качается.

Гѣте, когда его спросили, что онъ о Жуковскомъ думаетъ, сказалъ: «далеко пойдетъ! Кажется, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ?» О немъ же словечко Вяземскаго: «хотя Жуковскій живъ и здравствуетъ, а хочется сказать: славный былъ покойникъ, царствіе ему небесное!»

Придворный поэтъ, почившій на павловскихъ розахъ, придворный поваръ Овсянаго Киселя и лягушечьихъ филейчиковъ. Намедни, защищая смертную казнь, онъ доказывалъ, что изъ нея надо бы сдѣлать «христіанское таинство».

— Иной философіи быть не можетъ, какъ философія христіанства: отъ Бога къ Богу, — говорилъ онъ теперь, глядя на луну. — Желать чего-нибудь страстно — значить

мѣшаться въ дѣло Провидѣнія. Середина есть то, что всякій человѣкъ избирать долженъ...

— Серединка-на-половинкѣ? — не выдержала я, наконецъ, — разсмѣялась. — А помните, ваше превосходительство:

Дѣти, овсяный кисель на столѣ, читайте молитву...

— Грѣшенъ, ваше величество, люблю Овсяный кисель, и вы когда-нибудь полюбите!

Я заглянула въ его китайскіе глазки и ничего не отвѣтила. Но онъ, кажется, понялъ, что меня тошнитъ.

Путешествіе государя по восточнымъ губерніямъ назначено осенью. Уѣдетъ въ августѣ, вернется въ ноябрѣ. Я останусь одна въ Царскомъ и думаю объ этомъ съ ужасомъ. Съ какой бы радостью я поѣхала съ нимъ! Но онъ и слышать не хочетъ.

Эти вѣчныя отъѣзды — бѣдствіе жизни моей. Если не проѣхалъ онъ за годъ тысячъ двѣнадцать верстъ — ему не по себѣ. А за всю свою жизнь сдѣлалъ не меньше 200.000. Это настоящая болѣзнь. «Лучше всего, — говоритъ, — чувствую себя въ коляскѣ: тамъ только я спокоенъ».

Какъ будто не находитъ себѣ мѣста, отъ невидимой погони бѣгаетъ, скачетъ, сломя голову, такъ что лошадей загоняетъ. На малѣйшее промедленіе сердится: «я уже и такъ, — говоритъ, — полчаса по маршруту промѣшкалъ!»

Вѣчно торопится, боится опоздать куда-то; увѣряетъ, будто ему надо что-то осматривать; но это предлогъ: путешествуетъ безъ всякой цѣли. Самъ надъ собою смѣется:

— Я — Вѣчный Жидъ. Ни на что ужъ не годенъ, какъ только скитаться по бѣлу свѣту, словно на мнѣ отяготѣло пророчество: *и будетъ ти всякое мѣсто въ движеніе.*

Онъ уѣхалъ. Я одна. Живу въ Царскомъ. Здѣсь хорошо осенью — пустынно, тихо. Въ ясныя ночи въ окна смотритъ луна, моя единственная собесѣдница. А я, въ сорокъ лѣтъ, какъ глупая дѣвочка, грущу при лунѣ о возлюбленномъ.

Карамзинъ тоже здѣсь. Мы съ нимъ часто видаемся. Я ему читаю дневникъ. Иныя мѣста не хватаетъ духу прочесть; тогда передаю ему, и онъ прочитываетъ молча. Иногда вижу слезы на глазахъ его, но не стыжусь: онъ меня любитъ.

— Умѣю, — говоритъ, — издали смотрѣть на васъ съ тѣмъ чувствомъ, которое возьму съ собой и на тотъ свѣтъ: для истинной любви здѣшняя жизнь коротка.

Бродимъ вдвоемъ по пустыннымъ аллеямъ, гдѣ желтые листья падаютъ.

«Моя вечерняя жизнь»... сказалъ онъ однажды. Какъ хорошо сказано: вечерняя жизнь. Оба — старые, усталые, вечерніе. Жалуемся другъ другу, кряхтимъ да охаемъ

— Я, ваше величество, пріобрѣлъ въ рюматизмахъ новую опытность. Несмотря на благопріятное дѣйствіе атмосферическаго воздуха, чувствую въ моихъ ежедневныхъ прогулкахъ почти болѣзненную томность, — говоритъ онъ, опираясь на палочку и прихрамывая.

И, какъ два старика, поддерживаемъ другъ друга подъ руку, а желтые листья падаютъ.

Здѣсь, въ Царскомъ, позднею осенью, какъ никогда и нигдѣ, вспоминается мнѣ моя молодость. Вотъ на этомъ лугу, — онъ тогда назывался Розовымъ Полемъ, потому что весь былъ сбсаженъ розами, — сиживала императрица-бабушка; ее, уже больную, катали въ креслахъ на колесикахъ, а мы передъ нею бѣгали взапуски, играли въ горѣлки, въ пятнашки, въ веревочку. Мой женихъ — шестнадцатилѣтній мальчикъ, а я невѣста — четырнадцатилѣтняя дѣвочка.

Бабушка, недовольная тѣмъ, что по ночамъ крали розы, поставила здѣсь часового. Прошли годы, розы одичали, а часовой на томъ же мѣстѣ, какъ полвѣка назадъ, сторожитъ несуществующія розы — розы воспоминаній. И кажется мнѣ, что все еще бѣгаетъ здѣсь шестнадцатилѣтній мальчикъ съ четырнадцатилѣтней дѣвочкой.

Амуру вздумалось Психею
Рѣзвися, поймать...

Но пусто кругомъ — послѣднія розы увяли, и лепестки на нихъ осыпались, сбная черныя сердца.

— Все кажется сномъ, а сердцу больно, какъ наяву, — говоритъ Карамзинъ голосомъ тихимъ, какъ шелестъ осеннихъ листьевъ. — Миѣ и отъ радости бываетъ грустно. Свѣтъ гаснетъ для меня, или я для него гасну, — но такъ и быть: надо покинуть свѣтъ, прежде чѣмъ онъ насъ покинетъ. Да здравствуетъ Провидѣніе! Почти хотѣлось бы сказать: да здравствуетъ смерть!...

Намедни прочелъ посланіе къ *Элизѣ* — ко миѣ:

Здѣсь — все мечта и сонъ, но будетъ пробужденіе!
Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣніи, —
Узнаю наяву.

Заплакалъ и поцѣловалъ миѣ руку, а я его — въ лысую голову.

И, глядя, какъ свѣтлыя паутинки осени соединяютъ черныя сердца увядшихъ розъ, я повторяла:

— Все кажется сномъ, сердцу больно, какъ наяву...

Съ Карамзиннымъ въ Китайскомъ Домикѣ живетъ камеръ-юнкеръ, князь Валерьянъ Голицынъ, племянникъ бывшаго министра. Онъ былъ боленъ, почти при смерти; теперь поправляется. Иногда я вижу его издали.

Карамзинъ миѣ сказалъ, что Голицынъ — членъ Тайнаго Общества.

— Какое Тайное Общество?

— Развѣ вы не знаете?

— Не знаю.

Онъ сперва замялся, не хотѣлъ говорить, но я упросила его, и онъ разсказалъ миѣ все.

Существуетъ заговоръ, здѣсь, въ Петербургѣ, и въ Южной арміи, для введенія въ Россіи конституціи. Злодѣи намѣрены произвести возмущеніе въ войскахъ и, въ случаѣ надобности, посягнуть на жизнь государя.

Государь давно уже знаетъ объ этомъ. Какъ же миѣ не сказалъ?

Теперь вспоминаю, что у меня было предчувствіе. Я всѣмъ старалась понять, что у него на душѣ, чѣмъ онъ мучается о чемъ думаетъ. Такъ вотъ о чемъ...

Еще новость: великій князь Николай — наслѣдникъ престола. Я узнала объ этомъ изъ случайнаго разговора Ніхе и Alexandrine съ императрицей-матерью, въ моемъ присутствіи, — вообще мною не стѣсняются. Императрица спросила меня:

— Развѣ вамъ государь ничего не говорилъ?

Она видѣла, какъ мнѣ стыдно и больно: можетъ-быть для того и начала разговоръ.

Опять Карамзинъ рассказалъ мнѣ все подъ большимъ секретомъ: боится, что государь узнаетъ и будетъ сердиться

Николай — наслѣдникъ, это дѣло рѣшенное; Константинъ уже отрекся отъ престола, и государь, можетъ-быть еще при жизни своей, отречется въ пользу Николая. Манифестъ, завѣщаніе или что-то въ этомъ родѣ спрятано гдѣ-то, и пока никому ничего неизвѣстно

. . . По тайному завѣщанію, передаютъ изъ рукъ въ руки Россію, какъ частную собственность. Судьба народа считается дѣломъ домашнимъ: послѣ смерти хозяина раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія
.

Не могу привыкнуть къ этой новости. Николай, Никсъ — самодержецъ Россійскій!

Какъ сейчасъ помню драки маленькаго Никса съ Мишелемъ. Никсъ былъ бѣдовый мальчишка: въ припадкѣ злости рубилъ топорикомъ игрушки, билъ палкой и чѣмъ ни попалъ бѣднаго Мишеньку. Однажды, ласкаясь къ учителю, укусилъ его за ухо; былъ, однако, трусишкою: отъ грозы под кровать прятался, а когда ему надо было вырвать кривой зубъ, такъ боялся, что нѣсколько дней плакалъ, не спалъ и не ѣлъ. Зато, еще мальчикомъ, дѣлалъ ружейные приемы какъ лучший ефрейторъ. Я и впоследствии никогда не ви

дывала книги въ его рукахъ: единственное занятіе — фронтъ и солдаты.

— Я не думалъ вступать на престоль, — говорить самъ, — меня воспитывали, какъ будущаго бригаднаго.

Уже молодымъ человѣкомъ, въ Твери, въ саду великой княгини Екатерины Павловны, статую Аполлона взорвалъ порохомъ, *въ видѣ забавы*. Онъ и самъ хорошъ, какъ Аполлонъ, только все что-то не въ духѣ: Аполлонъ, страдающій зубною болью.

Недавно, на ученьѣ, передъ фронтомъ, обозвалъ офицеровъ «свиньями» и грозилъ всѣхъ «философовъ» вогнать въ чахотку.

. Кто-то сказалъ о немъ: «il y a beaucoup de prarogchique en lui et un peu de Pierre le Grand».

Какъ-то будетъ онъ царствовать?

Не знаю, впрочемъ, кто лучше, — Николай или Константинъ?

У того отвращеніе къ престолу врожденное.

— Меня, — говорить, — непременно задушатъ, какъ задушили отца

Когда я смотрю на это курносое лицо съ мутно-голубыми глазами на выкатѣ, съ свѣтлыми насупленными бровями и свѣтлыми волосиками на кончикѣ носа, которые щетинятся въ минуты гнѣва, — мнѣ всегда чудится привидѣніе императора Павла.

— Не понимаю, — говаривала бабушка, — откуда вселился въ Константинѣ такой подлый *санкюлотизмъ*!

Однажды сказалъ онъ о беременной матери:

— Въ жизнь мою такого живота не видывалъ: тутъ мѣсто для четверыхъ!

Я собственными глазами читала письмо его къ Лагарпу съ подписью: Это, впрочемъ, можетъ-быть, искреннее смиреніе «санкюлота», потому что онъ искрененъ, и добродушенъ по-своему.

Но, когда я думаю о немъ, передо мною встаетъ тѣнь госпожи Араужо

и тѣнь Алеши, убитаго изъ-за угла наемнымъ кинжаломъ злодѣя.

А все-таки — лучше Константинъ, чѣмъ Николай.

Теперь понимаю, откуда у нихъ у всѣхъ эта надменность: царствованіе императора Александра кончилось, царствованіе императора Николая началось.

Мнѣ иногда кажется, что государь ими преданъ и проданъ. Что-то будетъ съ Россіей?

Все думаю о Тайномъ Обществѣ.

У этихъ злодѣевъ есть правда, — вотъ что всего ужаснѣе. И почему «злодѣи»? Не мы ли показали имъ примѣръ 11 марта? Не я ли когда-то проповѣдывала революціи, какъ безумная? Не говорила ли: «мы должны — черезъ кровь»?.. Тогда — мы, теперь — они: кровь за кровь.

Можетъ-быть, я ничего не понимаю въ политикѣ. Но, кажется, въ Россіи все идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

Вспоминаю мой разговоръ съ генераломъ Киселевымъ, начальникомъ штаба Южной арміи, гдѣ главнсе гнѣздо заговорщиковъ. Говорятъ, будто бы и онъ — съ ними, но я этому не вѣрю: онъ государю преданъ.

— Въ теченіе 24 лѣтъ само правительство питало насъ либеральными идеями, — говорилъ Киселевъ: — преслѣдовать теперь за свсбодомысліе не то же ли значить, что бить слѣпого, у котораго сняты катаракты, за то, что онъ видитъ свѣтъ? Въ 12-мъ году свсбоду проповѣдывали намъ воззванія, манифесты и приказы. Манили народъ, и онъ добрымъ сердцемъ псвѣрилъ, не щадилъ ни крови свсей, ни имущества. Наполеонъ низринуть, Европа освсбождена, государь всзвратился, увѣнчанный славою. Но народъ, давшій всзможность къ славѣ, получилъ ли какую льготу? Нѣтъ. Ратники, возвратясь въ дома свои, первые разнесли ропоть: «мы проливали кровь, а насъ заставляютъ потѣть на барщинѣ; мы избавили родину отъ тирана, а насъ тиранятъ господа». Всѣ, отъ солдата до генерала только, и говорили: «какъ хорошо въ чужихъ земляхъ, и почему не такъ у насъ?»

— Вотъ начало свободомыслія въ Россіи, — заключилъ Киселевъ: — чтобы истребить корень его, надо истребить цѣлсе поколѣніе людей, кои родились и образовались въ нынѣшнее царствованіе...

И вотъ, говорю отъ себя, основаніе Тайнаго Общества.

Да, есть у нихъ правда. Государь это знаетъ, — оттого такъ и мучается.

Но какъ же опять не сказалъ мнѣ? Что онъ со мною дѣлаетъ?

Я должна говорить съ нимъ, будь что будетъ...

...Всю зиму была больна; простудилась во время наводненія.

Теперь лучше, — говорятъ, что лучше. А я не знаю. Мнѣ все равно. Хожу, двигаюсь, но какъ будто это не я, а кто-то другой. Такая слабость, такой упадокъ силъ, что, кажется, если бы я могла выпить немного жизни съ ложки, какъ пьютъ лѣкарство, это бы мнѣ помогло.

Опять — балы, маскарады, концерты, ужины и визиты, визиты и родственники, родственники, сорокъ тысячъ родственниковъ: Виртенбергскіе, Оранскіе, Веймарскіе, Россійскіе — всѣ на меня насѣдаютъ. Я должна быть любезна со всѣми, но только что уйдутъ, падаю, какъ загнанная лошадь.

Вчера съ головою болью одѣвалась на балъ; стояла передъ зеркаломъ; только что эту бѣдную голову убрили цвѣтами и брилліантами, меня начало рвать; вырвало — сдѣлалось легче, и отправилась на балъ; просидѣла до ужина, только отъ запаха блюдъ убѣжала. А когда осталась одна и взглянула на себя въ зеркало, то испугалась: краше въ гробъ кладутъ.

Сегодня ждала на сквознякѣ, въ холодной пріемной у Alexandrine, потомъ попала не кстатн съ визитомъ къ им-

ператрицѣ, а ночью — маскарадъ. И при этомъ говорятъ: «поправляйтесь!»

Отъ государя записка: «если вамъ нужна помощь моя, я готовъ прекратить всѣ эти визиты; но умоляю васъ, положите конецъ вашей пыткѣ».

Лейбъ-медикъ Штофрегенъ сказалъ ему прямо, что меня убиваютъ.

Когда я всхожу по лѣстницѣ Зимняго дворца — 73 ступени, — у меня такое чувство, что я когда-нибудь тутъ же упаду бездыханною.

Я — какъ солдатъ на часахъ, который не смѣетъ сойти съ мѣста. Не люблю даромъ ѣсть хлѣбъ, а главное, терпѣть не могу, чтобы меня жалѣли. Сижу иногда съ опущенною вуалью даже въ собственной комнатѣ, чтобы не чувствовать на себѣ сострадательныхъ взоровъ; «ахъ, бѣдная женщина! Какая больная, несчастная!»

Это похоже на пытку, когда голаго, обмазаннаго медомъ выставляютъ на съѣденіе насѣкомымъ.

Доктора думаютъ, что у меня чахотка. Я имъ не вѣрю. Вотъ уже много лѣтъ чувствую бѣненіе жилы подъ сердцемъ что-то бьется во мнѣ, какъ подстрѣленная птица.

Не помню, кто сказалъ: «въ жизни каждого человѣка наступаетъ время, когда сердце должно окаменѣть или разбиться».

Сердце мое не окаменѣло и должно разбиться. Бѣдный глиняный горшокъ между чугунными!

Доктора думаютъ, что я больна, а мнѣ кажется, что я умираю. Тѣло мое — какъ изношенное платье: всякая малость дѣлаетъ новую дыру, а починить нельзя, потому что живого мѣста нѣтъ, — еще хуже разлѣзается, какъ Тришкинъ кафтанъ.

Кажется, повезутъ меня въ Таганрогъ осенью. Мнѣ все равно. Только бы не въ Италію: зрѣлище больной импе-

ратрицы, которую возять изъ города въ городъ, очень противно.

Я не могла бы нигдѣ жить, кромѣ Россіи, даже если бы меня весь міръ забылъ. И умереть хочу въ Россіи.

Государь отвезетъ меня въ Таганрогъ и на зиму вернется въ Петербургъ. А я останусь одна, опять одна.

Я хотѣла бы пустыннаго зеленаго уголка у моря, а главное — съ нимъ. Но это слишкомъ хорошо для меня. Всякій говоритъ: «я ѣду туда и туда»; мой конюхъ говоритъ: «я ѣду на морскія купанья». А я не могу

Я уже давно была бы здорова, если бы мнѣ дали путешествовать, когда мнѣ этого еще хотѣлось. Но государь ни за что не соглашался, не знаю почему. А теперь поздно.

Я всегда просила Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ сломить себя, уничтожить въ себѣ всякое желаніе. Я жертвовала государю всѣмъ, какъ въ маломъ, такъ и въ большомъ. Сначала трудно было, но стоило ему сказать: «вы такая разсудительная», — и я дѣлала все, что онъ хотѣлъ. Я смѣшивала покорность ему съ покорностью Богу, и это была моя религія. Я говорила себѣ: «онъ этого хочетъ», — и трудное дѣлалось легкимъ, горькое — сладкимъ; все легче и легче, все слаще и слаще.

Ну вотъ и сломила себя. Во мнѣ больше нѣтъ желаній, нѣтъ воли, нѣтъ ничего, какъ будто меня самой нѣтъ.

Почему же вдругъ стало страшно? Почему я не знаю права ли я? правъ ли онъ?

— У тебя ложный стыдъ,—часто говорила мнѣ маменька:—когда тебя отгѣсняють, ты сейчасъ же сама прячешься, начинаешь стыдиться и по стѣнкѣ пробираешься, чтобы тебя не замѣтили. Надо быть самоувѣреннѣй. Это необходимо въ твоемъ положеніи.

Да, всю жизнь пробираюсь по стѣнкѣ; дѣлаю видъ, что меня нѣтъ; стараюсь не быть. По Писанію: *жены да безмолвствуютъ*.

Я только женщина, я слишкомъ женщина.

Права ли я, что сломила, убила себя для него? Может-быть, надо было возмутиться? Может-быть, я была правѣе, когда возмущалась?

Но теперь поздно. Теперь я нужна ему; нужнаѣе, чѣмъ когда-либо, воля моя, сила, помощь,—но вотъ ничего не могу ему дать, потому что во мнѣ самой нѣтъ ничего. Мертвая рядомъ съ живымъ. Иногда онъ подходитъ ко мнѣ, какъ будто все еще надѣется, хочетъ что-то сказать и ждетъ, чтобы я заговорила; но у меня нѣтъ словъ, и мы оба молчимъ, а если говоримъ, то это какъ бесѣда глухонѣмыхъ.

Я не знаю, чтò съ нимъ, вижу только, что трудно ему, такъ трудно, какъ еще никогда. И не могу помочь, ничего не могу сдѣлать. Должна смотрѣть, какъ онъ гибнетъ—и ничего, ничего не могу сдѣлать.

Мы—какъ два утопающихъ: другъ за друга цѣпляемся и тащимъ другъ друга ко дну.

Если я одна виновата, прости меня, Господи! Ты Самъ меня создалъ такую. Я ничего не могу, ничего не хочу, ничего не знаю,—я только люблю.

А если оба мы виноваты,—казни меня, а не его, возьми душу мою за него...»

Кончивъ читать, закрыла дневникъ съ такимъ чувствомъ, что конецъ его—ея конецъ.

Красныя капли сургуча на бѣлую бумагу, какъ капли крови, закапали; старинною печатью съ дѣвичьимъ Баденскимъ гербомъ запечатала; сдѣлала надпись: «послѣ мсей смерти сжечь».

Спрятала дневникъ въ шкатулку и заперла на ключъ.

Закрыла лицо руками. Молилась все о томъ же,—чтобы Господь казнилъ ее одну, а его помиловалъ.

Была и другая молитва въ душѣ ея, но она сама почти не знала о ней, а если бы узнала, то удивилась бы, испугалась: молитва о томъ, чтобы Богъ простилъ ее, такъ же какъ она прощаетъ Бога.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Батюшка, ваше величество! Всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что посланный фельдъегерскій офицеръ Лангъ привезъ сего числа отъ графа Витта 3-го Украинскаго полка унтеръ-офицера Шервуда, который объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ донести вашему величеству касающееся до арміи, а не до поселенныхъ войскъ,—состоящее, будто бы, въ какомъ-то заговорѣ, которое онъ не намѣренъ никому болѣе открыть, какъ лично вашему величеству. Я его болѣе не спрашивалъ, потому что онъ не желаетъ онаго мнѣ открыть, да и дѣло не касается военныхъ поселеній, а потому и отправилъ его въ Санктъ-Петербургъ къ начальнику штаба, генераль-маіору Клейнмихелю, съ тѣмъ чтобы онъ содержалъ его у себя въ домѣ и никуда не выпускалъ, пока ваше величество изволите приказать, куда его представить. Приказалъ я Лангу на заставѣ унтеръ-офицера Шервуда не записывать. Обо всемъ оноmъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доношу.

Вашего императорскаго величества вѣрноподанный
Графъ Аракчеевъ».

Это письмо изъ Грузина государь получилъ на Каменномъ островѣ, въ срединѣ іюля. Еще раньше писалъ ему Шервудъ, помимо Аракчеева, черезъ лейбъ-медика Вилліе, прося, чтобы отвезли его въ Петербургъ, по важному, касающемуся лично до государя императора дѣлу.

Государь зналъ, что Шервудъ—агентъ тайной полиціи генерала Витта, главнаго начальника южныхъ военныхъ поселеній, которому, еще лѣтъ пять назадъ, поручено было слѣдить за Южной арміей, употребляя сыщиковъ, и доносить обо всемъ.

О генералѣ Виттѣ ходили темные слухи.

— Виттъ есть каналья, какихъ свѣтъ не производилъ, и то, что по-французски называется висѣльная дичь (*gibier de potence*),—говорилъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Проворовался будто бы,—не можетъ дать отчета въ нѣсколькихъ милліонахъ казенныхъ денегъ и готовъ душу чорту продать, чтобы выпутаться изъ этого дѣла. Съ Тайнымъ Обществомъ играетъ двойную игру: доносить, а самъ поступилъ въ члены, замышляя предательство на ту или другую сторону, заговорщикамъ или правительству,—смотря по тому, чья возьметъ.

Государю казалось иногда, что доносчики опаснѣе заговорщиковъ.

— Вы знаете, ваше величество, я врагъ всякихъ доносовъ, понеже самая ракаля можетъ очернить и сдѣлать вредъ честнымъ людямъ,—вспоминалъ онъ слова Константина Павловича.

Всегда былъ брезгливъ: «чистюлькой» называла его бабушка; похожъ на горностая, который предпочитаетъ отдаться въ руки ловцовъ, нежели запятнать бѣлизну свою—одежду царей.

Одинъ изъ доносовъ—капитана Майбороды—намедни бросилъ въ печку, сказавъ:

— Мерзавецъ, выслужиться хочетъ!

А все-таки рѣшилъ принять Шервуда: сильнѣе отвращенія было любопытство ужаса.

Свиданіе назначено 17 іюля, въ пять часовъ дня, въ Каменноостровскомъ дворцѣ.

Дворецъ напоминалъ обыкновенную петербургскую дачу. Съ балкона нѣсколько ступенекъ, уставленныхъ теплич-

ыми растеніями, вели въ садъ. Весною дачники, катавшіеся а яликахъ по Малой Невкѣ, могли видѣть, какъ государь уляетъ въ саду, навѣвая на себя благоуханіе цвѣтущей сени бѣлымъ платочкомъ. Кромѣ часового въ будкѣ у воротъ—нигдѣ никакой стражи. Садъ проходной: люди всякаго ваянія, даже простые мужики, проходили подъ самыми кнами.

День былъ душный; парило; шелъ дождь, пересталъ, о воздухъ насыщенъ былъ сыростью. Туманъ лежалъ бѣюю ватою. Крыши лоснились, съ деревьевъ капало, и казалось, что потѣеть все, какъ больной въ жару подъ пухой периной. Гдѣ-то, должно-быть, на той сторонѣ Малой Невки, на Аптекарскомъ островѣ (звукъ по водѣ доносился издали), кто-то игралъ унылыя гаммы. И одинокая птица пѣла се одно и то же: «тили-тили-ти»,—какъ будто плакала; поючить и опять: «тили-тили-ти». Та грусть была во всемъ, которая бываетъ только на петербургскихъ дачахъ, въ концѣ лѣта, когда уже въ усталой, томной, темной, почти черной елени чувствуется близость осени.

Ровно въ пять часовъ доложили государю о Клейнмихелѣ съ Шервудомъ. Государь обѣдалъ; велѣлъ подождать досидѣлъ до конца обѣда съ такимъ спокойнымъ видомъ, то никто ничего не замѣтилъ; потомъ всталъ, вышелъ въ пріемную, поздоровался съ Клейнмихелемъ и, едва взглянувъ на Шервуда, велѣлъ ему пройти въ кабинетъ. Клейнмихель остался въ пріемной,—сосѣдней комнатѣ.

Войдя въ кабинетъ, государь заперъ дверь и закрылъ окно, выходившее въ садъ; тамъ все еще слышались гаммы, и птица плакала. Сѣлъ за письменный столъ, взялъ карандашъ, бумагу и, наклонившись низко, не глядя на Шервуда, началъ выводить узоръ—палочки, крестики, петельки. Шервудъ стоялъ противъ него, вытянувшись, руки по швамъ.

— Не того ли ты Шервуда сынъ, котораго я знаю,— въ Москвѣ на Александровской фабрикѣ служить?

— Того самаго, ваше величество!

— Не русскій?

— Никакъ нѣтъ, англичанинъ.

— Гдѣ родился?

— Въ Кентѣ, близъ Лондона.

— Какихъ лѣтъ въ Россію пріѣхаль?

— Двухъ лѣтъ, вмѣстѣ съ родителемъ. Въ 1800 году отецъ мой выписанъ блаженной памяти покойнымъ государемъ императоромъ Павломъ Петровичемъ и первый основалъ въ Россіи суконныя фабрики.

— Говорите по-англійски?

— Точно такъ, ваше величество!

Вопросъ и отвѣтъ сдѣланы были по-англійски. «Кажется не вретъ», подумалъ государь.

— Что же ты хотѣлъ мнѣ сказать?

— Я полагаю, государь, что противъ спокойствія Россіи и вашего императорскаго величества существуетъ заговоръ.

— Почему ты такъ полагаешь?

Въ первый разъ, поднявъ глаза отъ бумаги, взглянулъ на Шервуда.

Ничего особеннаго: лицо какъ лицо; неопредѣленное, незначительное, безъ особыхъ примѣтъ, чистое, какъ говорится въ паспортахъ.

Шервудъ началъ рассказывать бесѣду двухъ членовъ Южнаго Тайнаго Общества, поручика графа Булгари и прапорщика Вадковскаго, подслушанную у двери, въ чужой квартирѣ, въ городѣ Ахтыркѣ, Полтавской губерніи. Вадковскій предлагалъ конституцію. Булгари смѣялся: «Для русскихъ медвѣдей конституція? Да ты съ ума сошелъ! Вѣрно, забылъ, какая у насъ династія,—ну, куда ихъ дѣвать?» А Вадковскій: «какъ, говорить, куда дѣвать?..»

Шервудъ останѣвился.

— Простите, ваше величество... страшно вымолвить..

— Ничего, говори,—сказалъ государь, еще разъ взглянувъ на него: лицо блѣдное, мокрое отъ пота, безжизненное какъ тѣ гипсовыя маски, что снимаютъ съ покойниковъ!

олько лѣвый глазъ щурится,—должно-быть, въ немъ судорога,—какъ будто подмигиваетъ. И это очень противно. Экій хамъ!—вдругъ подумалъ государь и самъ удивился своему отвращенію:—это потому что я знаю, что доносчикъ».

Опустивъ глаза, опять принялся за крестики, палочки, стельки.

— «Какъ, говорить, куда дѣвать?—подмигнулъ Шервудъ:—перерѣзать!»

Государь пожалъ плечами.

— Ну, что же дальше?

Онъ почему-то былъ увѣренъ, что слово «перерѣзать» было сказано.

— Когда остались мы одни, Вадковскій подошелъ ко нѣмъ и, немного измѣнившись въ лицѣ, говоритъ: «госпоинь Шервудъ, будьте мнѣ другомъ. Я вамъ ввѣрю важную тайну».—«Что касается до тайнъ,—говорю,—прошу не гѣшить: я не люблю ничего тайнаго». — «Нѣтъ, — говорить,—Общество наше безъ васъ быть не должно».—«Здѣсь,—говорю,— не время и не мѣсто, а даю вамъ честное слово, что пріѣду къ вамъ, гдѣ вы стоите съ полкомъ».

А на Богодуховской почтовой станціи, ночью, съ проѣзжою дамою, должно-быть, его, Шервуда, любовницей, былъ такой разговоръ: «дайте мнѣ клятву,—сказала дама,— что никто въ мірѣ не узнаетъ, что я вамъ сейчасъ открою». Онъ поклялся, а она: «я,—говорить,—ѣду къ брату; боюсь я за него: Богъ ихъ знаетъ, затѣяли какой-то заговоръ противъ императора, а я его очень люблю; у насъ никогда такого императора не было...»

— Кто эта дама?—спросилъ государь.

— Ваше величество, я всегда шель прямою дорогою, исполняя долгъ присяги, и готовъ жизнью пожертвовать, чтобы открыть зло; но умоляю ваше величество не спрашивать имени: я даль клятву...

«Тоже — рыцарь!» подумалъ государь, дѣлая усилие, чтобы не поморщиться, какъ отъ дурного запаха.

— Это все, что ты знаешь? — сказалъ онъ и, перставъ чертить узоръ, началъ писать по-французски многа разъ подъ рядъ: «каналья, каналья, каналья, висѣльная дичь...»

— Точно такъ, ваше величество, — все, что зна достовѣрнаго; слуховъ же и догадокъ сообщать не осмѣливаюсь...

— Говори все,—произнесъ государь и началъ ломать карандашъ подъ столомъ, кидая на полъ куски; чувствовалъ, что съ каждымъ вопросомъ будетъ залѣзать все дальше въ грязь,—но уже не могъ остановиться: какъ въ дурномъ снѣ, дѣлалъ то, чего не хотѣлъ.

— Какъ ты думаешь, великъ этотъ заговоръ?

— Судя по духу и разговорамъ вообще, а въ особенности, офицеровъ 2-ой арміи, заговоръ долженъ быть разпространенъ до чрезвычайности. Въ войскахъ очень ихъ слушаютъ.

— Чего же они хотятъ? Развѣ имъ такъ худо?

— Съ жиру собаки бѣсятся, ваше величество!

«Онъ просто глупъ», подумалъ государь съ внезапнымъ облегченіемъ. А все-таки спрашивалъ:

— Какъ полагаешь, нѣтъ ли тутъ поважнѣе лица?

Шервудъ помолчалъ и покосился на дверь: должно быть, боялся возвышать голосъ, а что государь плохо слышитъ,—замѣтилъ.

— Подойди, сядь здѣсь,—указалъ ему тотъ на стулъ рядомъ съ собою: сдѣлалъ опять то, чего не хотѣлъ.

Шервудъ сѣлъ и зашепталъ. Государь слушалъ, поставивъ правое ухо и стараясь не дышать носомъ: ему казалось, что отъ Шервуда пахнетъ потомъ ножнымъ,—запахъ отъ котораго государю дѣлалось дурно. «И чего онъ такъ потѣеть: отъ страха, что ли?» подумалъ съ отвращеніемъ.

Шервудъ говорилъ о двусмысленномъ поведеніи генерала Витта, который, будто бы, всего не доносить,—и генерала Киселева, у котораго главный заговорщикъ Пестелъ

днюетъ и ночуетъ; о неблагонадежности почти всѣхъ министровъ и едва ли не самого Аракчеева.

— Въ военныхъ поселеньяхъ людямъ даютъ въ руки ружья, а їсть не даютъ: при нынѣшнихъ обстоятельствахъ такое положеніе дѣлъ очень опасно...

«Нѣтъ, не глупъ; многое знаетъ и меньше говоритъ, чѣмъ знаетъ», подумалъ государь.

— Полагаю,—заклучилъ Шервудъ,—что Общество сіе есть продолженъе европейскаго общества карбонаровъ. Важнѣйшія лица участвуютъ въ заговорѣ; все войско—тоже. Не только жизнь вашего императорскаго величества, но и всей царской фамиліи, находится въ опасности, и опасность близка. Произойдетъ кровопролитіе, какого еще не бывало въ исторіи. Вѣдь они хотятъ—всѣхъ...

«Всѣхъ перерѣзать», понялъ государь.

— У нихъ—черныя кольца съ надписью: 71

— Что это значитъ?

— Извольте счесть, ваше величество: января—31 день, февраля—29, марта 11, итого—71. 1801 года 11 марта и 1826 года 11 марта—двадцать пять лѣтъ съ кончины блаженной памяти вашего родителя, государя императора Павла I, — подмигнулъ Шервудъ. — Покушеніе на жизнь вашего императорскаго величества въ этотъ самый день назначено...

«11 марта за 11 марта, кровь за кровь», опять понялъ государь. Поблѣднѣлъ, хотѣлъ вскочить, закричать: «вонъ, негодяй!»—но не было силъ, только чувствовалъ, что холодѣютъ и переворачиваются внутренности отъ подлаго страха, какъ тогда, послѣ аустерлицкаго сраженія, въ пустой избѣ, на соломѣ, когда у него болѣлъ животъ.

А глаза Шервуда блестѣли радостью: «клянуло! клянуло!»

Пересталъ пугать и какъ будто жалѣлъ, утѣшалъ:

— Зараза умовъ, возникшая отъ ничтожной части подданныхъ вашего императорскаго величества, не есть чувство народа, непоколебимаго въ вѣрности. Хотя и много времени

упущено, но ежели взять мѣры скорыя, то еще можно спастись; только надобно, какъ баснописецъ Крыловъ говорить:

Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой, —

заклучилъ почти съ развязностью, и что-то было въ лицѣ его такое гнусное, что государю вдругъ почудилось, что это—не человѣкъ, а призракъ: не его ли собственный дьяволь-двойникъ—воплощеніе того смѣшного-страшнаго, что въ немъ самомъ?

— Хорошо, ступай, жди приказаній отъ Клейнмихеля. Ступай же!—проговорилъ онъ черезъ силу, всталъ и протянулъ руку, какъ будто желая оттолкнуть Шервуда; но тотъ быстро наклонился и поцѣловалъ руку.

Оставшись одинъ, государь открылъ настежь окно и дверь на балконъ: ему казалось, что въ комнатѣ дурно пахнетъ. Вышелъ въ садъ, но и здѣсь въ теплому туманѣ былъ тотъ же запахъ какъ бы ножного пота, и съ мокрыхъ, точно потныхъ, листьевъ капало. На пустынной аллеѣ долго стоялъ онъ, прислонившись головой къ дереву; чувствовалъ тошноту смертную; казалось, что отъ него самого дурно пахнетъ.

На слѣдующій день перешелъ изъ кабинета въ другую комнату, въ верхнемъ этажѣ, подъ предлогомъ, что сыро внизу, а на самомъ дѣлѣ, потому, что неприятно было слышать близкіе шаги прохожихъ.

Въ тотъ же день увидѣлъ часовыхъ тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, и новую бѣлую рѣшетку въ саду, которой заперся ходъ мимо дворца; должно-быть, распорядился Дибичъ: государь никому ничего не приказывалъ.

Вспомнилъ анекдотъ объ уединенныхъ прогулкахъ своихъ по улицамъ Дрездена: старушка-крестьянка, увидѣвъ его, сказала: «вонъ, русскій царь идетъ одинъ и никого не боится, видно, у него чистая совѣсть!» А теперь—бѣлая рѣшетка...

Однажды, ночью, вбѣжалъ къ нему дежурный офицеръ съ испуганнымъ видомъ:

— Бѣда, ваше величество!

— Что такое?

— Не моя вина, государь, видитъ Богъ не моя...

— Да что, что такое? Говори же!

— Апельсинъ... апельсинъ...—лепеталь офицеръ, задыхаясь.

— Какой апельсинъ? Что съ тобою?

— Апельсинъ, ваше величество, отданный въ сдачу, свалился...

У дворца, на набережной, стояли апельсиновые деревья въ кадкахъ; на нихъ зрѣли плоды, и часовой охранялъ ихъ отъ кражи. Одинъ упалъ отъ зрѣлости. Часовой объявилъ о томъ ефрейтору, ефрейторъ—караульному, караульный—дежурному, а тотъ—государю.

— Пошелъ вонъ, дуракъ!—закричалъ онъ въ ярости; потомъ вернулъ его, спросилъ какъ имя.

— Скарятинъ.

Скарятинъ былъ въ числѣ убійць 11 марта. Конечно, не тотъ. Но государь все-таки велѣлъ никогда не назначать его въ дежурные.

Переѣхалъ въ Царское. Не потому ли, что тамъ безопаснѣе? Объ этомъ старался не думать. Попрежнему гулялъ въ паркѣ одинъ, даже ночью, какъ будто доказывалъ себѣ, что ничего не боится.

Въ срединѣ августа, ненастнымъ вечеромъ, шелъ отъ каскадовъ къ пирамидѣ, гдѣ погребены любимыя сабачки императрицы-бабушки: Томъ, Андерсонъ, Земира и Дюшессъ.

Наступали раннія сумерки. По небу неслись низкія тучи; въ воздухѣ пахло дождемъ, и тихо было тишиной предгрозною; только иногда верхушки деревьевъ отъ внезапнаго вѣтра качались, шумѣли уныло и глухо, уже поосеннему, а потомъ умолкали сразу, какъ будто кончивъ разговоръ таинственный. Англійская сучка государева, Пэдди, бѣжала впереди; вдругъ остановилась и зарычала. У подножія пирамиды кто-то лежалъ ничкомъ въ травѣ; лица не видать, какъ будто прятался. Государь тоже оста-

новился и вдруг почувствовалъ, что сердце его тяжело заколотилось, въ вискахъ закололо, и по тѣлу мурашки забѣгали: ему казалось, что тотъ, въ травѣ, тихонько шевелится, приподымается и что-то держитъ въ рукѣ. Пэдди залаяла. Лежавшій вскочилъ. Государь бросился къ нему

— Что ты дѣлаешь?—крикнулъ голосомъ, который ему самому показался гадкимъ, подлымъ отъ страха, и протянулъ руку, чтобы схватить убійцу.

— Виновать, ваше величество,—послышался знакомый голосъ.

— Это ты, Дмитрій Клементычъ? Какъ ты...

Не кончилъ,—хотѣлъ сказать: «какъ ты меня напугалъ!»

— Какъ ты тутъ очутился? Что ты тутъ дѣлаешь?

— Земиры собачки эпитафію списываю,—отвѣтилъ лейбъ-хирургъ Дмитрій Клементьевичъ Тарасовъ.

Не ножъ убійцы, а перочинный ножикъ, который чинилъ карандашъ, держалъ онъ въ рукѣ и съ могильной плиты собачки Земиры списывалъ французскіе стихи графа Сегюра

«Здѣсь лежитъ Земира, и опечаленныя Граціи должны набросать цвѣтовъ на ея могильный памятникъ. Да наградятъ ее боги безсмертіемъ за вѣрную службу».

— А знаешь, Тарасовъ, мнѣ показалось, что это кто-нибудь изъ офицеровъ подгулявшихъ расположился отдохнуть,—усмѣхнулся государь и почувствовалъ, что краснѣеть.—Ну, пиши съ Богомъ. Только не темно ли?

— Ничего, ваше величество, у меня глаза хорошіе.

Государь, свистнувъ Пэдди, пошелъ. А Тарасовъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ съ удивленіемъ.

И государь удивлялся. Никогда не былъ трусомъ. Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, когда пролетѣло ядро надъ головой его, сказалъ съ улыбкою: смотрите, сейчасъ пролетитъ другое!» Въ той же битвѣ когда всѣ считали дѣло проиграннымъ и Наполеонъ говорилъ: «міръ снова вертится для насъ!»—онъ, Александръ, «Агамемнонъ сей великой брани», не потерялъ присутствія духа.

Что же съ нимъ теперь? «Съ ума я схожу, что ли?» думалъ съ тихимъ ужасомъ.

Въ Павловскомъ дворцѣ, рядомъ со спальнею императрицы-матери, была запертая комната. Никто никогда не входилъ въ нее, кромѣ самой императрицы да камеръ-фурьера Сергѣя Ивановича Крылова. Крыловъ былъ старичокъ дряхлый, изъ ума выжившій, въ красномъ мальтійскомъ мундирѣ временъ Павловыхъ, съ такими неподвижными глазами, что казалось, если заглянуть въ зрачки, можно увидѣть то, что отразилось въ нихъ, какъ въ зрачкахъ мертвеца въ минуту предсмертную. Встрѣчая государя, онъ кланялся издали и тотчасъ уходилъ, какъ будто убѣгалъ.

Маленькій Саша, сынъ великаго князя Николая Павловича семилѣтній мальчикъ, съ немного блѣднымъ хорошенькимъ личикомъ, проходилъ всегда съ любопытствомъ мимо запертой двери: она казалась ему такой же таинственной, какъ та страшная дверь въ замкѣ Синой Бороды, о которой онъ читалъ въ сказкахъ. Заглянуть бы хоть въ щелку, увидѣть, что тамъ такое. Однажды приснилось ему, что онъ вошелъ туда и видѣлъ что-то ужасное; проснулся съ крикомъ, но не могъ вспомнить, что это было.

Въ концѣ августа, за нѣсколько дней до отъѣзда въ Таганрогъ, государь пріѣхалъ въ Павловскъ къ императрицѣ-матери и, не заставъ ея, прошелъ въ кабинетъ, гдѣ никого не было, кромѣ Саши и старушки статсъ-дамы, княгини Ливень. У окна, за круглымъ столомъ, играли они въ солдатики. Государь присѣлъ и тоже началъ играть; такъ мѣтко стрѣлялъ горохомъ изъ пушечекъ, что Саша кричалъ и хлопалъ въ ладоши отъ радости.

Въ открытую дверь виднѣлась анфилада комнатъ. Вдругъ, въ послѣдней изъ нихъ, въ спальнѣ императрицы, мелькнулъ красный мальтійскій мундиръ. Камеръ-фурьеръ Сергѣй Ивановичъ Крыловъ стоялъ у запертой двери. Государь увидѣлъ его и быстро пошелъ къ нему.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался голосъ императрицы-матери. Княгиня Ливень пошла къ ней навстрѣчу. Саша, оставшись одинъ, поднялъ глаза и, забывъ о солдатикахъ, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ у запертой двери.

Крыловъ, увидѣвъ государя, поклонился ему издали и хотѣлъ, какъ всегда, убѣжать. Но тотъ окликнулъ его и, подойдя, сказалъ:

— Дай ключъ.

Старикъ уставился на него, какъ будто не слышалъ, и забормоталъ что-то; можно было только понять:

— Ея величество... приказать изволили...

— Ну, давай же, давай скорѣе, тебѣ говорятъ!—прикрикнулъ на него государь и положилъ ему руку на плечо.

Старикъ затрясся, и зрачки его расширились, какъ зрачки мертвеца, видящіе то, чего уже никто не видитъ; хотѣлъ подать ключъ, но руки такъ тряслись, что уронилъ. Государь поднялъ, отперъ и вошелъ.

Пахнуло спертымъ воздухомъ, запахомъ старыхъ вещей: вещи покойнаго императора Павла I изъ его кабинета-спальни хранились въ этой комнатѣ. Государь увидѣлъ знакомые стулья, кресла, канапе краснаго дерева, съ бронзовыми львиными головками; знакомыя картины—архангела Гавриила и Богоматерь Гвидо Рени, висѣвшія надъ изголовьемъ постели; бюро, секретеры, письменный столъ съ чернильницей, перьями, какъ будто только что писавшими, съ бумагами и письмами,—узналъ почеркъ отца; ночной столикъ съ нагорѣвшею, какъ будто только что потушеною свѣчкою; стѣнные часы со стрѣлкой, остановленной на половинѣ перваго, и полинялыя шелковыя, съ китайскими фигурками, спальныя ширмочки.

Долго стоялъ, какъ будто въ нерѣшимости; потомъ сдѣлалъ слабый, падающій шагъ впередъ и заглянулъ за ширмочки: тамъ узкая походная кровать. Государь поблѣднѣлъ, и зрачки его расширились, какъ зрачки мертвеца, видящіе то, чего уже никто не видитъ; вдругъ наклонился и какъ будто съ шаловливой улыбкой поднялъ одѣяло. На простынѣ темныя пятна—старыя пятна крови.

Услышалъ шорохъ: рядомъ стоялъ Саша и тоже смотрѣлъ на пятна; потомъ взглянулъ на государя и, должно-быть, увидѣлъ въ лицѣ его то, что тогда, въ своемъ страшномъ снѣ,—закричалъ пронзительно и бросился вонъ изъ комнаты.

Надъ обоими, надъ сыномъ и внукомъ Павловымъ, пронесся ужасъ, соединившій прошлое съ будущимъ.

Отъѣздъ государя въ Таганрогъ назначенъ былъ 1 сентября, а государыни—3-го.

Наканунѣ вернулся онъ въ Петербургъ изъ Павловска, гдѣ простился съ императрицей-матерью, и въ назначенный день выѣхалъ изъ Каменноостровскаго дворца, въ пятомъ часу утра, когда еще горѣли фонари на темныхъ улицахъ. Одинъ, безъ свиты, заѣхалъ въ Невскую лавру и отслужилъ молебенъ.

Когда миновалъ заставу, взошло солнце. Велѣлъ кучеру остановиться, привсталъ въ коляскѣ и долго смотрѣлъ на городъ, какъ будто прощался съ нимъ. Въ утреннемъ туманѣ дома, башни, колокольни, купола церквей казались призрачно-легкими, готовыми разсѣяться, какъ сновидѣнiе. Потомъ усѣлся и сказалъ:

— Ну, съ Богомъ!

Колокольчикъ зазвенѣлъ, и тройка понеслась.

Въ Царскомъ присоединились къ нему пять колясокъ: вагенъ-мейстера полковника Соломки, метрдотеля Миллера, лейбъ-медика Виллие, генераль-адъютанта Дибича и одна запасная.

У государя была маленькая маршрутная книжка съ названiями станцiй и числомъ верстъ. Всего отъ Петербурга до Таганрога 85 станцiй, 1894 $\frac{1}{2}$ версты. Онъ долженъ былъ сдѣлать путешествiе въ 12 дней, а государыня—въ 20.

Маршрутъ, по Бѣлорусскому тракту, а съ границы Псковской губернии—по Тульскому, нарочно миновалъ Москву: нигдѣ никакихъ церемонiй, ни парадовъ, ни встрѣчъ.

Проѣхали Гатчину, Выру, Ящеру, Долговку, Лугу, Городецъ. Государь заботливо осматривалъ приготовленные для императрицы ночлеги, но самъ ѣхалъ, не останавливаясь, и спалъ ночью въ коляскѣ.

Стояли лучезарные дни осени. Каждый день солнце ясно всходило, ясно катилось по небу и ясно закатывалось,

предвѣщая назавтра такой же безоблачный день. Въ воздухѣ—гарь, дымокъ изъ овиновъ, и нѣжность, и свѣжесть, какъ будто весеннія. На гумнахъ—говоръ людской и стукъ цѣповъ, а на пустынныхъ поляхъ—тишина, какъ въ домѣ передъ праздникомъ; только журавлей въ поднебесьи курлыканье, туда же несущихся, куда и онъ.

Чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ легче ему становилось, какъ будто спадала съ души тяжесть, которая давила его всѣ годы, и онъ просыпался отъ страшнаго сна. Казалось, что уже отрекся отъ престола, покинулъ столицу и никогда не вернется въ нее императоромъ; а тамъ, куда ѣдетъ,—разрѣшеніе, освобожденіе послѣднее. Не потому ли въ кликахъ журавлиныхъ—зовъ таинственный, надежда безконечная?

Въ одну изъ первыхъ ночей, проведенныхъ въ пути, приснился ему сонъ: маленькій уѣздный городокъ, маленькіе желтенькіе, съ черными оконцами, домики, точно игрушечные, плохо нарисованные. Небо—темно-лиловое, какъ бываетъ зимнимъ вечеромъ; но не зима и не вечеръ, а осень весенняя, утро вечернее; солнца не видно, но оно во всемъ,—какъ будто изнутри свѣтится; и все—такое счастливое, милое, дѣтское, райское. А вотъ и Софья, и князь Валерьянъ Голицынъ; что-то говорятъ ему, онъ хорошенько не понимаетъ что, но чувствуетъ радость, какой никогда не испытывалъ. «Такъ вотъ оно какъ, а я и не зналъ!»—смѣется и плачетъ отъ радости; молиться хочетъ, но молиться не о чемъ: все уже есть,—всегда было, есть и будетъ.

Проснулся: «Такъ вотъ оно какъ, а я и не зналъ!»—думалъ наяву, какъ во снѣ, и плакалъ отъ радости.

Оглянулся: темно еще, но по тому, какъ звѣзды дрожать, видно, что утро близко. Не узнавалъ мѣстности: луговые скаты, а за ними—полукругъ холмовъ лѣсистыхъ въ звѣздномъ сумракѣ. Слышится далекій колоколь,—должно быть, изъ Теофиловской пустыни: значить, близко Боровичи.

Коляска вѣзжала на холмъ. Вдругъ, на краю неба, тамъ, куда уходила дорога, увидѣлъ онъ звѣзду незнакомую, огромную, необычайно яркую; за нею тянулся по небу свѣтящійся слѣдъ, а сама она какъ будто стремительно

падала внизъ. И въ этомъ паденіи былъ зовъ таинственный, надежда безконечная.

Вспомнилась ему комета 1812 года. Какъ та казалась—гибели, а была спасенія вѣстницей, — такъ, можетъ-быть, и эта?

Когда коляска поднялась на вершину холма, онъ велѣлъ кучеру остановиться; такъ же какъ намедни, на петербургской заставѣ, прощаясь съ городомъ, всталъ, снялъ фуражку и перекрестился.

— «Небеса проповѣдаютъ славу Господню, и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь»,—прошепталъ благоговѣйнымъ шопотомъ и, радуясь, чувствовалъ, что радость эта у него уже никогда не отнимется. Ни о чемъ не молился, только благодарилъ Бога за все, что было, и за все, что будетъ.